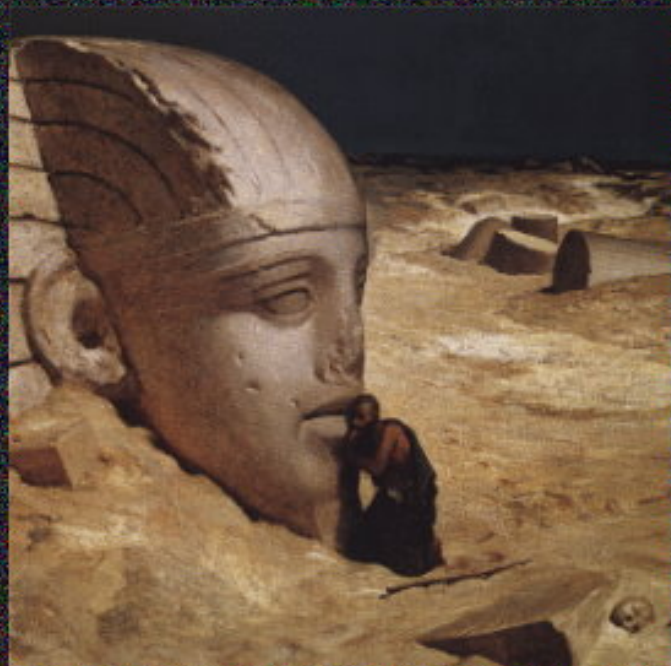

[Polaris]

Роберт Блох

БЕЗЛИКИЙ
БОГ

Египетский цикл

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CL

Salamandra P.V.V.

**Роберт
БЛОХ**

БЕЗЛИКИЙ БОГ

Египетский цикл

Salamandra P.V.V.

Блох Р.

Безликий бог: Египетский цикл. Пер. с англ. Е. Лаврецкой. Илл. В. Финлея и Г. С. Де Лэя. Послесл. Р. М. Прайса. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 152 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CL).

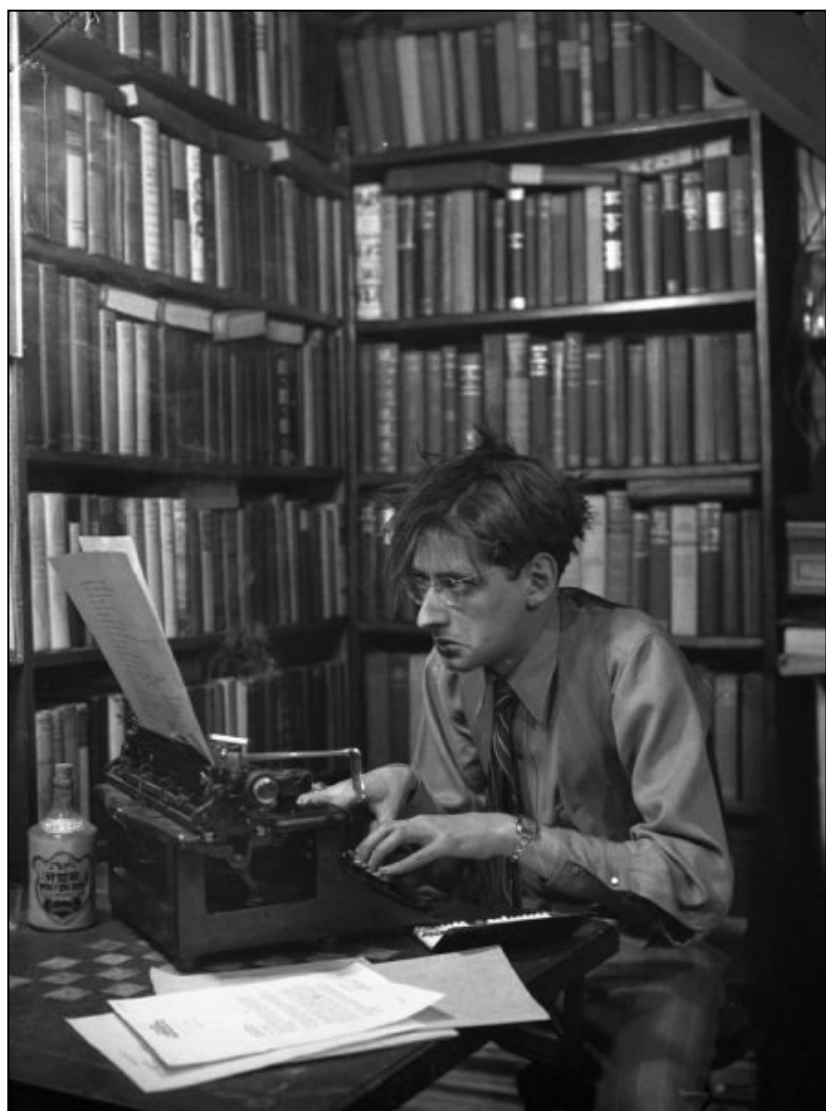
Впервые на русском языке – весь ранний «египетский цикл» рассказов одного из виднейших учеников Г. Ф. Лавкрафта, мастера ужасов Роберта Блоха. На его страницах оживают чудовищные порождения египетских мифов и лавкрафтовской мифологии – бог пустыни Ньярлатхотеп, злоеший Себек, жуткая Бубастис... Исследователям и авантюристам, стремящимся проникнуть в их тайны, приходится платить страшную цену.

© R. Bloch, etstate, 2016

© R. Price, послесловие, 2016

© E. Lavretsky, перевод, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

БЕЗЛИКИЙ БОГ

Существо на дыбе застонало. Рычаг, скрежеща и скрипя, растянул железное ложе еще на одно деление. Стоны перешли в пронзительный вопль нестерпимой агонии.

— Ну вот, — сказал доктор Стугач. — Наконец-то.

Он склонился над жертвой пытки и нежно улыбнулся прямо в страдальческое лицо человека на железной решетке. Взгляд, окрашенный утонченным весельем, вбирал каждую черту распростертого тела — раздутые ноги с ободранной кожей, красные от объятий огненных сапог; иссеченные плечи и спину, багровые от поцелуев плети; кровавые и бесформенные ошметки груди, раздавленной ласками Железной Девы. С бережной заботливостью он стал рассматривать завершающие штрихи, привнесенные дыбой — вывернутые плечи, изломанный торс, раздавленные и сломанные пальцы, болтающиеся жилы нижних конечностей. Затем он снова поглядел на измученное лицо старика. Он негромко рассмеялся, и смех его походил на звон колокольчика. После он заговорил.

— Что ж, Хассан. Не думаю, что ты еще долго сможешь упорствовать ввиду таких... хм... красноречивых аргументов. Довольно уже; скажи-ка, где найти того идола, о котором ты упоминал?

Изуродованный страдалец зарыдал, и доктору пришлось опуститься на колени у ложа боли в попытке разобрать бессвязное бормотание. Существо бредило минут двадцать и наконец умолкло.

Доктор Стугач поднялся на ноги с довольной искоркой в добродушных глазах. Он махнул рукой одному из негров, возившихся с механизмом дыбы. Тот ответил кивком и направился к живому ужасу на пыточном инструменте. Несчастный плакал — плакал кровавыми слезами. Чернокожий вытащил меч. Лезвие свистнуло, взлетая вверх, и вновь рассекло воздух, опускаясь. Послышался глухой звук удара, брызнул крошечный фонтан, на стене за дыбой расплылось багряное пятно.

Доктор Стугач вышел из подвальной комнаты, запер за собой дверь и стал подниматься по лестнице к дому. Открыв тяжелую крышку люка, он увидел яркое солнце и радостно засвистел. Он был очень доволен.

2.

У него были на то хорошие причины. Уже несколько лет доктор вел, как сказали бы некоторые, жизнь «авантюриста». Он занимался контрабандой древностей, безжалостно эксплуатировал труд туземцев на Верхнем Ниле и иногда опускался даже до запретной торговли «черным товаром», процветавшей в кое-каких портах Красного моря. В Египет он прибыл много лет назад в качестве атташе археологической экспедиции, откуда его без долгих церемоний изгнали. Причина изгнания так и осталась неизвестной, но ходили упорные слухи, что доктор решил присвоить лучшие экспедиционные трофеи. Разоблаченный и опозоренный, он исчез, а через несколько лет вернулся в Каир и открыл заведение в туземном квартале. Неразборчивость в средствах помогла ему завоевать здесь сомнительную репутацию и обеспечила доктора приличным доходом. И то, и другое его, похоже, вполне устраивало.

В описываемое время он представлял собой низкорослого и плотного человека лет сорока пяти, с головой в форме пули, возвышавшейся над широкими обезьяньими плечами. Толстое туловище и выпирающий живот поддерживались парой хилых ног, составлявших странный контраст с верхней, мясистой частью тела. Быть может, доктор и на поминал Фальстафа, но человеком он был жестким и жестоким. В его свинячьих глазках светилась алчность; пухлые губы выдавали похоть; непритворно улыбался он лишь от жадности.

Именно страсть к наживе привела его к нынешнему приключению. Стугача нельзя было назвать человеком легковерным. Обычные рассказы о затерянных пирамидах, за-

рытых в пустыне сокровищах и похищенных мумиях оставляли его равнодушным. Он предпочитал нечто более весомое. Контрабандный груз ковров; немного тайком перевезенного через границу опиума; известное количество противозаконного человеческого товара — такие вещи он хорошо понимал и ценил.

Но эта история была совсем иной. Она казалась невероятной и все-таки пахла большими деньгами. Стугач был достаточно умен. Он знал, что многими величайшими открытиями египтология была обязана как раз подобным диким слухам. Он был также способен отличить невероятную правду от досужего вымысла. В этой истории тайлось зерно истины.

В кратком пересказе, звучала она так. Некий отряд кочевников, находясь в тайном путешествии с грузом незаконно приобретенных товаров, пересекал пустыню по собственному, заранее намеченному маршруту. Обыкновенные караванные пути виделись контрабандистам не слишком безопасными. В одном месте они случайно заметили торчащий из песка любопытный предмет — не то обломок скалы, не то камень. Очевидно, он был когда-то похоронен под толщей песка, но за долгие века песчаные дюны, пересыпаясь и меняя очертания, сдвинулись и открыли часть предмета. Контрабандисты остановились, приблизились — и совершили поразительное открытие. Из песка выдавалась голова статуи, древнеегипетской статуи с тройной короной бога! Черное тело по-прежнему покоилось в песке, однако голова прекрасно сохранилась. Она была весьма странной, эта голова, и ни один из туземцев не мог или не желал распознать божество, хотя караванщики придирали их допросили. Все это казалось непостижимой тайной. Превосходно сохранившаяся статуя неведомого бога, похороненная в одиночестве в южной пустыне, вдалеке от какого-либо оазиса и в двухстах милях от самого ничтожного из окрестных селений!

Караванщики, судя по всему, осознали уникальность находки; обнаружив неподалеку два валуна, они велели поместить их на макушку идола в виде опознавательного зна-

ка. Проводники-туземцы с явной неохотой подчинились, продолжая тихо бормотать молитвы. Они, похоже, очень боялись погребенного идола, хотя в ответ на расспросы твердили, что ничего не ведают.

Так или иначе, валуны очутились на месте и каравану пришлось тронуться в путь: время не позволяло раскопать необычайную статую или увезти ее с собой. Вернувшись на север, они рассказали о статуе; как и большинство прочих историй пустыни, рассказ их дошел до доктора Стугача. Он сразу сообразил, что к чему. Караванщики, вполне очевидно, не придали находке должного значения. Необходимо лишь разведать, где именно находится статуя; тогда он сможет добраться туда и выкопать ее без особых хлопот.

Стугач счел, что игра стоила свеч. Будь это еще одна байка о сокровищах, он бы только фыркнул и тотчас забыл о ней, как об очередной небылице. Но каменный идол — нечто совсем иное. Кучка невежественных арабов-контрабандистов, конечно, вполне могла оставить без внимания такое открытие; но для доктора оно могло оказаться ценнее любых выдумок о потаенных сокровищах Египта. Ему было нетрудно припомнить все те смутные повествования, туманные намеки, что привели к цели первых исследователей. Они проникали в пирамиды и прочесывали руины храмов, и немало подсказок заводили их в тупик. Все они были в душе грабителями могил, но что с того: они стали богачами и прославились. Так почему же не он, Стугач? Если история караванщиков правдива, и этот отлично сохранившийся идол не просто погребен в забытом уголке пустыни, но и изображает совершенно неизвестное божество... находка произведет настоящий фурор! Он сделается знаменитым ученым! Кто знает, какие новые области археологии он откроет миру? В общем, попытаться стоило.

Нельзя было вызвать ни малейших подозрений. Он не осмелился расспрашивать арабов о местоположении статуи. Сразу пойдут разговоры. Нет, нужно получить точные указания от кого-либо из туземных проводников отряда. Двое слуг доктора задержали Хассана, старого погонщика верблюдов, и доставили его в дом Стугача. Однако при допро-

се Хассан только трясся от страха. Он отказался говорить. Тогда Стугач, как мы уже видели, предложил ему проследовать в небольшую подвальную гостиную, где доктору уже доводилось принимать некоторых строптивых гостей. Там доктор, чьи познания в анатомии еще раз сослужили хорошую службу, сумел заставить пациента разговориться — с помощью методов, свидетелями которых мы только что стали.

Вот почему доктор Стугач вынырнул из подвала в весьма приятном расположении духа. Разглядывая карту и сверяя с нею полученные сведения, он потирал руки, а к обеду вышел с широкой улыбкой на лице.

Два дня спустя он был полностью готов. Доктор нанял всего нескольких туземцев, дабы не вызывать подозрений у властей. Знакомым дельцам он сообщил, что уезжает по особой надобности. Драгомана доктор нашел на стороне и принял все меры к тому, чтобы тот держал рот на замке. Караван состоял из быстроногих верблюдов и запряженных в большую пустую повозку ослов. Доктор запасся пищей и водой на шесть дней, так как вернуться собирался на речном пароходе. Наконец все приготовления были завершены, отряд собрался утром в укромном месте, подальше от официальных глаз, и экспедиция началась.

3.

На утро четвертого дня они добрались до места. Стугач заметил камни со своего шаткого наседа на спине головного верблюда. Он восторженно выругался и, несмотря на палящий зной, соскочил и побежал к валунам. Через минуту доктор поспешно велел отряду остановиться и распорядился немедленно ставить палатки и готовиться к стоянке. Совершенно игнорируя невыносимую жару, он самолично удостоверился, что обливающиеся потом туземцы сделали все как надо; а затем, не дав людям и секунды отдыха, приказал им убрать массивные валуны. В конце

концов, напрягая все силы, туземцам удалось откатить валуны и расчистить песок под ними.

Еще несколько мгновений — и среди рабочих раздалась громкая возгласы. Показалась черная и зловещая голова. То было увенчанное тройной короной воплощение кощунства. Длинные острые конусы украшали верхушку черной диадемы, а под ними прятались филигранно выполненные изображения. Доктор наклонился и осмотрел их. И стиль, и темы изображений были чудовищны. Он увидел извивающиеся, червеобразные тела первобытных монстров и безголовых, сочащихся слизью существ с далеких звезд. Здесь были гигантские животные в человеческих одеждах и древнеегипетские боги, сплетенные в жестокой схватке с корчащимися демонами, вышедшими из бездны. Одни изображения были неопишимо непристойны, другие намекали на неясные ужасы, что были древними еще тогда, когда мир был молод. Но все они источали зло, и даже Стугач, хладнокровный и огрубевший, не мог глядеть на них без содрогания, а разум его сотрясился от страха.

Туземцы, в отличие от него, не скрывали паники. Как только верхняя часть идола показалась из песка, они начали что-то истерически визжать, после сбились в кучку рядом с раскопом и принялись лепетать и спорить, указывая время от времени то на статую, то на коленопреклоненную фигуру доктора. Поглощенный осмотром, доктор едва слышал их слова, не замечал грозного выражения на угрюмом лице драгомана. Несколько раз него донеслось имя «Ньярлатхотеп»; упоминался и какой-то «посланец демонов».

Завершив осмотр, доктор поднялся и приказал людям продолжать раскопки. Никто не двинулся с места. Он нетерпеливо повторил приказание. Туземцы стояли, опустив головы, но их лица оставались бесстрастны. Наконец драгоман выступил вперед и обратился к *эффенди* с горячей речью.

Он и его люди никогда не пошли бы с господином, если бы знали заранее, что их ожидает. К статуе бога они не прикоснутся, да и доктору лучше держаться от нее подальше. Нельзя навлекать на себя гнев Древнего Бога — Тайного Бога. Возможно, господин никогда не слышал о Ньярла-

тхоте. Он был древнейшим богом Египта и всего мира. То был Бог Воскрешения и Черный Посланец Карнетера. Предание гласит, что однажды он восстанет и вернет к жизни древних мертвецов. Проклятия его следует избегать во что бы то ни стало.

Стугач слушал и мало-помалу терял терпение. Он со злостью прервал драгомана и велел людям прекратить тащить глаза и вернуться к работе. Приказ он подкрепил двумя револьверами Кольта 32-го калибра. Он прокричал, что берет на себя всю ответственность за это святотатство и не боится ни одного треклятого каменного идола на свете.

Туземцев достаточно впечатлили как револьверы, так и поток ругательств. Они снова начали копать, робко отворачиваясь от статуи.

Несколько часов работы хватило, чтобы извлечь идола на поверхность. Если корона на каменной голове лишь намекала на ужас, голова и туловище открыто его провозглашали. Облик божества был срамным и до жути злоеющим. В нем чудилось что-то несказанно *чужеродное* — нестареющее, неизменное, вечное. Ни единая царапина не бороздила черную, грубо обработанную поверхность; тысячелетнее погребение никак не сказалось на дьявольских каменных чертах. Стугач увидел божество таким, каким оно было похоронено, и вид его навевал страх.

Оно напоминало миниатюрного сфинкса — в натуральную величину, с крыльями грифа и телом гиены. На цепких лапах топорщились когти, а над приземистым телом животного высилась массивная антропоморфная голова с ужасной тройной короной, украшенной жуткими изображениями, недавно так испугавшими туземцев. Но худшим и безусловно самым чудовищным являлось то, что у отвратительного идола отсутствовало какое-либо подобие лица. То был безликий бог; крылатый, безликий бог древних мифов — Ньярлатхотеп, Державный Посланец, Звездный Странник, Властелин Пустыни.

Стугач оглядел статую и ощутил прилив чуть ли не исторического счастья. Он торжествующе улыбнулся прямо в пустую и презренную физиономию идола — улыбнулся в

этот безликий провал, зияющий пустотой, как черное пространство меж солнцами. В порыве восторга он не заметил, что туземцы и проводники начали тайком перешептываться, не обратил внимания на испуганные взгляды, что они бросали на нечестивый образ. Ему было бы лучше заметить и услышать, ибо эти люди знали, как знает весь Египет, что Ньярлатхотеп был Господином Зла.

Недаром в давние дни его храмы были разрушены, статуи повержены, а жрецы распяты. По темным и ужасным причинам поклонение ему было запрещено. Имя бога было выброшено из «Книги мертвых»; всякие упоминания о нем давно исключили из Священных Манускриптов; были также приложены все старания к тому, чтобы стереть память о некоторых его божественных атрибутах либо перенести их на какое-нибудь второстепенное божество. У Тота, Сета, Бубастис и Себека сохранились следы кое-каких наводящих ужас свойств Господина. Именно он, согласно наиболее архаичным хроникам, правил царством мертвых. Он был покровителем колдовства и черной магии. Некогда царствовал он один, и люди знали его во всех землях и под многими именами. Но это время ушло. Люди отвернулись от поклонения злу и стали боготворить добро. Их больше не занимали ни мерзкие жертвоприношения, которых требовал Темный Бог, ни власть его жрецов. И наконец культ его был объявлен вне закона; по общему согласию, на любые упоминания о нем был навсегда наложен запрет. Все памятники и записи были уничтожены. Однако Ньярлатхотеп, как утверждает предание, пришел из пустыни — и возвратился в пустыню. В потаенных местах среди песков были установлены идолы; редящие фанатичные ряды истинных приверженцев, как и прежде, пресмыкались и извивались в обнаженных плясках, преклоняясь перед жестоким богом, а нечеловеческие крики жертв слышала одна только ночь.

Так сохранилась эта легенда и так передавалась она тайными путями земли. Время шло. На севере отступили ледники и пала Атлантида. Новые народы хлынули в южные края, но люди пустыни остались. Насмешливыми и ци-

ничными взорами следили они за строительством пирамид. Погодите, говорили они. Когда настанет День, Ньярлатхотеп покинет пустыню, и горе падет на Египет! Ибо пирамиды рассыпятся в прах и храмы обратятся в развалины. Затонувшие города поднимутся с морского дна, а на земле воцарятся глад и чума. Звезды изменятся до неузнаваемости, что позволит Великим, пульсируя, проникнуть в мир из внешней бездны. И тогда звери обретут речь и в человекоподобии своим предскажут конец человечества. По этим знамениям и другим апокалиптическим предвестиям мир поймет, что Ньярлатхотеп вернулся. Вскоре узреют и его самого — смуглого, безликого человека в черном, с посохом в руке; он пройдет по пустыне, не оставляя следов, за исключением следа смерти. Ибо там, куда направит он стопы свои, люди будут умирать, пока не останутся лишь истинно верующие, дабы приветствовать и поклоняться ему и Предвечным из бездны.

Такова была суть предания о Ньярлатхотеппе. Оно было старше тайного Египта, древнее поглощенной морем Атлантиды и забытого во времени континента Му. Но оно никогда не забывалось. В средневековье эту историю и пророчество разнесли по Европе возвратившиеся из походов крестоносцы. И Державный Посланец превратился в Черного Человека шабашей ведьм; в эмиссара Асмодея и темных богов. В «Некрономиконе» неявно упоминается его имя — Альхазред слышал, как его шепотом передавали в легендах сокрытого мраком Ирема. Смутные и разноречивые намеки на этот миф содержатся и в легендарной «Книге Эйбона», написанной в те далекие времена, когда еще считалось небезопасным повествовать о созданиях, попиравших землю в пору ее молодости. Людвиг Принн, путешествовавший по градам и весям сарацинов и проникший в тайны странных колдовских обрядов, пугающим образом использовал свои знания о культе Ньярлатхотеппа в отвратном сочинении «Тайны червя».

Однако культ Ньярлатхотеппа, судя по всему, в более поздние времена исчез. В «Золотой ветви» сэра Джона Фрезера нет никаких сведений о нем, и самые известные этно-

логи и антропологи ничего не знают об истории Безликого. Но еще сохранились неповрежденные идола, и некоторые шепотом рассказывают о кое-каких кавернах под Нилом и о тайных ходах и помещениях под Девятой пирамидой. Секретные знаки и символы культа ныне не найти; правда, в государственных сейфах содержатся под надежной охраной определенные иероглифические надписи, не поддающиеся расшифровке. Знание не ушло. Легенда веками передавалась из уст в уста, и кто-то до сих пор ждет пришествия Дня. По молчаливому уговору, караваны тщательно обходят известные места в пустыне, и хранящие память избегают посещать горстку уединенных святилищ. Ибо Ньярлатхотеп — Бог Пустыни, и лучше не осквернять его пути.

Это-то знание и вызвало беспокойство туземцев, раскапывавших похороненного в песке идола. Вид короны испугал их, лишенное черт лицо наполнило их сердца бесконечным ужасом. Судьба доктора Стугача их не заботила. Они думали лишь о себе, и их выбор был ясен. Они должны бежать — и как можно скорее.

Доктор Стугач, в свою очередь, не думал о туземцах. Он был занят планированием завтрашнего дня. Погрузить идола на повозку, запрячь ослов... Когда отряд достигнет реки, статую перегрузят на пароход. Какая потрясающая находка! Перед доктором встали приятные видения будущей славы и богатства. Так это он — падальщик? Искатель сомнительных приключений, а? Шарлатан, обманщик, мошенник — вот как его называли. Глаза этих самодовольных чинуш ползут на лоб, когда они увидят его находку! И одним небесам известно, какие она открывает перспективы. Могут быть и другие алтари, другие статуи; гробницы и храмы, не исключено. Он смутно припомнил какую-то абсурдную легенду о культе этого божества; если только удастся заполучить еще нескольких туземцев, располагающих нужными сведениями... Он задумчиво улыбнулся. Как смешны эти суеверные мифы! Но люди, вполне очевидно, боятся статуи. И тут еще драгоман с его глупыми цитатами. Как там? «Ньярлатхотеп — Черный Посланец Карнетера. Он является из пустыни, пересекая раскаленные пески, и

преследует свою добычу по всему миру, каковой есть земля его царствия». Чушь! Все египетские мифы непроходимо глупы. Внезапно оживающие статуи со звериными головами; реинкарнация людей и богов — и тупоголовые цари, строящие пирамиды для мумий. Что ж, в это верят многие глупцы, и не одни лишь туземцы. Он знал некоторых болванов, веривших в проклятие фараона и магию жрецов прошлого. Ходило множество несуразных историй о древних гробницах и людях, проникших туда и после умерших. Нужно ли удивляться, если и его простодушные туземные землекопы разделяют веру в подобную чепуху! Но верят они или нет, им придется перевезти статую, черт побери, даже если для этого понадобится их пристрелить.

Довольный собой, доктор пошел к палатке. Бой накрыл на стол, и Стугач сытно поужинал, ни в чем себе не отказывая. Затем он решил пораньше лечь спать: завтрашним утром его ждало много дел. Люди могут сами позаботиться о лагере, решил он. Стугач тут же растянулся на походной койке и вскоре погрузился в спокойный, мирный сон.

4.

Он проснулся, вероятно, через несколько часов. Было очень темно, и ночь была совершенно недвижна. Он услышал далекий вой охотившегося шакала, но вскоре и этот вой утонул в мрачной тишине. Удивленный внезапным пробуждением, Стугач встал, подошел к выходу, откинул полог и уставился в ночь. Мгновение спустя он в безумной ярости разразился руганью.

Лагерь был пуст! Костер погас, люди и верблюды исчезли. Следы туземцев, уже полускрытые песком, говорили о безмолвном и поспешном бегстве. Эти суеверные трусы бросили его здесь в одиночестве!

Затерянный в пустыне... Его сердце судорожно сжалось от страха. Один! Ни людей, ни припасов, верблюды и ослы исчезли. Нет ни оружия, ни воды, и он остался совсем один.

Он стоял у входа в палатку и в ужасе смотрел на громадную необитаемую пустыню. Луна сияла на непроглядно-черном небе, как серебряный череп. Резкий порыв теплого ветра нарушил спокойствие бесконечного океана песка, бросил маленькие песчаные волны к его ногам. Затем наступила тишина, нескончаемая тишина, подобная тишине могилы, вечному молчанию пирамид, где в рассыпающихся саркофагах лежат мумии, вглядываясь мертвыми глазами в неизменную, вековую темноту. Он ощутил себя совсем маленьким, одиноким и затерянным в ночи; он чувствовал, что неведомые и мрачные силы свивают нити его судьбы в последний трагический узор. Ньярлатхотеп! Жестокий бог знал, и непреложная месть его настигла доктора...

Но ведь это полная чепуха. Не стоит беспокоиться из-за такой фантастической ерунды. Всего-навсего еще один мираж пустыни, достаточно распространенная иллюзия, учитывая обстоятельства. Нельзя падать духом. Нужно трезво оценить факты. Люди бежали с припасами и верблюдами из-за какого-то безумного туземного суеверия. Это факт. Что же касается самого суеверия, то о нем и думать нечего. Сумасшедшие и болезненные фантазии, которые быстро растворятся в лучах утреннего солнца.

Утреннее солнце! Его пронзила ужасающая мысль — мысль о страшной яви полуденной пустыни. Если он хочет найти оазис, придется идти и днем, и ночью, пока голод и жажда не свалят его с ног. Но стоит покинуть палатку, и спасения не будет; негде будет укрыться от этого безжалостного солнечного глаза, чьи сверкающие лучи выжгут мозг и швырнут доктора в пучину безумия. Смерть в раскаленной пустыне — непредставимая агония. И все же необходимо вернуться домой. Работа еще не закончена. Следует организовать новую экспедицию и привезти статую. Он должен вернуться! А кроме всего прочего, умирать Стугач вовсе не собирался. Его толстые губы задрожали от страха при мысли о боли, о пытке. Он отнюдь не желал испытать страдания того старика на дыбе. Бедолага выглядел не слишком счастливым... Нужно торопиться. Вот только куда?

Он лихорадочно огляделся, пытаясь определить, где находится. Однообразный и загадочный простор пустыни словно издевался над ним. На миг его сознание рухнуло в черноту отчаяния, но тотчас пришло вдохновение. Нужно двигаться на север, конечно же. Он вдруг вспомнил вчерашнее случайное замечание драгомана. Статуя Ньярлатхотепа глядит на север. Он принялся радостно обыскивать палатку в поисках воды и провизии. Ничего. Спички и табак лежали в кармане, а в сумке он нашел охотничий нож. Покидая палатку, он был почти уверен в успехе. Путешествие будет чуть ли не детской забавой. Он будет идти всю ночь и как можно быстрее. Свернутое сейчас в скатку одеяло, надо думать, укроет его завтра от полуденного зноя, а к вечеру, когда жара немного спадет, он вновь тронется в путь. Быстрый ночной марш — и к утру он, вероятно, окажется неподалеку от оазиса Вади-Хассур. Нужно только проверить по статуе направление и наметить маршрут, поскольку пересыпающийся песок успел скрыть следы бежавших людей.

С торжествующим видом Стугач пересек площадку бывшего лагеря и подошел к раскопу. И здесь его ждало самое горькое разочарование.

Идол был закопан! Рабочие не только бережно вернули статую на место, но и забросали весь раскоп песком, а сверху поместили два валуна. Стугач никак не смог бы сдвинуть их в одиночку. Осознав грандиозность беды, он впал в отчаяние и ужас. Он проиграл. Проклятия не помогут. В глубине души он даже не надеялся, что сможет молиться. Ньярлатхотеп — Властелин Пустыни!

В смертельном страхе он начал свое путешествие, наугад выбрав направление и отчаянно надеясь, что неожиданно закрывшие небо облака рассеются и откроют спасительные звезды. Но облака и не думали расходиться — и лишь размытое пятно луны мрачно глядело вниз, на спотыкающегося путника, бредущего по песку.

Безумные мысли кружились в сознании Стугача. Как ни пытался он их отбросить, предание о божестве пустыни всплывало все навязчивей, наполняя его чувством неотвратимости финала. Напрасно пытался он заставить одурманенный

мозг забыть о мучительных подозрениях. Ничего не получалось. Он снова и снова ловил себя на том, что дрожит от страха, думая о гнев божества, что будет преследовать его до рокового конца. Он осквернил святилище, а Древние злопамятны... «лучше не осквернять его пути»... «Бог Пустыни»... и это пустое лицо. Стугач ядовито выругался и потащился вперед — крошечный муравей среди струящихся гор песка.

5.

Внезапно стало светло. Песок из пурпурного сделался фиолетовым, затем вдруг налился светло-лиловым сиянием. Но Стугач этого не видел. Он спал. Задолго до намеченного часа его опухшее тело уступило невероятному напряжению. Рассвет застал доктора совершенно обессиленным и истощенным. Усталые ноги подкосились и он упал на песок, провалившись в сон и едва успев накрыться одеялом.

Солнце ползло по медному небу, как огненный шар лавы, отбрасывая свои расплавленные лучи на пламенеющий песок. Стугач спал, но и сон его был далек от безмятежности. Жара принесла странные и тревожные сновидения.

Он видел кошмарное бегство по пустыне огня и преследующую его личину Ньярлатхотепа. Он бежал по пылающей равнине, не в силах остановиться; жгучая боль обжигала его обугленные и почерневшие ноги. За ним шагал Безликий Бог, понукая его посохом, увитым змеями. Он бежал и бежал, но повсюду ощущал за собой это ужасное присутствие. Ноги горели в обжигающей агонии песка. Вскоре он уже ковылял на жутких искореженных культях, но и в этой попытке не осмеливался остановиться. Существо позади хотело в своей дьявольской радости, и гигантский смех возносился к пылающим небесам.

Стугач полз теперь на коленях — изуродованные ноги превратились в дымящиеся едким дымом культы из пепла. Пустыня вдруг стала живым огнем, и он погрузился в него

с головой; обожженное тело растворилось в вихре невыносимой багровой муки. Он чувствовал, как языки огненного песка безжалостно лижут его руки, туловище, даже горло — но умирающие чувства по-прежнему наполнял чудовищный ужас перед Безликим преследователем, и ужас тот превосходил всякую боль. Погружаясь в раскаленный добела ад, он еще пытался бороться. Его не настигнет мстительный бог! Но жар лишал его сил, огонь лизал потрескавшиеся и кровоточащие губы, превращая обожженное тело в жуткую головешку кипящей боли.

В последний раз, прежде чем раскаленный огнем мозг уступил агонии, он приподнял голову. Перед ним высился Темный — и Стугач увидел, как худые когтистые руки протянулись к его горящему лицу, как приблизилась голова, увенчанная ужасающей тройной короной. На один страшный миг он заглянул в пустое лицо. Ему показалось, будто он что-то увидел в этом черном провале ужаса — что-то, ответившее ему взглядом из далеких бездонных бездн, нечто с громадными пылающими глазами, впившимися в его существо с яростью, затмившей бушующий огонь. Он и без слов понял, что судьба его решена. После был взрыв добела раскаленного забвения, кровь закипела в его жилах, и он погрузился в кипящий песок, но и тогда его продолжал преследовать неописуемый страх, порожденный этим взором, и последним, что он вспомнил, было жуткое пустое лицо и безымянный ужас, таящийся в его глубинах. И тогда он проснулся.

Он испытал такое облегчение, что не сразу ощутил жар полуденного солнца. Затем, обливаясь потом, он с трудом поднялся на ноги и почувствовал, как палящие лучи впиваются в спину. Он попробовал было заслонить глаза рукой и оглядеться, но повсюду огненной чашей нависало небо. В отчаянии он выронил из рук одеяло и бросился бежать. Песок прилипал к ногам, обжигал пятки, затруднял бег и заставлял его спотыкаться. Он чувствовал невыносимую жажду. Демоны горячки уже танцевали в голове бешеный танец. Он бежал и бежал без конца, и сновидение становилось пугающей явью. Неужели все исполнится?

Его ноги *действительно* обожжены, тело горит. Он обернулся. Слава Богу, его никто не преследует — пока что! Если он возьмет себя в руки, то сможет, вероятно, добраться до цели, несмотря на упущенное время. Он побежал быстрее. Быть может, проходящий караван... но нет, местность лежит вдалеке от караванных путей. Сегодня вечером закат подскажет ему точное направление. Вечером.

Будь проклята эта жара! Песок, повсюду вокруг песок. Холмы, горы песка. Похожие друг на друга, как искрошенные циклопические руины титанических городов. И все они горят, дымятся от невыносимого жара.

День тянулся без конца. Время, вечная иллюзия, утратило всякое значение. Усталое тело Стугача дрожало от боли, и каждый миг становился новой нескончаемой пыткой. Горизонт был все так же далек. Ни единый мираж не оживлял жестокое, вечное пространство. Ни единый клочок тени не спасал от ослепляющего жара.

Но что это? Не тень ли там, *позади*? Нечто темное и бесформенное злорадно рассмеялось в дальнем уголке его сознания. Ужасная мысль внезапно пронзила его. Ньярлатхотеп, Бог Пустыни! Тень, следующая за ним, гонящая его к гибели. Эти легенды — его ведь предупреждали туземцы, и сновидения, и даже это умирающее на дыбе создание. Державный Посланец всегда требует свою дань... смуглый человек с посохом, увитым змеями... «Он является из пустыни, пересекая горящие пески, и преследует добычу по землям царствия своего».

Галлюцинация? Отважится ли он оглянуться? Он повернул охваченную обручем горячки голову. Да! *На сей раз это правда!* Позади *что-то* движется, там, на склоне, нечто черное, туманное и словно крадущееся на мягких лапах. Выругавшись себе под нос, Стугач пустился наутек. Зачем он только прикоснулся к статуе? Если он выберется из этой передраги — никогда больше не вернется к проклятому идолу. Легенды говорили правду. Бог Пустыни!

Он все бежал, хотя солнце покрывало его лоб кровавыми поцелуями. Он начинал слепнуть. Перед глазами головокруглительно вращались сияющие созвездия, сердце от-

стукивало в груди пронзительный ритм. В сознании оставалась лишь одна мысль — спастись.

Воображение играло с ним странные шутки. Он словно видел в песке статуи, подобные той, что он осквернил. Они вздымались, сбрасывая покров песка, высились повсюду, с жуткой угрозой преграждали путь. Некоторые простирали крылья, другие, похожие на змей, тянулись к нему щупальцами, но все они были безлики и увенчаны тройными коронами. Ему казалось, что он сходит с ума. Он оглянулся и увидел в полумиле от себя медленно надвигающуюся фигуру. Спотыкаясь, он побежал вперед, осыпая неразборчивыми проклятиями уродливых идолов, стоявших на пути. Пустыня, мнилось, обрела злобную душу, и вся природа будто сговорилась погубить его. Извилистые очертания дюн источали зловещую волю, само солнце дышало злом. Стугач лихорадочно застонал. Настанет ли когда-нибудь ночь?

И ночь наконец настала, но Стугачу было уже все равно. В бреду, дрожа, он брел по песчаным волнам, и восходящая луна глядела вниз на существо, которое раздражалось то хохотом, то воем. Вот оно выпрямилось и оглянулось на подобравшуюся ближе тень. Существо вновь бросилось бежать, снова и снова выкрикивая одно и то же имя: «Ньярлатхотеп». Тень не отставала от него ни на шаг.

Казалось, она была наделена неведомым и дьявольским разумом — бесформенная сущность гнала жертву в определенную сторону, словно бы намеренно направляя ее к заранее избранной цели. Звезды глядели теперь на порождение горячечного бреда — по песчаным волнам бежал человек, преследуемый черной тенью. Вот беглец взбежал на вершину холма и с воплем застыл, как вкопанный. Тень остановилась в воздухе, точно чего-то ожидая.

Стугач увидел внизу свой разоренный лагерь, покинутый минувшей ночью. Внезапно наступило ужасное прозрение: он понял, что все это время блуждал по круту и вернулся туда, откуда вышел. Вместе с прозрением пришло милосердное безумие. Он метнулся вперед в последней попытке спастись от тени и побежал прямо к валунам и захороненной в песке статуе.

И тогда случилось то, чего он так страшился. Еще на бегу он ощутил, как земля под ногами сотрясается в спазмах гигантской судороги. Огромные вздымающиеся волны песка откатились от валунов — и на открытом месте восстал идол, грозно поблескивая в темноте. Песчаные волны захлестнули бегущего Стугача, засасывая его ноги, как трясина, поднимаясь к груди. В тот же миг странная тень прыгнула вперед и будто соединилась в воздухе со статуей, окутав ее туманной живой дымкой. И Стугач, трепеща в объятиях песка, от ужаса утратил последние остатки разума.

Бесформенная статуя отсвечивала живой плотью в мертвенном свете, и обреченный человек глядел в ее страшное лицо. Его сновидение стало явью: за этой каменной маской он видел лик с глазами желтого безумия и блистающими смертью глазами. Черная фигура распростерла крыла на фоне холмов и с громоподобным ударом канула в песок.

И больше над землей не осталось ничего, помимо живой головы; голова дергалась, плененное тело безуспешно пыталось высвободиться из железной хватки песка. Голова изрыгала проклятия, которые перешли в исступленные просьбы о помощи, после в рыдания, в которых звучало лишь одно имя: «Ньярлатхотеп».

Когда наступило утро, Стугач был еще жив. Солнечный жар превратил его мозг в комок багровой боли. Но это продолжалось недолго. Стервятники, поднявшись над пустыней, ринулись на него, словно их направила невидимая рука.

Где-то рядом, похороненный в песке, покоился древний идол, и на его лишенном черт лице блуждала еле заметной тенью чудовищная, затаенная улыбка. Ибо и в смерти изуродованные губы ни во что не верившего Стугача шепотом воздавали хвалу Ньярлатхотепу, Богу Пустыни.

ОТКРЫВАЮЩИЙ ПУТИ

Статуя Анубиса тонула во тьме. Слепые глаза неисчислимые века купались в черноте, и прах столетий оседал на каменной голове. Влажный воздух подземелья заставил ее частично осыпаться, но каменные губы статуи по-прежнему изгибались в издевательской ухмылке загадочного ликования. Могло показаться, что идол жив и жил все то время, пока мимо текли смутные столетия, унося славу Египта и древних богов. В этом случае у него, бесспорно, была бы причина ухмыляться, размышляя о древнем величии, о тщете исчезнувшего великолепия. Но статуя Анубиса, Открывающего Пути, шакальевого бога Карнетера, не была жива, а те, что некогда благоговейно склонялись перед нею, давно были мертвы. Смерть была повсюду: она витала в темном туннеле, где стоял идол, пряталась в саркофагах среди мумий, смешивалась даже с пылью на каменном полу. Смерть и тьма — тьма, куда за три тысячи лет не проник ни единый луч света.

Но сегодня пришел свет. Пришествие его возвестил лязгающий скрежет: дверь в дальнем конце коридора повернулась на проржавевших петлях, открылась впервые за тридцать веков. На порог упал незнакомый отсвет фонаря, внезапно послышались голоса.

Во всем этом чувствовалось нечто неопределимо странное. Три тысячи лет в эти черные подземные склепы не проникал никакой свет, ничья поступь три тысячи лет не тревожила ковер из пыли на каменных полах, три тысячи лет ни один голос не отдавался эхом в древнем воздухе. Последним освещал эти стены священный факел в руке жреца Баст; последними прошли здесь ноги, обутые в египетские сандалии; последним раздался здесь голос, читавший молитвы на языке Верхнего Нила.

И вот теперь электрический фонарь залил подземелье внезапным светом, ботинки громко застучали по полу и голос с британским акцентом выругался от всего сердца.

В свете фонаря показался носитель света. То был высокий и худой человек с лицом таким же сморщенным, как папирус, который он нервно сжимал в левой руке. Седые волосы, запавшие глаза и пожелтевшая кожа придавали ему вид старика, но в улыбке тонких губ читалось торжество юности. Позади него стоял другой, более молодая копия первого. Именно он произнес ругательство.

— Боже мой, отец — мы добрались!

— Да, мой мальчик.

— Смотри! Вот и статуя, как раз там, где отмечено на карте!

Они прошли по пыльному туннелю и остановились перед иколом. Носитель света, сэр Рональд Бартон, поднял фонарь повыше, чтобы лучше рассмотреть каменную фигуру бога. Питер Бартон стоял рядом, следя глазами за взглядом отца.

Пришельцы долго рассматривали хранителя оскверненной ими гробницы. Странная то была минута здесь, в подземном коридоре — миг, впитавший в себя вечность, миг, когда старое встретилось с новым.

Сэр Рональд и его сын глядели на образ бога с восхищением и почтением. Колоссальная фигура бога-шакала высилась в скудно освещенном туннеле, и ее потрепанные временем очертания все еще хранили следы горделивого величия и необъяснимой угрозы. Воздушный поток, что внезапно ворвался снаружи, через открытую дверь, смел с тела идола пыль. Пришельцы с каким-то смутным беспокойством смотрели на поблескивавшую фигуру. Анубис достигал двенадцати футов в высоту — фигура человека с собачьей головой шакала на массивных плечах. Руки статуи были предупреждающе протянуты вперед, словно Анубис хотел преградить путь чужакам. Это было довольно странно, ведь за статуей хранителя не было ничего, помимо узкой ниши в стене.

В статуе бога ощущался, однако, некий зловеющий намек, нотка звериного разума, а в теле, казалось, таилась сокрытая, наделенная сознанием жизнь. Циничной и живой казалась всезнающая ухмылка на резных губах; в каменных

глазах светилась странная и тревожащая *осознанность*. Да, статуя казалась живой — или, скорее, каменным покровом, скрывающим жизнь.

Двое исследователей ощутили это, не обменявшись ни словом, и долго в недоумении смотрели на Открывающего Пути. Затем старший вдруг пошевелился и тут же, как обычно, заговорил быстро и резко:

— Ладно, сынок, не станем же мы весь день паяться на эту штуку! Нам еще многое предстоит сделать — и главное впереди. Ты сверился с картой?

— Да, отец.

Голос молодого человека прозвучал далеко не так громко и твердо, как голос сэра Рональда. Его отталкивал спертый воздух каменного прохода; зловоние, будто скопившееся в затененных углах, казалось ему отвратительным. Он остро сознавал, что они с отцом находятся в подземной гробнице, простоявшей закрытой тридцать бесконечных веков; вдобавок, он невольно вспоминал о проклятии.

Ибо это место было проклято; собственно говоря, благодаря проклятию оно и было обнаружено.

Вначале была находка, сделанная сэром Рональдом во время раскопок Девятой пирамиды — полусгнивший свиток папируса, содержащий ключ к тайне. Никто не знает, как ему удалось скрыть находку от руководителей экспедиции, но каким-то образом сэр Рональд сумел это сделать.

В конце концов, то не была единственно его вина, хотя хищение трофеев экспедиции является тяжким преступлением. На протяжении двадцати лет сэр Рональд Бартон прочесывал пустыни, находил священные реликвии, расшифровывал иероглифы и извлекал на свет божий мумии, статуи, древние предметы мебели и драгоценные камни. Он выкопал из земли для своего правительства несметные богатства и манускрипты невероятной ценности, но так и оставался бедняком, не заслужившим даже такой награды, как собственная экспедиция. Кто может винить его в том, что однажды он оступился и присвоил папирус, который должен был наконец принести ему славу и состояние?

Кроме того, он начинал стареть, а после десятка лет в Египте все археологи становятся немного сумасшедшими. Что-то в зловещем солнце над головой парализует разум ученых, просеивающих песок или раскапывающих священные руины; что-то во влажной и темной неподвижности храмовых подземелий заставляет кровь леденеть в жилах. Страшно столкнуться с древними богами там, где они по-прежнему властвуют; ибо Бубастис с кошачьей головой, змееподобный Сет и преисполненный злобы Амон-Ра доселе стоят мрачными стражами на пурпурных постаментах у пирамид. Над Египтом веет дух запретных, давно умерших вещей, растрavляющий самую душу. В свое время сэр Рональд немного увлекался магией, и все это, возможно, сказалось на нем заметней, чем на других. Как бы то ни было, он украл свиток.

Рукопись была написана древнеегипетским священником, но отнюдь не святым. Нельзя было писать так, не нарушив все мыслимые обеты. Он был нечестив, этот манускрипт, пропитанный колдовством и пугающими намеками на смутные ужасы.

Чародей, написавший его, упоминал о богах, что были много древнее тех, которым он поклонялся. В манускрипте говорилось о «Посланце Демонов» и «Черном Храме» и излагались тайные мифы и циклы легенд доадамовых дней. Подобно тому, как в христианской религии бытует черная месса, а в любой секте скрытно поклоняются дьяволу, египтяне знали собственных темных богов.

Ниже приводились имена этих проклятых богов вместе с необходимыми для их инвокации молитвословиями. Текст изобиловал шокирующими и богохульственными утверждениями; жрец осыпал угрозами господствующую религию и ужасными проклятиями — ее приверженцев. Возможно, по этой причине сэр Рональд нашел манускрипт захороненным вместе с мумией жреца: обнаружившие его первыми не осмелились уничтожить рукопись, страшась навлечь на себя погибель. Они отомстили иначе: у мумии жреца не было ни рук, ни ног, ни глаз, и повинно в том было не разложение.

Хотя вышеперечисленные отрывки из манускрипта, безусловно, заинтересовали сэра Рональда, его намного больше впечатлила последняя часть. Здесь богоотступник повествовал о гробнице своего господина, заправлявшего темным культом тех времен. Присутствовала карта, чертеж и определенные путеводные указания. Они были написаны не на египетском, а клинообразным письмом Халдеи. Несомненно, поэтому-то мстительные жрецы древности и не уничтожили манускрипт прямо на месте. Они не владели языком Халдеи или боялись проклятия.

Питер Бартон живо вспомнил тот вечер в Каире, когда они с отцом впервые прочли перевод рукописи. Он припомнил алчный блеск в сверкающих глазах сэра Рональда, глубокую дрожь его звучного голоса:

«И, в согласии с картою, найдешь там усыпальницу Господина, где покоится он с сокровищами своими в кругу верных».

Голос сэра Рональда едва не сорвался от волнения при слове «сокровища».

«И, входя в усыпальницу в ночь восхода Песей Звезды, долженствуешь ты принести жертву трем шакалам на алтаре, и кровию окропить песок у входа. И тогда слетятся крылатые мыши, и станут пировать, и понесут радостную весть крови Отцу Сету в Загробном Царствии».

— Суеверные бредни! — воскликнул Питер.

— Не глумись, сынок, — посоветовал сэр Рональд. — Я могу объяснить тебе смысл сказанного, и ты все поймешь. Но боюсь, что истина обеспокоит тебя без нужды.

Питер замолчал, а его отец продолжал:

«Спустившись во внешнюю галерею, найдешь ты дверь и на ней знак Господина, ждущего внутри. Возьми знак за седьмой язык седьмой головы и удали его посредством ножа. Тогда падет преграда, и распахнутся пред тобою врата усыпальницы. Тридцать и три ступени ведут во внутренний проход, и стоит там статуя Анубиса, Открывающего Пути».

— Анубис! Да это же обыкновенное, всем известное египетское божество, разве не так? — вмешался Питер.

Вместо ответа сэра Рональд зачитал:

«Ибо хранит Бог Анубис ключи Жизни и Смерти; охраняет он загадочный Карнетер, и никто не преступит Завесу без согласия его. Иные думают, что божественный Шакал покровительствует власть имущим, но не есть то истина. Анубис пребывает во мраке, ибо он — Хранитель Таинств. Сказано, что в стародавние дни, лета коих неведомы, Бог Анубис открылся людям, и тот, кто был в те года Господином, создал первый образ бога в подлинном его обличии. Таков образ, что найдешь ты в конце внутреннего прохода: там стоит первый истинный образ Открывающего Пути».

— Поразительно! — заметил Питер. — Только представь, что это правда и мы найдем самую первую статую бога!

Его отец лишь улыбнулся — не без оттенка тщеславия, отметил про себя Питер.

«Нечто отличает первый образ от всех прочих» — говорилось далее в манускрипте. — «Не к добру было знать то людям; и потому хранители веками прятали тот образ и поклонялись ему по слову его. Но ныне, когда враги наши — да расточатся их души и жизни! — дерзнули осквернить обряды, решил Господин спрятать образ и похоронить вместе с собою по смерти».

Голос сэра Рональда дрожал, когда он зачитывал следующие строки:

«Но не по одной сей причине стоит Анубис во внутреннем проходе. Воистину именуется он Открывающим Пути, и ни один не ступит в гробницу без помощи его».

Сэр Рональд надолго замолчал.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Питер. — Полагаю, еще один глупый ритуал, связанный со статуей бога?

Его отец не ответил и молча погрузился в чтение. Питер заметил, что рука сэра Рональда, держащая свиток, снова задрожала; и когда археолог поднял голову, лицо его было бледнее мела.

— Да, мой мальчик, — хрипло ответил он. — Именно так — еще один глупый ритуал. Но нам не стоит думать о нем, пока мы не окажемся на месте.

— Так ты собираешься отправиться туда — найти гробницу? — встрепнулся молодой человек.

— Я должен, — напряженным голосом отвечал сэр Рональд. Он вновь обратился к манускрипту и прочитал вслух последние фразы:

«Берегись же, ибо неверящие умрут. Минуют они Бога Анубиса, но ведает он все и не позволит им возвратиться в мир людей. Ибо необычаен образ Анубиса, и живет в нем тайная душа».

Старый археолог поспешно проговорил эти слова и тотчас свернул свиток. Затем он подчеркнуто перевел беседу на практические темы, словно пытаясь забыть прочитанное.

Следующие несколько недель прошли в приготовлениях к путешествию на юг. Сэр Рональд, казалось, избегал сына и обращался к нему лишь тогда, когда этого требовали вопросы, непосредственно связанные с экспедицией.

Но Питер ничего не забыл. Что прочитал в манускрипте отец, о чем умолчал? В чем заключался тайный ритуал, позволявший миновать Открывающего Пути? Почему отец побледнел и задрожал, а после спешно сменил тему и заговорил о повседневных делах? Почему он так тщательно прятал свиток? И какова, наконец, природа упомянутого в рукописи «проклятия»?

Питер долго бился над этими тайнами, но технические детали подготовки экспедиции со временем отвлекли его и рассеяли худшие страхи. Стоило, однако, им с отцом очутиться в пустыне, как опасения охватили его с новой силой.

В пустыне витает дух тысячелетий, аура древности, заставляющая путешественника почувствовать, что все заурядные достижения человека столь же недолговечны и преходящи, как и следы его на изменчивом песке. В подобных местах душа, словно сфинкс, предается думам и мрачные мысли беспрепятственно всплывают из ее глубин, подчиняя себе разум.

Чары молчаливых песков заворожили Питера. Он вспоминал рассказы отца о египетском колдовстве и чудотворной магии верховных жрецов. Легенды о гробницах и подземных ужасах обретали новую реальность здесь, в местах,

где они родились. Питер Бартон был лично знаком со многими людьми, верившими в силу проклятий, и некоторые из них умерли странной смертью. Был ведь случай с Тут-Анкх-Аменом, и скандал с храмом Паут, и ужасные слухи о гибели этого малоприятного авантюриста, доктора Карноти*. Ночью, под взором любопытных звезд, он вспоминал эти и похожие истории и вновь содрогался при мысли о том, что может скрываться за ними.

Сэр Рональд разбил лагерь на месте, указанном на карте, и тогда пришли новые и более осязаемые ужасы.

В первую же ночь сэр Рональд ушел один в холмы за палатками. Он взял с собой белого козленка и острый нож. Сын тайком последовал за стариком и увидел его уже после того, как дело было сделано и песок напился вдоволь. Кровь козленка жутковато поблескивала в лунном свете, и в глазах убийцы стоял такой же красный туман насилия. Питер ничем не выдал себя: менее всего ему хотелось прерывать отца, который возносил потусторонние египетские заклания к издевательски глядящей луне.

По правде говоря, Питер порядочно побаивался сэра Рональда, иначе попытался бы отговорить его от продолжения экспедиции.

Однако что-то в поведении сэра Рональда намекало на безумную, беспрекословную целеустремленность. Именно поэтому Питер держал свои опасения при себе и не отваживался открыто расспрашивать отца об истинных свойствах упомянутого в свитке таинственного «проклятия».

На следующий день после странного полуночного действия в холмах сэр Рональд, проверив свои вычисления по некоторым зодиакальным схемам, объявил о начале раскопок. Держа в руке карту, он отмерил шагами расстояние до определенной точки в песках и велел людям копать. На закате в почве зияла, подобно громадной ране, десятифутовая шахта; возбужденные рабочие сообщили, что обнаружили внизу дверь.

* В ранних изданиях — имя главного героя рассказа «Безликий бог» (*Здесь и далее прим. перев.*).

К тому времени Питер, чьи нервы были натянуты до предела, проникся таким страхом перед отцом, что не посмел возражать, когда тот приказал ему спуститься на дно раскопа. Несомненно, Бартоном-старшим двигало острое помрачение ума, но Питер, искренне любивший отца, считал за лучшее не раздражать его отказом. Его пугала мысль о спуске в эту щель, откуда исходило отвратительное и тошнотворное зловоние. Но зловоние, внизу только усилившееся, было в тысячу раз приятней вида темной двери, сквозь которую оно просачивалось.

Скорее всего, это и была дверь внешней галереи, описанная в манускрипте. С первого взгляда Питер понял, что означала фраза о «седьмом языке седьмой головы» — и взмолился о том, чтобы значение ее навсегда стерлось из его памяти. Дверь была украшена серебряным знаком, отражавшим знакомую идеографию египетских преданий. Этот центральный символ объединял в себе головы семи основных египетских богов — Озириса, Изида, Ра, Баст, Тота, Сета и Анубиса. Но ужас состоял в том, что все семь голов выдавались из общего тела, и тело это не принадлежало какому-либо известному в мифологии божеству. Фигура была не антропоморфной, и ничто в ней не походило на человеческое тело. Питер не мог вспомнить ни единого примера из всей египетской космологии или пантеона, который хотя бы отдаленно напоминал этот совершенно чужеродный ужас.

Образ вызывал несказанное отвращение; отвращение это трудно было приписать чему-то, что можно выразить словами. При виде его в глаза Питера словно проникли маленькие щупальца ужаса, крошечные щупальца, укоренившиеся в мозгу и высосавшие из него все, кроме чувства страха. Частью оно, вероятно, объяснялось тем, что тело словно бы постоянно менялось, *перетекало* из одной неподдающейся описанию формы в другую. Под определенным углом оно казалось медузообразным скопищем змей,

новому взгляду представал светящийся строй вампирических цветов с льдисто-прозрачными, сотканными из протоплазмы лепестками, которые точно шевелились в неутолимой жажде крови. Под иным углом оно становилось бесформенной массой, не более чем хаотическим нагромождением серебряных черепов. Порой в нем виделась некая космическая формация — звезды и планеты, спрессованные воедино, всего лишь намеки на грандиозность лежащих за ними пространств вселенной.

Чье дьявольское искусство могло создать такую непостижимую и кошмарную композицию? Питер терялся в догадках; ему не хотелось думать, что то была работа художника из числа людей. Он решил, что дверь представляла собой некое злое выражение аллегорического смысла и что головы на фоне этого поразительного тела каким-то образом символизировали тайный ужас, что правит миром за спинами человеческих богов. Но чем дольше он смотрел, тем глубже его разум погружался в замысловатый серебряный лабиринт резьбы. Он втягивал в себя, гипнотизировал, и созерцание его было подобно размышлениям о смысле Жизни — тем жутким размышлениям, что сводят философов с ума.

Питера грубо вывел из задумчивости голос отца. Все утро сэр Рональд был весьма немногословен и резок, но теперь его речь дышала бодростью и рвением.

— Верно, то самое место — дверь, о которой говорится в манускрипте! Теперь мне понятно, что имел в виду Принн в главе о сарацинских ритуалах, где он пишет о «символах на вратах». Мы должны сфотографировать все это после того, как закончим. Надеюсь, позднее мы сможем извлечь дверь на поверхность, если туземцы не станут возражать.

В его словах прозвучала нотка удовольствия, которая оттолкнула и едва ли не устрасила Питера. Внезапно он понял, как плохо, в сущности, знал отца и его тайные исследования последних лет; невольно вспомнил случайно замеченные старинные книги, которые отец держал под замком в своей библиотеке в Каире. А прошлой ночью отец читал заклинания в компании летучих мышей, будто какой-

то полоумный жрец. Неужели он и впрямь верил в подобную ерунду? *Либо знал, что все это — правда?*

— Час настал! — торжествующе проговорил старик. — Нож у меня. Отойди.

Питер глядел с ужасом, замороженными глазами. Отец поддел острием ножа седьмую голову — голову Анубиса. Сталь заскрежетала о серебро — и последнее уступило. Собачья голова медленно повернулась, словно под действием скрытой пружины, и дверь распахнулась с медным звоном, который отозвался замирающим эхом в затхлых глубинах подземелья.

Они действительно были затхлыми, эти глубины. Едкий душливый запах, поток гробового зловония вырвался из долгого заточения. То был не *натрий* или пряные миазмы, характерные для большинства могил, но концентрированная сущность самой смерти — заплесневелые кости, разложившаяся плоть и пыльное крошево.

Как только первый порыв газообразных испарений чуть ослабел, сэр Рональд ступил внутрь. По пятам за ним, хотя и заметно медленней, следовал сын. В резко уходящем вниз коридоре они насчитали тридцать и три ступени, как и было предсказано в рукописи. Затем старик поднял фонарь — и перед ними предстал загадочный образ Анубиса.

Пугающий облик статуи потянул нить тревожных воспоминаний, но вскоре их прервал голос сэра Рональда. Он что-то шептал, стоя перед гигантской статуей бога, который, казалось, взирал свысока на ничтожность людей разумными и злобными глазами. Благодаря какой-то игре света черты каменной головы будто изменились в лучах фонаря и резная усмешка превратилась в злорадную гримасу мрачной угрозы. В Питере проснулись недобрые предчувствия, тотчас сменившиеся острым страхом, когда он слышал слова отца:

— Послушай, мой мальчик. Я не поведал тебе всего, что открыл мне в тот вечер свиток. Как ты помнишь, один из фрагментов я прочитал про себя. У меня имелись причины не открывать тебе тогда остальное; ты бы не понял и, воз-

можно, отказался меня сопровождать. Но я слишком нуждался в тебе и не был готов рисковать.

Тебе не ведомо, сынок, что означает для меня эта минута. Много лет я работал и тайно изучал науки, которые другие презирают как суеверные фантазии. Однако я верил и множил познания. В каждой забытой религии всегда скрыты истины, и эти искаженные временем понятия могут помочь сформулировать новое видение реальности. Я долго охотился за чем-то подобным — ведь я знал, что если найду такого рода усыпальницу, в ней наверняка обнаружатся доказательства, что наконец убедят мир. Внутри, вероятно, покоятся мумии, тела тайных предводителей этого культа. Но не их я ищу. Мне нужны знания, похороненные вместе с ними, манускрипты, папирусы, содержащие запретные тайны — мудрость, какую мир еще не знал! Мудрость — и власть!

Голос сэра Рональда зазвенел от неестественного волнения.

— Власть! Я читал о внутренней общине Черного Храма, о культе, который возглавлял «Господин» нашего свитка и ему подобные. Они не были обычными жрецами магии; они поддерживали связь с существами, обитавшими вне человеческих сфер. Их проклятий страшились, их пожелания исполняли. Почему? Потому что они обладали знаниями. Говорю тебе, в этой гробнице мы можем столкнуться с секретами, что даруют нам власть над половиной мира! Лучи смерти, коварные яды, старинные книги и могучие заклинания, применение которых способно привести к новому расцвету первичных богов. Только подумай! Эти знания позволяют диктовать свою волю правительствам, властвовать над царствами, уничтожать врагов! И невиданные драгоценности, бесценные камни, богатства, сокровища тысячи царств!

Он окончательно выжил из ума, подумал Питер. На миг его охватило дикое желание бежать, ринуться назад по коридору, вновь очутиться в нормальном мире — увидеть над головой солнце, почувствовать на лице ветерок, не отрав-

ленный пылью мертвых веков. Но старик вцепился ему в плечи, продолжая бормотать, и Питер не двинулся с места.

— Ты не понимаешь, я вижу. Может, оно и к лучшему. Я-то знаю, о чем говорю. Ты тоже поймешь, когда я выполню все необходимое. А теперь я должен рассказать тебе, о чем говорилось в манускрипте, в той его части, что я скрыл от тебя.

Внутренний голос безмолвно кричал, предупреждая Питера: нужно бежать — спастись сейчас же! Однако отец крепко держал его, хотя голос старика дрожал.

— В этих строках говорилось о том, как миновать статую и попасть в гробницу. Можно сколько угодно рассматривать статую, но ты ничего не увидишь; за ней нет никакого тайного прохода; в теле бога не спрятаны никакие секретные рычаги. О, Господин и его последователи были гораздо умнее! Механические средства ни к чему. Есть только один способ проникнуть в гробницу — *сквозь само тело бога!*

Питер бросил пристальный взгляд на подобный маске лик Анубиса. Шакалье лицо исказила хитрая усмешка понимания — быть может, лишь игра света? Сэр Рональд торопливо продолжал.

— Звучит странно, согласен, но это — совершеннейшая правда. Ты ведь помнишь, что в свитке данная статуя описывалась как самая первая, отличающаяся от всех остальных? И как там подчеркивалось, что Анубис является *Открывающим Пути?* Вспомни намеки на *тайную душу!* Следующий фрагмент все объяснял. Похоже, статуя может повернуться на оси и открыть путь к гробнице, *но только тогда, когда идола оживляет человеческое сознание!*

Все это было сплошным безумием, понял Питер. Он сам, его отец, древние жрецы, статуя — безумные сущности в мире хаоса.

— И это означает одно, — произнес старик. — Я должен загипнотизировать себя, взирая на бога; загипнотизировать себя и достичь такого состояния, когда моя душа войдет в его тело и откроет путь.

Идея не столь уж исключительная. Йоги верят, что в своих трансах обретают единение с божеством; состояние самогипноза является религиозной манифестацией, знакомой всем народам. Месмеризм — научная истина; истина, известная и практиковавшаяся за тысячи лет до появления психологии как упорядоченной науки. Наши жрецы, очевидно, воспользовались этим принципом. Итак, я должен загипнотизировать себя и перенести свою душу или сознание в статую. И тогда я смогу открыть путь к гробнице!

— Но что с проклятием?! — выдохнул Питер, обретя наконец дар речи. — Там говорилось о проклятии, которое настигнет неверящих — и о том, что бог Ану비스 не только открывает, но и охраняет пути. Что ты скажешь об этом?

— Чистейший вздор! — с убежденностью фанатика отрезал сэр Рональд. — Это было вставлено с целью отпугнуть грабителей могил. В любом случае, я обязан рискнуть. Ты должен просто ждать. Когда я войду в транс, статуя сдвинется и откроется проход к усыпальнице. Немедленно входи. После хорошенько потрясешь меня, чтобы вывести из комы, и все будет в порядке.

Слова отца прозвучали так властно, что противиться было невозможно. Питер послушно поднял фонарь и застыл в молчании, направляя лучи на лик Анубиса. Его отец вперил взгляд в шакальи глаза — глаза, чей каменный взор так смутил их намеком на тайную жизнь.

То была ужасная картина: два человека и двенадцатифутовый бог стояли друг против друга в черном склепе глубоко под землей.

Губы сэра Рональда тихо шептали обрывки древнеегипетских молитв.

Он не сводил глаз со светового нимба, окружившего собачий лоб. Постепенно его взгляд остекленел, веки больше не смыкались, зрачки загорелись странным сумрачным огнем. Все тело расслабилось и осело прямо на глазах, словно некий вампир высосал из него последние капли жизни.

Затем, к ужасу Питера, по лицу отца разлилась бледность, и он беззвучно опустился на каменный пол; взгляд сэра Рональда, однако, был все так же прикован к глазам

идола. Левую руку Питера, державшую фонарь, сжал спазм безграничного страха. Минута за минутой мчались в тишине. Время не имело никакого значения в царстве смерти.

Все мысли покинули Питера. Он часто видел, как отец занимался самогипнозом с помощью светильников и зеркал, и знал, что для искусного адепта эта практика была совершенно безопасна. Но на сей раз все было иначе. Удастся ли отцу проникнуть в тело египетского бога? И если так — чем может грозить проклятие? Эти два вопроса тоненькими голосками звенели где-то в его сознании, но их затмевал непреодолимый страх.

Страх взметнулся безумным крещендо, едва Питер заметил превращение. Глаза отца вдруг замерцали, как умирающие огни, и сознание покинуло их. Но глаза бога — *глаза Анубиса больше не были каменными!*

Циклопическая статуя ожила!

Сэр Рональд был прав. Ему удалось это сделать — посредством гипноза он перенес свое сознание в тело идола. Внезапное подозрение молнией пронеслось в голове Питера, и он ахнул. Теория отца оказалась верна, он это видел, но что дальше? Ведь сэр Рональд уверял, что его душа, проникнув в каменное тело, велит статуе открыть проход. Но ничего не происходило. *Что пошло не так?*

Питер в панике наклонился и ощупал тело отца. Оно было обмякшим, старым, безжизненным. Сэр Рональд был мертв!

Питер невольно вспомнил загадочное предостережение свитка:

«Берегись же, ибо неверящие умрут. Минуют они Бога Анубиса, но ведаёт он все и не позволит им возвратиться в мир людей. Ибо необычаен образ Анубиса, и живет в нем тайная душа».

Тайная душа! Ужас стучал в висках Питера. Он поднял фонарь и вновь заглянул в лицо бога. И снова увидел на каменной, оскаленной маске Анубиса живые глаза!

Они блестели животной злобой, хитроумием и пороком. И Питер, увидав это, впал в бешенство. Он ни о чем

не думал — не мог думать — и помнил лишь одно: отец был мертв, а эта статуя каким-то образом убила его и ожила.

И Питер Бартон с хриплым воплем ринулся вперед и принялся в тщетной ярости молотить статую кулаками. Пальцы с кровоточащими, ободранными костяшками цеплялись за холодные ноги, но Анубис не шевелился, и только в глазах его по-прежнему теплилась ужасная жизнь.

В бреду, то изрыгая проклятия, то бессвязно бормоча страдальческим голосом, Питер стал карабкаться наверх, к издевательскому лику. Он должен был узнать, что скрывается за этим взглядом, увидеть эту сущность и уничтожить ее противоестественную жизнь. Взбираясь вверх, он рыдал и в муках твердил имя отца.

Он не знал, сколько времени отнял подъем; последние минуты слились в красное пятно кошмара. Он пришел в себя и понял, что сжимает руками шею статуи, упираясь ногами в каменный живот. Он висел на статуе и смотрел в ее ужасные живые глаза.

И в этот миг лик идола обрел внезапную жуткую жизнь; пасть оскалилась глумливой темной пещерой, и Анубис обнажил клыки, напоенные ужасающей неутолимой жаждой.

Руки бога сокрушили Питера в каменном объятии; когтистые пальцы сомкнулись на его дрожащем, напряженном горле; зачернела зияющая пасть, и каменные зубы впились шакалей хваткой в его шею. И Питер встретил свой конец — но в этот миг последнего откровения гибель была для него желанной.

Местные жители нашли обескровленное и раздавленное тело Питера у ног идола; он лежал перед статуей, как лежали жертвы в былые эпохи. Рядом лежал его отец. Он был мертв, как и сын.

Нашедшие их не задержались надолго в запретной, забытой твердыне древнего склепа; не пытались они и проникнуть в гробницу. Вместо этого они вновь завалили песком дверь и возвратились домой. Там они сообщили, что старый и молодой *эффенди* покончили с собой — что и неудивительно, поскольку ни к какому иному заключению они прийти не могли. Статуя Анубиса вновь мирно стояла во

мраке, охраняя темные секреты и таинственные подземелья усыпальницы, и в ее глазах не было ни признака жизни.

И потому ни единая душа не ведает то, что узнал Питер перед смертью, и никто не знает, что он, уходя в смерть, поднял глаза и узрел истину, сделавшую эту смерть желанным избавлением.

Ибо Питер узнал, что оживило тело бога; понял, что жило в статуе искаженной и жуткой жизнью и поневоле стало его убийцей. Умирая, он наконец заглянул в живое каменное лицо Анубиса — живой каменный лик с *исполненными мукой глазами отца*.

ВЫВОДОК БУБАСТИС

Желал бы я никогда не поверять бумаге эти строки! Но прежде, чем искать забвение в черном даре смерти, я обязан оставить по себе это последнее свидетельство.

Я задолжал объяснение своим друзьям, которые так и не смогли истолковать ту метаморфозу личности и характера, что произошла со мной после возвращения из Англии. Надеюсь, эти записи раскроют им причину моей отвратительной и противоестественной зоофобии — точнее, фелинофобии. Мне известно, что мой безрассудный страх перед кошками причинил друзьям много беспокойства, и какое-то время шли разговоры о «нервном срыве». Теперь они узнают правду. Полагаю, разъяснятся и другие загадки, что так долго ставили их в тупик: мое добровольное уединение в деревне, разрыв всех связей, отказ от переписки и обидное равнодушие ко всем их любезным попыткам вернуть меня к прежней жизни. Итак, вот моя последняя исповедь для тех, кого я когда-то знал и любил.

Думаю, мои записи послужат также ценным материалом для археологов и этнологов: возможно, это первый пример древних преданий, подкрепленных свидетельством очевидца. Я надеюсь, что он окажется поучительным.

Двенадцатого ноября прошлого года я отплыл в Англию. Друзья знали, что я собирался навестить давнего университетского приятеля, Малькольма Кента, жившего в своем имении в Корнуолле. В дни совместной учебы между нами завязалась тесная дружба, основанная на общем увлечении психологией, философией и метафизикой.

Плавание выдалось приятным, тем более что оно было приправлено нетерпеливым ожиданием — я много слышал о прекрасном старинном доме Малькольма. Он часто и подробно рассказывал мне о древнем поместье и подолгу распространялся о наследии предков. Он происходил из старой аристократической семьи, хранившей традиции прошлого — прошлого, напоенного кельтскими мифами, легендами пиктов и совсем уже далекими сказаниями минувших веков. В сельской местности, окружавшей его имение, по-прежнему бытовали убеленные сединами фантастические предания. Он припоминал передававшиеся ше-

потом рассказы о гоблинах, мрачных карликах и гномах, что прятались в болотах и трясиных. Казалось, сама эта сумрачная земля порождала истории о призраках и колдовских обрядах. Несомненно, меня ждали незабываемые впечатления.

Сперва все так и было. Корнуолл очаровал меня: таинственные горы, затянутые облаками вершины холмов, фиолетовые пики, возвышавшиеся над дикими лесными долинами и зелеными гротами болот. Край, полный романтики — темная страна ирландских, саксонских, римских и примитивных языческих богов. Воочию можно было представить, как сквозь лесную чащу пробираются ведьмы, а по утрюмым небесам несутся колдуны на сатанинских конях. Местность мне очень понравилась.

Малькольм оказался радушным хозяином. Он ничуть не изменился: хотя высокий и светловолосый молодой человек превратился в зрелого мужчину, в области вкусов и пристрастий между нами, как и раньше, царила полная гармония. Он с приветливой улыбкой встретил меня у ворот имения; во взгляде бледно-голубых глаз Малькольма читалась умудренность.

Мы вместе прошли к дому по длинной, обсаженной деревьями аллее. Здесь я на минутку остановился, чтобы осмотреть внушительное здание.

Помещичий дом являл собой прекрасный образец доброй старой английской архитектуры. Большое строение с низкими, увитыми плющом крыльями словно дышало типично британской твердостью и прочностью.

Теперь я думаю о нем не иначе как с отвращением — все мои воспоминания об этом месте окрашены ужасом.

Должно быть, интерьер был прекрасен. Нынче мне противна сама мысль о больших, затененных залах. Мне не хотелось бы останавливаться на описании кабинета с каменными стенами, ибо там все и началось.

Мы сытно пообедали; затем Малькольм предложил посидеть и поболтать у камина. Вслед за поверхностной беседой о не заслуживающих внимания событиях недавних лет разговор прервался.

Тогда-то я почувствовал в Малькольме какую-то странную нерешительность. Сперва я приписал ее некоему смущению. Должен признаться, я с любопытством оглядывал кабинет.

Я заметил, что с тех пор, как в колледже Малькольм впервые увлекся оккультизмом, его библиотека явно пополнилась. Вдоль стен тянулись полки с томами, безошибочно говорившими о тайных науках. Череп на каминной полке показался мне довольно манерным штрихом — ведь в некоторых картинах и гобеленах ощущалась подлинная и отнюдь не деланная таинственность. Но и самый внимательный осмотр обстановки не помог мне до конца понять причину *напряженности* Малькольма. Он нервничал и смотрел в пол, пока мой взгляд блуждал по комнате. Он словно надеялся, что я что-то увижу и ему не придется об этом рассказывать — как если бы дом скрывал некий секрет, о котором он не осмеливался упоминать.

В конце концов я потерял терпение. Молчание, тусклое пламя свечей и отблески горевшего в камине огня начали действовать мне на нервы.

— Что-то не так? — спросил я.

— Нет, почему же? — беззаботно ответил он. Чересчур беззаботно!

— Ты, часом, нигде здесь не прячешь скелеты? — с напускной шутливостью осведомился я.

— Нет, конечно.

Он улыбнулся и с искренним видом чуть наклонился вперед.

— Ты по-прежнему интересуешься оккультизмом?

Что-то в его сдавленном голосе заставило меня насторожиться.

— По правде говоря, в последнее время мне было не до занятий. Почти все мои усилия посвящены сочинительству. Вдобавок, я дошел до определенной стадии, когда обычную работу следует прекратить. А более редкие книги мне недоступны.

— Они у меня имеются, — сказал Малькольм, небрежно указывая на полки. — Но дело не в этом. Так ты не утратил интереса?

— О нет, — отвечал я.

Почудилось ли мне — или в его глазах загорелся пугающий блеск? Уж не мелькнуло ли на его лице выражение торжества?

— Думается, я могу сообщить тебе нечто крайне важное, — медленно начал он. — Но предупреждаю, это может вызвать у тебя потрясение. Так что, если ты предпочитаешь поговорить о чем-либо другом...

— Продолжай, — пробормотал я. — Я слушаю.

Он долго сидел, отвернувшись от меня и будто собираясь с духом. После взглянул на меня и снова отвел глаза, словно скрывая глубокий страх. Может, виноваты были неверные огоньки свечей, но когда он поднял голову, тот странный блеск вновь засветился в его глазах. И когда он опять заговорил, голос его прозвучал очень тихо.

— Что ж, хорошо. Я расскажу тебе правду — всю правду. Быть может, мне стоит так поступить. Я больше не могу в одиночку нести бремя этого знания.

Я молча слушал. Он начал свою повесть, и весь следующий час я провел в мире безумных фантазий. Даже тени на стенах, казалось, подобрались ближе, замороженные рассказом.

Да, я выслушал его. Отдельные фразы позднее смешались в сознании, и многие подробности изгладились из памяти; но мне не забыть, какое омерзительное впечатление они произвели на меня. Вероятно, это и к лучшему: в тот вечер его отрывистые и тревожные слова слишком взволновали меня. В целом, однако, я хорошо помню его историю.

Как поведал Малькольм, на протяжении последних двух лет он с растущим увлечением изучал местный фольклор. Свободного времени у него было вдоволь, а исследования темных предметов заставили его искать практическое истолкование местных легенд. Расспросы сельских жителей выявили немало поразительных фактов. Услышанное от них он сравнивал с прочитанным в археологических трактатах; из

этнологических и антропологических трудов он почерпнул немало сведений о древних эпохах и обитавших здесь племенах. Он читал о временах друидов и припоминал все еще ходившие по округе байки о стародавних обрядах в дубовых рощах. Он исколесил окрестности, осматривая менгиры и полуразрушенные алтари, возведенные, как считалось, жрецами этого первобытного культа.

Он многое узнал о римских вторжениях и римских богах и наизусть запомнил сказание о Мартине Лупусе, которого в полночь сожрал на торфянике дракон. Фантастические предания о Маленьком народце обрели параллели в местном фольклоре. Затем он глубоко погрузился в демонологию различных веков и народов. У мрачных побережий водились морские змеи; русалки возносили сладкозвучные песни на бушующими волнами. Над трясинами и горными озерами раздавалось хриплое кваканье келпи и лепреконов; некоторые вершины и пещеры на склонах холмов издавна считались обиталищами жутких троллей, карликов и недружелюбных мелких и загадочных созданий, поселившихся там задолго до появления пиктов. Колдовские обряды, черные мессы, Проклятый Шабаш — всему, казалось, нашлось место в истории этих земель. Подобные мифы предоставляли широкое поле для исследований.

Сперва Малькольм довольствовался наиболее солидными из такого рода сомнительных источников, но постепенно увлекся самыми дикими и фантастическими теориями. Ему удалось на время одолжить почти легендарное латинское издание «*De Vermis Mysteriis*» Людвига Принна, и в этом загадочном хранилище кошмарных знаний он обнаружил немало предметов для недоуменных раздумий.

Дело было несколько месяцев назад. Малькольм успел уже вернуть книгу — она принадлежала Британскому музею — но сделал ряд выписок из нее. В числе прочего он переписал одно совершенно невероятное заявление Принна, которое донельзя разожгло его и без того пылкую фантазию.

Малькольм сопоставил эти сведения с фактами, почерпнутыми из авторитетных трудов и книг по археологии и миграции народов. Утверждения Принна подтвердились. Суть

гипотезы была проста: египтяне некогда колонизировали Корнуолл!

Согласно фрагментарным данным, собранным Малькольмом, странные темнокожие люди из Африки в свое время приплывали к побережью Корнуолла на непрочных финикийских кораблях. Об этом стало известно благодаря найденным на отдаленных песчаных берегах обломкам нескольких разбитых судов. Позднее, во время исследования множества примитивных заброшенных шахт, которые усеивали окрестные пустоши, ученые сделали и более поразительные открытия. Прежде строительство шахт приписывалось ранним кельтам, однако на каменных стенах самых глубоких туннелей, как оказалось, были выцарапаны знакомые и безусловно египетские символы и идеограммы. По всей видимости, работы в большинстве шахт были прерваны с немалой поспешностью и впоследствии не возобновлялись.

Дошедшие до современных ученых сведения о древних мореходах стали серьезным доводом в поддержку гипотезы Малькольма. Если египетские флотилии совершали плаванья на восток, то почему бы и не на запад?

Малькольм излагал свои идеи с таким небывалым рвением и волнением, что мне пришлось спросить его о причине столь глубокой увлеченности ими.

Малькольм напряженно заговорил, пустившись в долгие объяснения. Выяснилось, что конкретных причин было две. Первая — одна из этих египетских шахт находилась прямо под боком.

Он наткнулся на шахту случайно, во время прогулки по торфяникам. Спускаясь с крутого утеса, он заметил, что вокруг одного из скальных выступов вьется еле различимая, засыпанная щебнем тропинка. Из любопытства Малькольм пошел по ней и вскоре оказался перед темным, похожим на пещеру углублением в скале. Наполовину скрытый сорными травами и ветвями вход зиял чернотой и словно вел в самые глубины земли под торфяником. Малькольм чуть расчистил вход, протиснулся внутрь и обнаружил длинный наклонный туннель, уходящий в темноту. С фонари-

ком в руке он пошел по туннелю. Тьма отдавала зловонием плесени, затхлостью скрытого разложения. Клубки пыли танцевали у его ног. После проход расширился, и перед Малькольмом предстал циклопический лабиринт внутренних коридоров. В этом месте он повернул назад, так как фонарик быстро садился, однако успел различить на стенах некоторые иероглифические надписи, явно относящиеся к архаическому стилю Египта.

Он отложил исследование шахты до моего прибытия. Теперь, сказал он, мы можем отправиться туда вместе.

— Погоди, — вмешался я. — Мне кажется, это задача для официально уполномоченных властями лиц. Отчего бы тебе не опубликовать сообщение о находке? Ты мог бы пригласить на помощь группу признанных экспертов.

Малькольм принялся возражать. Нет, нам лучше самим произвести первый осмотр шахты и определить масштаб и важность открытия. Пожалуй, в этом он был прав, и я согласился.

— Если не ошибаюсь, ты упоминал и о второй причине подобного азарта?

Он снова отвел глаза.

— Не стоит обсуждать ее сейчас. Уже поздно. Расскажу тебе завтра, когда мы доберемся до шахты.

В тот день мы с Малькольмом вышли рано и долго брели по торфянику сквозь утренний туман, покрхтывая под грузом провизии, факелов и прочего снаряжения. Так мы дошли до края обращенного к морю утеса; путь еле угадывался в серой мгле. Мы шли вдоль обрыва, пока Малькольм не нашел нужное место. Здесь мы начали спуск. Вися в воздухе, я слышал внизу рев скрытого туманом прибоя; порывистый ветер жалил каплями воды лицо и руки. Под пронзительные и издевательские крики чаек мы спустились на узкий уступ и двинулись по нему, цепляясь за скалу. Чуть дальше уступ расширился, и идти стало легче. Наконец Малькольм обернулся ко мне и указал на темное отверстие.

Вход в туннель в точности соответствовал его описанию: черная узкая расселина в скале, словно процарапанная

в камне гигантским когтем какого-то громадного чудовища. Глубокая дыра уходила в непроглядную черноту — и, глядя на нее, я испытал первые безошибочные признаки беспокойства.

Мне никогда не нравились темные подземные пространства. Вид пещер и туннелей вызывает у меня цепочку чуть ли не атавистических ассоциаций. Я инстинктивно связываю такие норы со смертью и могилами. Кроме того, пещеры окружены множеством зловещих легенд. Быть может, речь идет всего лишь о пережитке древнейших эпох, но пещеры всегда вызывают у меня в воображении видения мистических драконов и огромных, неуклюжих чудовищ; черных и почти звериных рас троглодитов; погребальных склепов и катакомб, отведенных мертвым. А этот разрез в вековой скале выглядел каким-то странным и неестественным. С растущим подозрением я остановился перед входом.

— Это... это место не кажется мне шахтой, — сказал я. — Будь она сколь угодно примитивной, руду невозможно извлечь отсюда и втащить наверх по утесу, да и отверстие слишком узкое. Мне все это не нравится. Ты уверен, что не ошибся?

Малькольм улыбнулся кривой улыбкой, окрашенной сардоническим весельем.

— Я не ошибся, — ответил он. — И это не шахта. Я прекрасно это знаю. Дело во второй причине, о которой я вчера обещал тебе рассказать. Лучше объяснить все сейчас, прежде чем мы окажемся внутри.

Он помедлил и заговорил. Странное он выбрал место, чтобы поделиться подобной тайной — окутанный туманом скальный уступ на полпути меж небом и землей, рядом с темными вратами внутренней земли. Но обстановка только подчеркивала таинственность его слов.

— Вчера вечером я тебе солгал, — спокойно произнес Малькольм. — Я не рассказал тебе обо всем, что изучил и узнал. За нашим визитом сюда кроется нечто большее, гораздо большее, чем простое желание осмотреть старинную шахту.

Малькольм замолчал.

— Ты когда-нибудь слышал о Бубастис? — вдруг спросил он.

— Бубастис? — я был немного озадачен. — Да, конечно. Древний египетский город, не так ли? У египтян была и богиня Бубастис — Баст или Пашт, так ведь ее называли?

— Да, — и снова эта загадочная улыбка. — Бубастис или Баст, богине в облике кошки, поклонялись во времена фараонов. В соответствующем цикле мифов повествуется, что Бубастис была дочерью Изиды. Раздельные храмы богини находились в двух городах, Бубастис и Элефантине.

— К чему ты клонишь? — Я был откровенно изумлен: все это он изложил с таким видом, будто сообщал нечто чрезвычайно важное, и с той же непонятной улыбкой. — Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что сейчас мы с тобой войдем в храм Бубастис, — проговорил он. — Да не смотри ты на меня так! Если ты читал главу «Сарацинские ритуалы» в книге Принна или труды древнеримских историков, тебе должно быть известно, что Элефантина и Бубастис подверглись разрушению. Есть намеки на то, что жрецы Бубастис святотатствовали, противились господствующей религии и совершали зверские жертвоприношения. В конце концов против них направили армию, города их были разорены, храмы разграблены. Но вот что важно: говорится, что жрецы исчезли, бежали куда-то вместе со своими приверженцами. И прибыли они сюда.

— В Корнуолл?

— Именно. Тех ученых глупцов обманули шахты. Подавляющее большинство ходов — тупиковые ответвления, а настоящие проходы ведут к спрятанным внизу храмам.

— Но чего они пытались добиться?

— Жрецы-вероотступники владели темными искусстваами. Их религия была извращенной. Вспомни, что Бубастис была богиней-вурдалаком: ее кошачьи клыки требовали крови. Кроме того, жрецы экспериментировали. Где-то в древнем «Daemonology» сказано, что в Египте существовала секта, верившая в своих богов самым буквальным образом; верившая, что Анубис, Баст и Сет способны при-

нять обличие человека. Иными словами, они считали, что богиня-кошка может обрести жизнь. В те дни было немало мудрецов, не чуждых наукам, биологии. Знающие люди говорят, что жрецы Бубастис скрещивали людей и животных в попытках создать гибрид — гибрид с атрибутами своей богини. В итоге они были изгнаны и оказались здесь.

Малькольм продолжал.

— Они были умны, очень умны, эти жрецы! Здесь, в безопасных подземельях, они восстановили разрушенные храмы. Используя рабов и ревнителей веры, они продолжали свои эксперименты. Я знаю, что под этим торфяником скрыты сокровища, перед которыми бледнеют все клады пирамид или храмовых гробниц! Сейчас мы их увидим. Мне не нужны никакие эксперты, что станут всюду совать свой нос и припишут себе все заслуги. Эта тайна обязана остаться между нами.

Он заметил, конечно, выражение моего лица.

— Не бойся! Я не упомянул, что бывал здесь уже много раз. Я хорошо знаю дорогу. Поверь, там тебя ждут чудеса.

Он подтолкнул меня к входу, и мы протиснулись в темноту.

При свете факела я миновал расселину и очутился в длинном наклонном коридоре, где снова смог выпрямиться. Кажалось, мы бесконечно долго блуждали в облаках пыли по узким коридорам с ровными, тщательно обработанными стенами. Кошмарные аспекты нашего странного приключения уже начали подавлять все рациональные мысли. Малькольм шел теперь впереди и вел меня по извилистым ходам, prostиравшимся во все стороны, словно пустотельные щупальца неведомого, затаившегося впереди ужаса. Мы находились глубоко под землей, под торфяником! С каждым шагом чувство времени размывалось; нетрудно было поверить, что мы оставили позади целые столетия и вернулись в первобытные дни.

Как кроты, мы ползли вниз по пещере. В ее громадности терялись любые слова, и мы продолжали путь молча.

Мне было очень жарко, но лежащие впереди бездны дышали порывами и вовсе раскаленного воздуха.

Дорога расширилась. Мы приближались к кавернам. Да, то была не шахта. А грот, куда мы вошли, безошибочно говорил о своем предназначении.

Это была гробница. Ее базальтовые стены украшали прилежно высеченные геометрические узоры. Пол был выложен каменными плитами, и пыли здесь было поменьше. Украшенное человеком пещерное помещение, к которому вели совершенно необработанные ходы, навевало особую тревогу. Еще более тревожащим было то, что в нем предполагалось.

Вдоль стен стояли камни — каменные постаменты, а на них саркофаги с мумиями, гниющие, покрытые пылью. Да, да!

Малькольм был прав! Возможно ли было не узнать знакомые очертания? И только теперь я заметил проступавшие сквозь наслоения на стенах египетские фрески. Египетские изображения — в четырех тысячах миль от Египта, отделенные тремя тысячами лет от нынешнего дня!

— Первые из жрецов, — тихо сказал Малькольм. — Их похоронили здесь — так же, как погребали на родине.

Мне хотелось задержаться и заглянуть в некоторые саркофаги, но тут вмешался Малькольм.

— Это не так интересно, — прошептал он. — Впереди ждут...гм... настоящие достопримечательности.

Мы покинули грот. На меня волнами накатывал страх. Малькольм не ошибся. Но что он имел в виду, говоря о «настоящих достопримечательностях»?

Острое любопытство пересилило боязнь, и я последовал за ним через оссуарий во вторую палату. Снова постаменты, снова саркофаги с мумиями. Должно быть, здесь некогда жили сотни людей! Потянулись вырубленные в скале боковые коридоры. Я предположил, что они вели в жилища обитателей пещеры.

— Малькольм, — спросил я, удивленный внезапной мыслью, — чем питались все эти люди? Здесь невозможно что-либо вырастить.

Он обернулся ко мне с той же проклятой улыбкой на губах.

— Бубастис была, как уже сказал, богиней-вурдалаком. Жрецы и их последователи ей *подражали*.

Меня охватило отвращение. Я подумал, что нужно вернуться, но Малькольм решительно шагнул вперед и властно подозвал меня, указывая путь к новым ужасам. Мы вошли в третий грот.

Огни наших факелов, ярко светившие в темноте, показались необычайно тусклыми на фоне черных и жутких стен, меж которыми мы теперь блуждали. Подобные летучим мышам тени грелись и трепетали там, на границах света и тьмы, где последние лучи света рассеивались во мраке, и порой расступались, намекая на то, что ждало впереди. Сперва меня раздражало недостаточное освещение, но вскоре я ему уже радовался. Я увидел более чем достаточно, ибо в этом, третьем помещении Малькольм позволил мне осмотреть некоторые мумии.

Что за противоестественная жизнь гноилась и процветала здесь, в черной груди земли? Первый же саркофаг дал мне ответ. Я снял с футляра крышку и поглядел на то, что покоилось внутри. Тело было превосходно забальзамировано; я дрожащими руками развернул бинты — и показалось лицо. Хвала небесам, оно почти тотчас рассыпалось в прах, но не прежде, чем я разглядел уродливое существо.

Два мертвых глаза смотрели с недвижной маски темнокожего жреца. Два мертвых глаза под сморщенным полуразложившимся лбом — лбом, из которого торчала отвратительная, деформированная головка крошечной змеи!

— Она пересажена на кожу, — слабо выдохнул я.

— Нет. Погляди внимательней, — Малькольм произнес это серьезным тоном, но я знал, что он улыбался.

Я снова посмотрел на мумию. Воздух пещеры уничтожал высохшее тело прямо на глазах.

Я пошатнулся. Об ошибке не могло быть и речи, хотя здравомыслие взывало к иному объяснению. Невозможно было не признать чудовищную истину — змеиная головка действительно *выдавалась* из лба мумии. Но поскольку и

она была мумифицирована... я не осмелился вывести жуткое заключение. И снова Малькольм подсказал мне ужасающий ответ.

— Змея жила, пока жил он.

Малькольм был прав. Жрецы скрещивали животных с людьми. Мы стали открывать другие футляры — вернее, открывал их Малькольм, а я, окаменев, стоял как зачарованный рядом с ним. Помню существо, похожее на Пана, с рогами на голове и лицом, даже столетия спустя сохранившим козлиную усмешку. В одном из саркофагов покоилась адская троица — три карликовых чахлах лица на одной голове и шее. Самые ужасающие видения архаической мифологии — горгульи, химеры, кентавры, гарпии — были воспроизведены и уродливо отражены в горгоноподобных ухмыляющихся чертах давно умерших жрецов.

Поодаль мы нашли еще один участок с телами. Малькольм срывал крышки — и открывалось зрелище ликантропии. Зловоние натрия нависало тучами миазмов над оскверненными саркофагами существ с человеческими головами и мумифицированными телами обезьян. Там был ужас с копытами и остатками недоразвитого хвоста и напоминавшее Ганешу создание с громадным слоновьим хоботом. Некоторые из увиденных нами существ, судя по всему, появились на свет вследствие неудачных экспериментов: безносые, безглазые, безлицые уродцы с лишними парами рук; наконец, был там и ужасный труп, раздутая шея которого переходила в отверстую безголовую утробу. Все они, к счастью, мгновенно обращались в милосердную пыль.

Затем мы с Малькольмом, спотыкаясь, двинулись вниз по винтовой лестнице с высеченными из черного камня ступенями. Память о тех существах в склепах наверху все еще преследовала мое сознание — иначе я не рискнул бы спуститься в кипящую, перестилающуюся тьму, где утонули даже наши тени.

Закругленные стены колодца, по которому мы спускались, отливали в свете наших факелов ледяной чернотой, но голыми они не были. Их украшали фрески — новые об-

разчики египетского искусства; однако, в отличие от катакомб наверху, здесь не было привычных идеографических изображений. Они были иными, тревожными, с такими огромными и широкими фигурами, словно их начертал палкой на песке какой-то слабоумный. Мы снова увидели чудовищ, которых я пытался забыть: людей-змей, людей-сатиров, деформированных какодемонов верхних гробниц. Но на стенах они были изображены живыми, и это было хуже любых фантазмов воображения. Эти карикатуры на человека совершали определенные действия, и деяния их были зловещими. Отдельные изображения до отвращения наглядно рассказывали древнюю историю — я видел живых монстров, приносящих жертвы своим богам и удовлетворяющих свою похоть. Среди них мелькали фигуры обычных людей, полагаю, верховных жрецов; они сливались воедино со своей звериной паствой в таком извращенном разврате, что меня едва не стошнило.

Я отвел от стены пламя факела и вслепую заковылял вниз по ступеням.

Нижние каверны оказались грандиозными; возможно, их создал громадный пузырь воздуха во внутренней коре земли. От центральной пещеры расходились в стороны бесконечные проходы, разевавшие черные голодные рты. И перед каждым таким ртом лежала на каменном полу небольшая груда костей. Кости, костяная пыль, разбросанные черепа. Даже издали я различал на расколотых черепахах отметины некогда вгрызавшихся в них зубов.

На стенах снова были фрески: на них зверолоды поглощали человеческую плоть и друг друга. Не исключено, подумал я, что те, похороненные наверху, возникли благодаря экспериментам на *людях*; в таком случае, эти кости принадлежали другим существам, стоявшим совсем близко к животным. Я не решался гадать, насколько приблизились древние жрецы к своей идее божества. Многие из лежавших передо мной костей принадлежали ужасным гибридам людей и животных.

Затем я увидел алтарь. Голый черный камень возвышался посреди пещеры; гладкие блестящие поверхности

алтаря словно вырастали из массива скалы. Весь периметр алтаря в месте соприкосновения с полом был похоронен под горой костей.

То были не расчлененные скелеты. Эти костяные фрагменты перед зловещим алтарем были *свежими*! И среди свисавших с них изжеванных обрывков плоти попадались изодранные клочки ткани и обработанной кожи — *ткани и кожи!*

Что все это значило? Жрецы Баст умерли, их создания сожрали друг друга. Но какие жертвы приносились на черном алтаре, что пряталось в эбеновых коридорах и выполняло сюда на пиршество? И кто приносил эти жертвы?

— На полу *здесь* нет пыли, — услышал я свой шепот. — Нет пыли.

Малькольм сверкнул глазами мне в лицо и схватил меня за запястья.

— Пыли нет там, где продолжается *жизнь*. О да, ты дрожишь — и правильно делаешь. Не ты один спускался вслед за мной по этим ступеням за последние полгода. Кости говорят сами за себя. Да, я показывал эти пещеры кое-кому из местных.

Видишь ли, божество голодно. Божество нуждается в пище. Вначале я боялся, но теперь твердо знаю, что если буду приносить божеству жертвы, оно не тронет меня. Может, когда-нибудь оно поведаст мне тайны умерших жрецов древности, и я познаю многое. Но божеству нужна кровь.

Не успел я начать сопротивляться, как он с силой прижал меня к черному алтарю. Мы боролись, по колено в поскверкивающих белых костях.

Я кричал и кричал, пока его руки не стали душить меня, добравшись до горла. Но и тогда мой разум продолжал сражаться с собственными страхами.

В голове промелькнула фраза из какой-то книги:

— Вурдалак — Пожирательница Трупов.

Малькольм приподнял и бросил меня на алтарь, затем повернул голову и поглядел сквозь темноту зала смерти на черные коридоры. Он звал, он кричал, и его неразборчивая сбивчивая речь напоминала язык древнего Египта.

Где-то в черных отверстиях раздался шорох. Что-то выбиралось из глубоких ям; что-то *появилось*.

Пожираательница Трупов!

С отчаянием обреченного я прыгнул вперед, и мой кулак врезался в лицо Малькольма. Он упал на черную плиту алтаря, а я повернулся и побежал через пещеру к лестнице. К тому времени, как я оказался у ступеней, существо показалось на свет; оно появилось и скользнуло по каменному полу к алтарю, где лежал Малькольм. Существо подняло его, и он застонал, когда его тело повисло в этих мягких лапах. Он висел, точно сломанная кукла. Существо склонило свою складчатую голову и раскрыло пасть.

Пожираательница Трупов!

Вот что я повторял, стenea, пока ощупью карабкался наверх по черным базальтовым ступеням. И когда внезапный солнечный свет ударил мне в лицо у входа, я обессиленно прошептал эти слова и погрузился в беспамятство.

Очнувшись, я ощутил странное спокойствие. Я взобрался на верхушку утеса и, не останавливаясь, прошагал всю милю по торфянику. Несмотря на слабость, я сложил вещи и сел на поезд на деревенской станции.

Лишь ночью пришли лихорадочные сны, с тех пор превратившие мою жизнь в кошмар. На пароход я поднялся больным. По возвращении в Нью-Йорк я заперся в своей квартире и навсегда отгородился от людей.

Могу только предполагать, чем завершилось дело. Возможно, виновником смерти Малькольма сочли меня, а о загадочной судьбе деревенских жителей, которых он заманил в смертельную ловушку, и думать забыли. Здесь я ничего не могу сказать, да это и не имеет значения.

Важно только одно: необходимо немедленно расследовать ужасы, таящиеся под торфяником, открыть богохульство, творящееся внизу.

Теперь я знаю, *что* намеревались сделать эти нечестивые колдуны, почему они скрещивали людей и животных. Я знаю, что они пытались создать и поставить властвовать над собой, что они наконец *создали* — что за существо обитало в самой дальней пещере.

Оно с шорохом выбралось из коридора, это громадное слепое существо, и схватило лежащего на алтаре Малькольма. Оно вонзило в него жестокие когти и впилось, вгрызлось в его горло. То была Пожирательница Трупов.

Она выпрямилась на алтаре во все свои десять футов — издевательски человеческое тело, словно у тех человеко-львиц на стенах. Громадная человеческая фигура, но ах! эта голова!..

Существом, убившим Малькольма, была *богиня-кошка Бубастис!*

ТАЙНА СЕБЕКА

Не стоило мне посещать бал-маскарад Хенрикуса Ваннинга. Даже если бы никакой трагедии не произошло, мне было бы лучше отказаться тем вечером от его приглашения. Теперь, когда я уехал из Нового Орлеана и могу спокойней думать о случившемся, я понимаю, что совершил ошибку. Воспоминание о последнем, необъяснимом миге до сих пор наполняет меня ужасом, с которым не в силах справиться холодный рассудок. Если бы я мог хоть что-то подозревать заранее, ко мне не приходили бы сейчас неотвязные кошмары...

Но в те дни, о которых я сейчас рассказываю, я не испытывал ни малейших дурных предчувствий. Я был чужаком в шумном городе Луизианы — и чувствовал себя очень одиноким. Сезон Марди Гра только подчеркивал это ощущение полной изоляции. В два первых праздничных вечера, устав от долгих бдений у пишущей машинки, я блуждал один, всем чужой, по странно искривленным улицам, и веселая толпа, казалось, насмехалась над моим одиночеством.

Работа в то время очень утомляла меня — я писал для одного журнала серию египетских рассказов — и мое душевное состояние нельзя было назвать уравновешенным. Днем я сочинял в своей безмолвной комнате, и в сознании вставали образы Ньярлатхотепа, Бубастис и Анубиса; мои мысли населяли жрецы и храмовые процессии далеких веков. А по вечерам, не узнаваемый никем, я бродил среди беспечных толп, более нереальных, чем причудливые видения прошлого.

Но довольно оправданий. Если уж говорить совсем откровенно, на третий вечер, после тяжелого дня, я вышел из дома с отчетливым намерением напиться. В сумерках я вошел в кафе и роскошно пообедал в компании бутылки персикового бренди. В переполненном кафе было жарко; фривольные маски в карнавальных костюмах, казалось, всюю наслаждались царством Мома.

Вскоре это перестало меня беспокоить. После четырех бокалов бесспорно превосходного ликера кровь эликсиром побежала по венам, в голове забурили дерзкие и безрассудные мысли. Теперь я начал с интересом и пониманием

разглядывать окружавшую меня безликую толпу. Все они тоже пытались бежать этим вечером — бежать от невыносимой монотонности и нудной банальности. Толстый человек в костюме клоуна, сидевший поблизости, еще час назад выглядел полнейшим болваном; но теперь я сочувствовал ему. Под масками этих незнакомцев я видел безысходность и тоску, и мне нравилось, что они так отважно искали забвения в вихре Марди Гра.

Я и сам был бы не прочь забыться. Бутылка опустела. Я вышел из кафе и снова закружил по улицам. Чувство одиночества исчезло без следа. Я вышагивал гордо, как сам король карнавала, и обменивался насмешливыми шутками со случайными прохожими.

Дальше память мне немного изменяет. В баре какого-то клуба я выпил виски с содовой, после снова где-то гулял. Куда несли меня ноги, я и сам не знаю. Я будто плыл без всяких усилий, однако голова оставалась совершенно ясной.

О нет, ни о чем приземленном я не думал. Почему-то мне снова вспомнилась работа, и передо мной возник древний Египет. Я пробирался сквозь руины столетий и созерцал сокрытое величие.

Я свернул на тускло освещенную, пустынную улицу.

Я шел по уставленным храмами Фивам, и сфинксы глядели на меня.

Я вышел на широкую освещенную улицу, где плясали опьяневшие гуляки.

Я был среди одетых в белое аколитов, поклонявшихся священному Апису.

Разгульная толпа дула в бумажные трубы, разбрасывала конфетти.

Под громкую литанию лютней храмовые девственницы осыпали меня розами, красными, как кровь преданного братом Озириса.

Так я шел по улицам сатурналий, а мои мысли уносились далеко на крыльях вина. Все походило на сон. Наконец я очутился на той забытой улице в сердце креольского квартала. С обеих сторон возносились высокие дома; темные, закоптелые жилища, оставленные обитателями, которые

присоединились к карнавальным толпам в более приятной обстановке. Старинные здания, тесно составленные вместе в манере давних лет, тянулись ряд за рядом.

Они подобны пустым футлярам для мумий в забытой гробнице, оставленным личинками насекомых и червями.

На крутых остроконечных крышах разевали рты маленькие черные окна.

Они пусты, как безглазые глазницы черепов и, подобно черепам, они также хранят тайны.

Тайны.

Тайный Египет.

В этот миг я его и увидел. Пробираясь по этой черной и извилистой улице, я заметил в тени какую-то фигуру. Человек стоял молча и словно ждал моего приближения. Я заторопился и хотел было пройти мимо, но что-то в этом неподвижно стоящем человеке привлекло мое внимание. Он был одет как-то... неестественно.

С внезапным потрясением в мои пьяные сны ворвалась жестокая явь. *На этом стоявшем в тени человеке было одеяние древнеегипетского жреца!*

Галлюцинация, быть может? Но я отчетливо видел длинное белое платье и тройную корону инсигний Озириса; в худой руке он держал скипетр с диадемой Сета — Змеи.

В полном замешательстве я замер, глядя на него. Он также глядел на меня; узкое загорелое лицо было недвижно и лишено всякого выражения. Быстрый жест — и его правая рука исчезла под ризой. Я отшатнулся. Он вытащил руку: в пальцах была зажата сигарета.

— Спички есть, незнакомец? — спросил жрец Египта.

Я рассмеялся и сразу все вспомнил и понял. Марди Гра! И напугал же он меня, однако! Голова вдруг прояснилась; улыбаясь, я протянул ему зажигалку. Он провернул колесико и при свете огонька с любопытством заглянул мне в лицо.

Он дернулся, и серые глаза внезапно расширились, узкая. К моему удивлению, он вопросительно произнес мое имя. Я кивнул.

— Какой сюрприз! — прищелкнул он языком. — Вы ведь писатель, не так ли? Я читал кое-какие из ваших недавних

рассказов, но даже понятия не имел, что вы здесь, в Новом Орлеане.

Я пробормотал несколько слов в свое объяснение. Он весело отмахнулся:

— Но это просто замечательно! Меня зовут Ваннинг — Хенрикус Ваннинг. Я тоже интересуюсь оккультными науками. Между нами много общего.

Завязалась непринужденная беседа; точнее сказать, говорил больше он, а я слушал. Мистер Ваннинг, как я понял, был джентльменом со средствами и посвящал свои досуги исследованиям в области мифологии примитивных народов. Об этих исследованиях он говорил многословно и довольно легкомысленно, но выказал неподдельный интерес к наследию Египта. Затем он упомянул о некоем приватном обществе, занятом метафизическими вопросами, работы которого могли меня заинтересовать.

Он радушно, словно его вдруг осенила удачная мысль, хлопнул меня по спине.

— Каковы ваши планы на вечер? — спросил он.

Я признался, что брожу без цели. Он улыбнулся.

— Чудесно! Я сам только что пообедал. Возвращаюсь домой, где буду играть роль хозяина. Наше маленькое сообщество — я вам о нем рассказывал — дает костюмированный бал. Не хотите ли к нам присоединиться? Вам будет любопытно.

— Но у меня нет костюма, — возразил я.

— Не имеет значения. Думаю, вам очень понравится. Зрелище самое необычное. Пойдемте.

Он поманил меня за собой и двинулся по улице. Я пожал плечами, однако пошел за ним. Терять мне было нечего, и меня одолевало любопытство.

По пути многоречивый мистер Ваннинг занимал меня плавной и интригующей беседой. Он подробней рассказал мне о небольшом «сообществе» своих друзей-эзотериков. Я узнал, что они достаточно претенциозно именовали себя «Клубом гробокопателей» и, главным образом, неустанно выискивали и обсуждали самые экзотические и макабрические произведения живописи, литературы и музыки.

В тот вечер, по словам моего нового знакомого, общество намередовалоcь по-своему отпраздновать Марди Гра. Бросив вызов обыкновенному маскарладу, все участники и их приглашенные друзья собирались явиться в «сверхъестественных» костюмах; вместо обычных клоунов, пиратов и плантаторов они предстанут в виде диковинных существ фантазий и мифов. Меня ждут оборотни, вампиры, боги, богини, жрецы и черные маги.

Честно говоря, это известие не очень-то пришлось мне по душе. Я терпеть не могу любых лжеокультистов, самозванных «адептов» и псевдометафизиков. Мне претит поддельный интерес к тайнствам и поверхностное знание древних преданий. Доморощенный спиритуализм, любительская астрология и «психическое» шарлатанство всегда меня отворачивали.

Мне кажется, что неговоже глупцам издеваться над древними верованиями и тайными учениями исчезнувших народов. Если это еще один кружок стареющих невротиков и бледных, иссиня-фиолетовых дилетантов, мне предстоит скучнейший вечер.

Эрудиция Хенрикуса Ваннинга, однако, оказалась никак не поверхностной. Он был человеком широкой культуры и со знанием дела рассуждал о различных мифологических аллюзиях в моих рассказах, что говорило, как мне показалось, о глубоких познаниях и искренней увлеченности исследованиями, ведущими за черные завесы человеческой мысли. Он с живостью рассказывал о своих манихейских штудиях и попытках воссоздать особенности древних культовых ритуалов.

Я так увлекся беседой, что даже не заметил, в каком направлении он меня вел; знаю только, что шли мы довольно долго. Наконец мы свернули на длинную, обсаженную кустами аллею, которая привела нас к дверям празднично освещенного и внушительного особняка.

К тому моменту, признаться, я был глубоко поглощен живописными откровениями Ваннинга и не запомнил ни единой конкретной черты облика дома либо его окружения.

Все еще смущаясь, я прошел вслед за Ваннингом сквозь раскрытую дверь — и оказался в кошмаре.

Выше я говорил, что дом блестел огнями. Да, он был весь освещен — *ярко-багряным* светом.

Мы стояли в прихожей — в прихожей ада. Алые ятаганы света, искрясь, отражались от увешанных зеркалами стен. Драпри цвета киновари скрывали коридоры, и темно-красный потолок словно тлел прозрачными пунцовыми огнями рубиновых газовых факелов, горящих в окровавленных светильниках. Люциферический дворецкий принял у меня шляпу и вручил мне бокал шерри-бренди.

Мы остались одни в красной комнате, и Ваннинг обернулся ко мне с бокалом в руке.

— Нравится? — спросил он. — Веселая декорация, чтобы гости пришли в подобающее настроение. Небольшая деталь, заимствованная у Эдгара По.

Я вспомнил великолепную «Маску Красной смерти» и внутренне поморщился при виде этой грубой и вульгарной подделки.

Но все же это свидетельство эксцентричности хозяина произвело на меня известное впечатление. Он *пытался* чего-то достичь. Я был даже несколько тронут — и отсалютовал бокалом египетскому жрецу в этой жуткой прихожей.

Бренди обожгло язык.

— А теперь — очередь гостей.

Он отдернул занавес, и мы вошли в просторный зал справа.

Зеленым и черным бархатом были обиты стены, серебром отливали подсвечники в нишах. Мебель, однако была современной и достаточно бесцветной; но взгляд на толпу гостей снова перенес меня на мгновение в мир видений.

«Оборотни, божества и черные маги», — так, кажется, говорил Ваннинг. В его загадочном замечании было больше недосказанности, чем преувеличения. Гости являли собой пантеон преисподней всех народов земли.

Оркестранты в углу нарядились скелетами, и благодаря дьявольски умелому освещению скелеты эти казались издали пугающе реальными. Танцоры кружились по полу на

зловещем фоне эбенового и изумрудного бархата.

Я увидел непристойного Пана, плясавшего с иссохшей ведьмой ночи; шальная Фрейя обнимала жреца вуду; вакханка похотливо вилась вокруг безумного дервиша из Ирема. Здесь были друиды, гномы, русалки и кобольды; ламы, шаманы, жрицы, фавны, людоеды, волхвы, вурдалаки. То был шабаш — воскресший древний грех.

Затем, когда я смешался с толпой и был представлен гостям, мгновенная иллюзия рассеялась. Пан оказался плотным джентльменом средних лет с довольно заплывшими глазками и солидным животом, который не могла скрыть набедренная повязка из козлиных шкур. Фрейя — отчаянно кокетничавшей дебютанткой с хищными кошачьими глазами обыкновенной потаскушки. Жрец вуду был просто хорошо воспитанным молодым человеком, вымазанным жженой пробкой, с немного не соответствовавшим роли шепелявым английским выговором.

Я познакомился, наверное, с дюжиной гостей и тотчас забыл их имена. Меня немного удивило, как высокомерно вел себя Ваннинг: с некоторыми наиболее болтливыми масками он обходился почти пренебрежительно.

— Веселитесь, чувствуйте себя как дома! — бросил он через плечо, увлекая меня за собой. — Сборище дураков, — понизив голос, поделился он. — Но кое с кем я хотел бы вас познакомить.

В углу тесным кружком сидели четверо. На всех, как на Ваннинге, были маскарадные костюмы явно религиозного свойства — одеяния посвященных.

— Доктор Дельвин.

Старик в вавилонском, чуть ли не библейском облачении.

— Этьен де Мариньи.

Смуглый, красивый жрец Адониса.

— Профессор Вейлдан.

Бородатый гном в тюране дервиша.

— Ричард Ройс.

Молодой ученый в очках и монашеской рясе.

Все четверо вежливо поклонились. Но стоило Ваннингу назвать мое имя, как их сдержанность сразу же испарилась. Они дружески окружили нас с Ваннингом, а тот тихо проговорил мне на ухо:

— Это настоящие участники сообщества, о котором я вам говорил. Я видел, каким взглядом вы смотрели на остальных. Вполне вас понимаю и согласен с вами. Те люди — неисправимые глупцы. Но мы — посвященные. Вероятно, вы задаетесь вопросом, зачем мы созвали стольких гостей. Разрешите мне объяснить. Лучшая защита — это нападение.

— Нападение — лучшая защита? — озадаченно повторил я.

— Да. Предположим, что мы действительно заняты серьезным изучением черной магии.

Он еле слышно, чуть выделив голосом, выдохнул слово «предположим».

— Предположим, что дело обстоит именно так. Но разве наши знакомые из светских кругов не стали бы возражать, сплетничать, пытаться все выяснить?

— Да, — согласился я. — Вполне вероятно.

— Ну разумеется. Вот почему мы перешли в атаку. Мы во всеуслышание объявили, что увлечены оккультизмом. Свое увлечение мы не скрываем, устраиваем эти глупые вечеринки, что позволяет нам спокойно заниматься настоящей работой. Умно, не правда ли?

Я улыбнулся, соглашаясь с ним. Да, Ваннинг был отнюдь не глуп.

— Думаю, вам будет интересно узнать, что доктор Дельвин является одним из лучших этнологов страны. Де Мариньи — известный оккультист; если помните, несколько лет назад его имя упоминалось в связи с делом Рэндольфа Картера. Ройс — мой личный секретарь, а профессор Вейлдан — *тот самый* Вейлдан, знаменитый египтолог.

Забавно: Египет в тот вечер то и дело напоминал о себе!

— Я обещал показать вам любопытные вещи, друг мой, и сдержу свое обещание. Но нам придется еще с полчаса тер-

петь это стадо. Затем мы поднимемся наверх, где начнется подлинное собрание. Терпение, мой друг.

Четверо посвященных снова поклонились, и Ваннинг повел меня к центру комнаты. Танец прекратился, гости разделились на группы и оживленно болтали. Демоны пили мятные джулепы; девственницы, назначенные в жертву Великой Матери, искусно наносили на губы помаду. Мимо прошел Нептун с сигарой во рту. Все веселились, как могли.

Маска Красной смерти, подумал я. И тогда я увидел — его.

Он вошел, будто сойдя прямо со страниц Эдгара По. Черные и зеленые занавесы в дальнем конце комнаты разошлись в стороны, и он точно появился не из двери за ними, а из скрытых глубин драпировок.

Серебряные свечи силуэтом высветили его фигуру, и при каждом движении вокруг него словно начинал мерцать ужасающий нимб. На миг мне показалось, что я гляжу на него сквозь кристаллическую призму: в странном освещении он виделся то расплывчатым, то предельно четким.

Он был — сама душа Египта.

Длинное белое одеяние скрывало тело с текучими, неразличимыми контурами. Когтистые руки свисали из развевающихся рукавов, украшенные перстнями пальцы сжимали золотой жезл с символом Глаза Гора.

Верхняя часть одеяния переходила в черный капюшон с жесткими краями, и на этом контрастном фоне отчетливо выделялась голова — воплощение ужаса.

Голова крокодила. Тело египетского жреца.

Эта голова была кошмарна. Приплюснутый череп ящера, весь зеленый и чешуйчатый сверху, безволосый, покрытый слизью, блестящий и тошнотворный. В костяных пропастях глазниц горели раскаленными углями глаза, глядя поверх отвратительных изгибов длинной рептильей морды. Складчатая пасть с громадными грозными челюстями была полуоткрыта, виднелся розовый высовывающийся язык и покрытые грязной пеной зубы кинжальной остроты. Казалось, эти страшные клыки двигались — но может, то была лишь игра света.

Какая маска!

Я всегда гордился определенной чувствительностью. Я способен очень тонко *чувствовать*. И теперь, когда я пристально оглядел этот триумф болезненного лицедейства, мои чувства словно испытали удар. Я чувствовал, что эта маска была реальна — реальней всех гротескных костюмов гостей. Сама причудливость маски делала ее еще более убедительной по сравнению с жалкими кустарными нарядами расступавшейся перед нею толпы.

Он пришел один, судя по всему, и никто не пытался заговорить с ним. Я потянулся вперед и похлопал Ваннинга по плечу. Я хотел познакомиться с этим человеком.

Ваннинг, однако, поспешил к подмосткам и о чем-то заговорил с музыкантами. Я оглянулся, раздумывая, не подойти ли мне к человеку-крокодилу.

Он исчез.

Жадным взглядом я обшаривал толпу. Бесполезно. Он исчез.

Исчез? Да существовал ли он? Я видел его — или думал, что видел — всего лишь мгновение. Я не мог прийти в себя от изумления. Все эти египетские сны наяву... Может быть, воображение сыграло со мной очередную шутку. Но почему тогда меня захлестывало чувство реальности происходящего?

Однако эти вопросы так и не нашли ответа, потому что мое внимание отвлеклось на подмостки. Начиналось получасовое действие, предназначенное Ваннингом для развлечения «гостей». Ваннинг назвал его подачкой для глупцов, уловкой, скрывающей истинную работу — но я нашел спектакль более впечатляющим, чем можно было ожидать.

Огни поменяли цвет и сделались тоскливо-синими, туманными, кладбищенскими. Гости усаживались; тени их превратились в размытые пятна цвета индиго. За подмостками взмыл орган, завибрировала музыка.

Это была моя любимая мелодия — превосходная, звучно-похоронная первая сцена из «Лебединого озера» Чайковского. Музыка гудела, дразнила, рокотала, трубила. Она шептала, редела, угрожала, пугала. Она даже произвела

впечатление на гогочущую вокруг гусиную стаю и заставила гостей замолчать.

Последовал Танец дьявола, выступление мага и заключительный ритуал Черной мессы, включавший и вправду жутковатую иллюзию жертвоприношения. Все было очень странным, весьма болезненным и донельзя фальшивым. Когда вновь зажегся свет и оркестранты вернулись на свои места, я нашел Ваннинга, и мы торопливо пошли через зал. Четверо собратьев-исследователей уже ждали.

Ваннинг жестом велел мне следовать за ними. Мы незаметно скользнули за драпировки у подмостков, и я очутился в длинном темном коридоре. Ваннинг остановился у обитой дубовыми панелями двери. Ключ блеснул, заскрипел в замке, повернулся. Мы оказались в библиотеке.

Кресла, сигары, бренди — все это по очереди предложил нам улыбающийся хозяин. От бренди — превосходного коньяка — мои мысли на миг снова закружились. Все казалось нереальным: Ваннинг, его друзья, этот дом и этот вечер... Все, кроме человека в крокодильей маске. Нужно спросить о нем Ваннинга...

Резкий голос вернул меня к действительности. Ваннинг говорил, обращаясь ко мне. Его голос звучал торжественно, тембр казался необычным. Я словно впервые услышал его — как если бы передо мной был настоящий Ваннинг, а тот, другой, радушный обитатель гостеприимного дома, был всего только притворщиком, таким же иллюзорным, как карнавальные костюмы Марди Гра.

Пока он говорил, на меня внимательно глядели пять пар глаз: кельтско-голубые глаза Дельвина, пронизательные галльско-карие — де Мариньи, серые под очками — Ройса, темная умбра Вейлдана и глаза самого Ваннинга, превратившиеся в стальные точки. И каждый взгляд будто задавал вопрос:

— Отважишься ли ты?

Но Ваннинг произнес нечто намного более прозаическое.

— Я обещал вам необычное времяпрепровождение. За этим вы и пришли. Но должен признать, что мои побужде-

ния не были исключительно альтруистическими. Вы... вы нужны мне. Я читал ваши рассказы. Вы кажетесь мне искренним последователем мудрости; мне нужны ваши знания и советы. По этой причине мы решили поделиться своими секретами с малознакомым человеком. Мы вам доверяем — иного выхода у нас нет.

— Вы можете мне довериться, — тихо сказал я.

Впервые я заметил, что Ваннинг говорил не просто искренне — он нервничал. Рука с сигарой дрожала, на лбу под египетским капюшоном выступил пот. Ройс, молодой ученый, тербил кисти веревочного пояса своей рясы. Остальные по-прежнему глядели на меня, и их молчание было куда тревожнее, чем необычная искренность в голосе Ваннинга.

В чем причина? Меня опоили, мне все это снится? Голубые огни, крокодильи маски и мелодраматические тайны. И все же я поверил.

Поверил, когда Ваннинг нажал на скрытую в большом библиотечном столе пружину и фальшивые ящики разошлись в стороны, открыв зияющее пространство. Поверил, когда он с помощью де Мариньи извлек оттуда саркофаг с мушкетером.

Поверил, не успев даже подробнее рассмотреть футляр — ибо Ваннинг направился к полкам и вернулся со стопкой книг. Он молча протянул их мне. То были его верительные грамоты; они подтверждали все то, о чем он мне говорил.

Только у истинного оккультиста и адепта могли иметься эти странные книги. Тонкие пластины стекла защищали крошащиеся обложки заслуженно пользующейся дурной славой «Книги Эйбона», а также первых изданий «Cultes des Goules» и почти легендарного труда «De Vermis Mysteriis».

Ваннинг улыбнулся, заметив, как мое лицо осветилось узнаванием.

— Мы довольно глубоко проникли за последние несколько лет, — сказал он. — Вы знаете, о чем говорится в этих книгах.

Я знал. Я сам писал о «De Vermis Mysteriis», и слова Людвига Принна порой наполняют меня смутным ужасом и неопределенным отвращением.

Ваннинг раскрыл книгу.

— С этим, мне думается, вы знакомы, судя по упоминаниям в ваших рассказах.

Он указал на загадочную главу, известную как «Сарацинские ритуалы».

Я кивнул. Я был, пожалуй, даже слишком хорошо знаком с «Сарацинскими ритуалами». В этой главе Принн повествует о своем таинственном путешествии в Египет и на Восток, совершенном, по его словам, во времена крестоносцев. Он излагает легенды об ифритах и джинах, раскрывает тайны сект ассасинов, пересказывает арабские мифы о гулях и описывает секретные практики культов дервишей. В свое время я обнаружил в его книге целую сокровищницу материалов о преданиях древнего Внутреннего Египта и почерпнул на ее ветхих, изорванных страницах множество идей для рассказов.

Снова Египет! Я бросил взгляд на футляр с мумией.

Ваннинг и другие внимательно смотрели на меня. Наконец хозяин пожал плечами.

— Послушайте, — сказал он. — Я выложу все карты на стол. Мне... мне остается лишь довериться вам.

— Продолжайте, — нетерпеливо отозвался я. Его таинственные намеки начинали меня раздражать.

— Все началось с этой книги, — сказал Хенрикус Ваннинг. — Ройс нашел для меня экземпляр. Сперва нас заинтересовала легенда о Бубастис. На протяжении некоторого времени я подумывал заняться исследованиями в Корнуолле — то есть поисками египетских реликтов в Англии. Но затем я обратился собственно к египтологии, в которой нашел более плодотворное поле для деятельности. Когда профессор Вейлдан в прошлом году отправился в экспедицию, я дал ему разрешение приобретать какие бы то ни было любопытные находки, не останавливаясь перед ценой. На минувшей неделе он возвратился — вот с этим.

Ваннинг подошел к саркофагу. Я последовал за ним.

Дальнейшие объяснения были ни к чему. Внимательный осмотр футляра и хорошо запомнившиеся мне «Сарацинские ритуалы» вели к недвусмысленным заключениям.

Иероглифы и рисунки на футляре указывали, что в нем покоится тело египетского жреца — жреца бога Себека. В «Сарацинских ритуалах» об этих жрецах сказано немало.

Я быстро припомнил все, что знал о Себеке. Согласно известным антропологам, Себек был младшим божеством Внутреннего Египта, богом плодородия Нила. Как утверждают признанные авторитеты, были найдены всего четыре мумии его жрецов, хотя многочисленные статуэтки, фигурки и фрески на стенах гробниц свидетельствуют о широком почитании этого божества. Египтологам так и не удалось полностью восстановить историю Себека; правда, в работах Уоллиса Баджа можно найти некоторые нетрадиционные взгляды и диковатые предположения.

Людвиг Принн, однако, зашел гораздо дальше. Я с отчетливо ощутимой дрожью вспомнил его слова.

В «Сарацинских ритуалах» Принн повествует об откровениях александрийских провидцев, о своих путешествиях по пустыне и грабеже могил в сокрытых долинах Нила.

Здесь же он приводит исторически достоверный рассказ о египетских жрецах и их восхождении на вершину власти; о том, как служители темных богов природы, прячась в тени трона, диктовали свою волю фараонам и держали в повиновении всю страну. Египетские боги и религии были порождением тайной реальности. Странные гибриды бродили по земле, когда та была молода: гигантские, колоссальные существа — наполовину люди, наполовину животные. Одному человеческому воображению было бы не под силу сотворить змееподобного Сета, хищницу Бубастис и величественного Озириса. Мне вспомнился Тот, легенды о гарпиях, шакалоголовый Анубис и истории об оборотнях.

Да, древние поддерживали связь с элементами, с потусторонними зверями и сущностями. Они были способны призывать своих богов, людей с головами животных. И иногда они это делали. Вот в чем заключалась их сила.

Некогда жрецы правили Египтом и слово их было законом. Земля была уставлена храмами и каждый седьмой житель участвовал в ритуальных сообществах. Перед тыся-

чами алтарей дымились благовония — благовония и кровь. Звериные пасти богов жаждали крови.

Жрецы ревностно поклонялись им, ибо вступали со своими божественными Повелителями в странные и неслыханные союзы. Противоестественные извращения привели к изгнанию из Египта культа Бубастис; благодаря отвратительным и никогда не упоминавшимся в подробностях действиям забвение постигло символы и историю Ньярлатхотепа. Но жрецы становились все сильнее и смелее, все более возмутительными делались их жертвоприношения, все более великими — награды.

Во имя вечно возрождающейся жизни они доставляли радость богам и удовлетворяли их жестокий голод. Они приносили в жертву козлов отпущения, полных живой крови, дабы проклятия богов хранили в целости их собственные мумии.

Принн особенно подробно говорит о культе Себека. Жрецы полагали, что Себек, как божество плодородия, владел источниками вечной жизни. Себек, надеялись они, будет охранять их тела в могилах до завершения цикла возрождения, и уничтожит врагов, которые вздумают осквернить их склепы. В жертву божеству они приносили девственниц — их разрывали на части челюсти изготовленного из золота крокодила. Ибо Себек, бог-крокодил Нила, обладал телом человека, головой крокодила и сладострастным аппетитом обоих.

Описания этих церемоний ужасны. На всех жрецах, в подражание их Господину, были маски крокодилов — ибо таков был земной аспект Себека. Раз в год, как считали они, Себек предстал перед верховными жрецами во Внутреннем храме Мемфиса; в этих случаях он также принимал облик человека с головой крокодила.

Благочестивые жрецы верили, что Себек будет охранять их гробницы — и бесчисленные девственницы, кричащие от ужаса, погибли во имя их веры.

Все это я знал и торопливо припомнил, глядя на мумию жреца Себека.

Я увидел, что мумию успели распеленать. Она лежала под стеклом, которое Ваннинг снял.

— История вам известна, как я понимаю, — сказал он, правильно оценив выражение моего лица. — Мумия у нас уже неделю; ее обработали химикалиями — спасибо Вейлдану. На груди мумии я обнаружил одну вещь.

Он указал на амулет из чистого нефрита — фигурку ящера, покрытую идеографическими изображениями.

— Что это? — спросил я.

— Тайный код жрецов. Де Мариньи считает, что это наакаль*. Перевод? Проклятие, совсем как у Принна; проклятие на головы грабителей могил. Амулет в самых злобных выражениях грозит им мстью самого Себека.

Ваннинг говорил с наигранной легкомысленностью. Я заметил это по тому, как беспокойно вели себя другие участники кружка. Доктор Девлин беспокойно покашливал, Ройс вцепился в свою рясу, де Мариньи хмурился. К нам приблизился похожий на гнома профессор Вейлдан. Некоторое время он смотрел на мумию, словно ища ответа в пустых глазницах, слепо глядевших во мрак.

— Скажите ему, что я обо всем этом думаю, — тихо произнес он.

— Вейлдан провел кое-какие исследования. Ему удалось вывезти мумию под носом властей, хотя расходы оказались немалыми. Он сообщил мне, где нашел ее; малоприятное место. Девять человек из его каравана умерли по пути назад — возможно, виной тому была зараженная вода. Но профессор, боюсь, обратился против нас.

— Отнюдь нет, — резко прервал Вейлдан. — Я посоветовал вам избавиться от мумии, потому что не готов расстаться с жизнью. Мы хотели использовать ее в некоторых церемониях, но это невозможно. Видите ли, я верю в проклятие Себека.

* Согласно сочинениям британского оккультиста Джеймса Черчвальда (1851-1936) — язык одноименной цивилизации затерянного континента Му.

Вы знаете, конечно же, что были обнаружены лишь четыре мумии его жрецов. Это объясняется тем, что другие покоятся в тайных склепах. Все четверо нашедших их мертвы. Я был знаком с Партингтоном, обнаружившим третью мумию. По возвращении он начал подробно изучать миф о проклятии — но умер, не успев ничего опубликовать. Конец его был довольно примечателен. Упал с мостика в крокодилий бассейн Лондонского зоопарка. Когда его наконец вытащили, от него почти ничего не осталось.

Ваннинг искоса глянул на меня.

— Пустые страхи, — сказал он и продолжал уже более серьезным тоном. — Но это одна из причин, по которым я пригласил вас и поделился с вами нашей тайной. Я желал бы услышать ваше мнение как ученого и оккультиста. Следует ли мне избавиться от мумии? Верите ли вы в историю о проклятии? Лично я не верю, но в последнее время мне было как-то не по себе. Слишком много странных совпадений, и к тому же я доверяю Принну. Для чего мы собираемся использовать мумию — не имеет значения. Так или иначе, это... святотатство, которое привело бы в гнев любое божество. Я вовсе не мечтаю ощутить на горле клыки создания с крокодильей головой. Что скажете?

Внезапно я вспомнил. Человек в маске! Он был одет как жрец Себека, подражающий своему богу.

Я рассказал Ваннингу о том, что видел.

— Кто он? — спросил я. — Ему следует быть здесь. Это придало бы обстановке достоверность.

Ваннинг отшатнулся в неспритворном ужасе. Увидев, как он испугался, я пожалел о своих словах.

— Я ничего *подобного* не видел! Клянусь! Нужно немедленно найти этого человека.

— Нельзя исключать, что это вежливая форма шантажа, — сказал я. — Возможно, он располагает какими-то сведениями о вас и Вейлдане и пытается сперва вас утратить, а затем продать свое молчание за деньги.

— Может быть, — без малейшей искренности отвечал Ваннинг. Он обернулся к остальным.

— Быстрее, — сказал он. — Ступайте в зал и поищите среди гостей. Схватите этого неуловимого... незнакомца и приведите его сюда.

— Вызвать полицию? — нервно предложил Ройс.

— Нет, глупец. Поспешите — это касается всех вас!

Все четверо вышли из библиотеки; их шаги, удаляясь, отдавались эхом в коридоре снаружи.

Минутное молчание. Ваннинг попытался улыбнуться. Я плыл в странном тумане забвения. Египет моих мечтаний — *был ли он явью?* Почему мимолетный взгляд на таинственного человека в маске произвел на меня такое впечатление? Жрецы Себека проливали кровь, скрепляя договор мщения; но могло ли оказаться действенным древнее проклятие? Быть может, Ваннинг сошел с ума?

Тихий звук...

Я обернулся. Там, в дверях, стоял человек в маске крокодила.

— Да вот же он! — воскликнул я. — Это тот самый...

Ваннинг попятился и оперся о стол, его лицо приобрело цвет влажного пепла. Он увидел человека, стоявшего на пороге, и его измученные глаза телепатически передали мне ужасную весть.

Человек в крокодильей маске... его заметил только я. Весь вечер мне виделся Египет. А здесь, этой комнате, находилась похищенная мумия жреца Себека.

Бог Себек был *богом с головой крокодила*. Его жрецы были одеты по образу божества — *они носили крокодильи маски*.

Я только что предупредил Ваннинга о мести древних жрецов. Он сам в нее верил и испугался еще больше, когда я рассказал ему о том, что видел. И теперь в дверном проеме застыл безмолвный незнакомец. Не логично ли предположить, что это воскресший жрец, явившийся отомстить за нанесенное его собрату оскорбление?

И все-таки я не мог в это поверить. Даже когда злоеущий и величественный незнакомец вошел в комнату, я не понял, что он задумал. Ваннинг корчился и стонал у саркофага, но я по-прежнему не верил.

Все произошло так быстро, что я не смог помешать. Я собрался было преградить путь этому сверхъестественному злоумышленнику — но гибель была неминуема. Резким движением рептилии тело в белой ризе, *извиваясь*, скользнуло по комнате. Миг спустя оно уже высилось над скорчившимся хозяином. Я увидел, как когтистые руки вцепились в слабеющие плечи; затем челюсти маски опустились и *сомкнулись*. Сомкнулись — на трепещущем горле Ваннинга.

Я бросился на человека в маске; по контрасту, мысли казались неторопливыми и спокойными. «Дьявольски умное убийство», — размышлял я. «Уникальное и смертоносное оружие. Искусно спрятанный под маской механизм приводит клыки в действие. Какой-то фанатик».

Мои глаза, точно отделившись от меня самого, видели чудовищную пасть, терзавшую шею Ваннинга. Перемещающаяся, чешуйчатый ужас головы вырисовывался крупным планом, как на киноэкране.

Все заняло лишь секунду, понимаете? С внезапной решимостью я ухватился за рукав белого одеяния, а свободной рукой потянулся к маске убийцы.

Убийца уклонился, пригнулся. Моя рука соскользнула и на мгновение прикоснулась к крокодильей морде, к окровавленной челюсти.

И затем убийца повернулся и молниеносно исчез, а я с криком обнаружил себя перед изодранным и изуродованным телом на саркофаге жреца Себека.

Ваннинг был мертв. Его убийца исчез. Дом был полон гуляк; мне нужно было лишь подойти к двери и позвать на помощь.

Но я этого не сделал. В течение одной незабываемой секунды я стоял посреди библиотеки и кричал. Глаза затуманились. Все кружилось: залитые кровью книги, иссохшая мумия с раздавленной и запятнанной в схватке багровой грудью, красное и недвижимое нечто на полу. Все кружилось перед глазами.

Я видел только свою правую руку — руку, которая прикоснулась к крокодильей морде, к маске убийцы. На пальцах была кровь. Я уставился на них и завопил.

Тогда, и только тогда, сознание вернулось ко мне. Я повернулся и побежал.

Хотел бы я закончить на этом свой рассказ, но не могу. Впереди ужасающий заключительный аккорд. Я обязан об этом рассказать, дабы вновь обрести покой.

Буду откровенен. Я знаю, что финал был бы удачнее, если бы я спросил дворецкого о человеке в маске крокодила и получил ответ, что подобный гость в доме не появлялся. Но рассказ мой — Господь помилуй меня! — не литературное произведение, а правда.

Я знаю, что он был там. Воочию увидев смерть Ваннинга, я больше не говорил ни с единой душой. Я отчаянно рванулся к убийце, ухватил его, затем вскрикнул и выбежал из библиотеки. Я пробрался сквозь толпу гостей, так и не подняв тревоги, выскочил из дома и побежал по улице. Оскаленный ужас нависал надо мною и все гнал и гнал вперед; теряя остатки разума, я вслепую бежал назад, к освещенным аллеям, к смеху карнавальных масок, самоуверенно считавших, что им-то не грозят открывшиеся мне ужасы.

Незнакомец в маске крокодила — в маске Египта. Отныне я больше не стану сочинять египетские рассказы. Теперь я знаю.

Знание это пришло в последний миг, когда я увидел, как незнакомец погрузил свои хитроумно сработанные крокодильи челюсти в горло бедняги Ваннинга — и разорвал его острыми как сабли клыками. Я успел на мгновение прикоснуться к нему, прежде чем он исчез; да, я схватил его, закричал и пустился в паническое бегство.

Убийца не был жрецом.

В то ужасное мгновение я схватился за окровавленную морду пугающе реальной крокодильей маски. Один-единственный миг, жуткое прикосновение. После он исчез. Но этого прикосновения было достаточно.

Когда я притронулся к окровавленной морде рептилии, я ощутил под пальцами *не маску, а живую плоть!*

ГЛАЗА МУМИИ

Египет всегда восхищал меня; Египет, земля древних таинственных преданий. Я читал о пирамидах и царях; мне виделись громадные мрачные империи, мертвые ныне, как пустые глаза Сфинкса. О Египте я писал в более поздние годы, ибо странные верования и культы сделали для меня эту страну воплощением всего непонятного и неведомого.

Не скажу, что я верил в гротескные легенды древних времен — да и как мог я поверить в антропоморфных богов с головами и атрибутами животных? И все же мифы о Баст, Анубисе, Сете и Тоте казались мне аллегорическим выражением забытых истин. Истории о звероподобных людях известны по всему миру, в преданиях всех народов и континентов. Легенда об оборотне оставалась универсальной и неизменной со времен первых неясных намеков эпохи Плиния. И потому для меня, увлеченного всем сверхъестественным, Египет стал ключом к древним знаниям.

Однако я не думал, что подобные существа или создания действительно жили на свете в дни расцвета Египта. Я готов был допустить, пожалуй, что легенды тех дней восходили к намного более древним временам, когда по первозданной земле бродили подобные чудовища, порожденные эволюционными мутациями.

Затем, в один роковой вечер во время карнавала в Новом Орлеане, я лицом к лицу встретился с ужасным доказательством своих теорий. В доме эксцентричного Хенрикуса Ваннинга я участвовал в странной церемонии, связанной с телом жреца Себека, бога с головой крокодила. Археолог Вейлдан тайно ввез мумию в страну, и мы начали осматривать ее, несмотря на проклятие и предостережения. Я был сам не свой в тот вечер и до сих пор не могу точно сказать, что тогда произошло. Появился незнакомец в крокодильей маске, и события помчались стремительно, как в кошмаре. Когда я выбежал из дома на улицу, Ваннинг был мертв. Он был убит рукой жреца — или разорван клыками ощеренной маски (если то была маска).

Я не могу пояснить сказанное выше; не осмеливаюсь. Однажды я поведал эту историю и после зарекся писать о Египте и его древних поверьях.

Я не изменил своему решению, пока сегодняшний жуткий случай не заставил меня открыть то, о чем необходимо рассказать.

Вот моя повесть. Исходные обстоятельства просты — но словно указывают, что я причастен к какой-то жуткой цепи взаимосвязанных событий, выкованной жестоким египетским богом Судьбы. Не иначе как Древние, озлившись на мои попытки познать их пути, все время заманивали меня, подгоняя к ужасному финалу.

После пережитого в Новом Орлеане я вернулся домой с твердым намерением навсегда бросить изучение египетской мифологии, но затем вновь оказался в него вовлечен.

Ко мне явился с визитом профессор Вейлдан. Именно он контрабандой вывез мумию жреца Себека, которую я видел в Новом Орлеане; мы познакомились в тот необъяснимый вечер, когда разъяренный бог или его посланник будто сошел на землю, жаждая мести. Вейлдан знал о моих занятиях и с полной серьезностью предупреждал меня об опасностях, какими чреваты попытки заглянуть в прошлое.

Теперь этот низенький бородатый человечек, похожий на гнома, явился ко мне и приветствовал меня понимающим взглядом. Мне не хотелось видеть Вейлдана, ибо его присутствие напоминало мне о событиях, которые я хотел бы навеки позабыть. Несмотря на мои усилия перевести беседу на более прозаические темы, он настойчиво возвращался к нашей первой встрече. Он рассказал, что после смерти Ваннинга, этого радужного затворника, маленькое сообщество оккультистов, собравшихся в тот вечер над мумией, распалось.

Однако он, Вейлдан, продолжал изучать легенду о Себеке. Результаты исследований, сообщил он, и заставили его предпринять это путешествие, чтобы встретиться со мной. Ни один из бывших соратников не согласился помочь ему в задуманном деле. Быть может, оно заинтересует меня.

Я тотчас заявил, что не желаю больше иметь ничего общего с египтологией.

Вейлдан рассмеялся. Он сказал, что хорошо понимает причины моих сомнений, но просит позволить ему объяснить. Задуманное им предприятие не имеет никакого касательства к колдовству или магическим искусстваам. Тем не менее, весело добавил он, это возможность поквитаться с Силами Тьмы, если я по глупости их так называю.

Он пустился в объяснения. Говоря вкратце, он просил меня отправиться с ним в Египет — в приватную, частную экспедицию. Я не понесу никаких расходов; Вейлдану требовался подходящий молодой человек на должность ассистента и он не хотел доверяться профессиональным археологам, которые могли расстроить его планы.

В последние годы его исследования постоянно вращались вокруг преданий о Культе Крокодила, и он упорно трудился, пытаясь выявить скрытые погребения жрецов Себека. И наконец, из достоверного источника — то есть от нанятого за границей туземного проводника — профессор узнал о существовании тайного места, подземной гробницы, где покоилась мумия слугителя Себека.

Он не стал излагать дальнейшие подробности: главным в его рассказе было то, что до мумии можно легко добраться, не привлекая рабочих для проведения раскопок, опасности же нет никакой и мы не столкнемся с дурацкими проклятиями и мщением. Поэтому мы можем спокойно отправиться к гробнице вдвоем, сохраняя полную секретность. К тому же, наша экспедиция будет весьма прибыльной. Мы не только завладеем мумией без ведома официальных лиц: по словам его источника, на честность которого Вейлдан был готов поставить свою репутацию, вместе с мумией захоронен целый клад священных украшений. Итак, профессор предлагал мне безопасный, верный и тайный способ разбогатеть.

Должен признаться, все это звучало заманчиво. Несмотря на неприятный опыт прошлого, я был не прочь многим рискнуть при условии достойной компенсации. Вдобавок,

хоть я и решил впредь воздерживаться от мистических штудий, меня привлекал авантюрный дух предприятия.

Вейлдан, как я теперь понимаю, ловко сыграл на моих чувствах. Он уговаривал меня несколько часов и вернулся на следующий день; и наконец я согласился.

Мы отплыли в марте и через три недели, после небольшой остановки в Лондоне, прибыли в Каир. Заграничное путешествие привело меня в такой восторг, что мне плохо запомнились беседы с профессором; помню только, что он вел себя весьма вкрадчиво и всю время пытался приободрить меня, убеждая, что наша поездка не несет абсолютно никакой угрозы. Если я и считал, что грабить могилы непорядочно, профессор полностью рассеял мои сомнения; он занимался нашими визами и придумал какую-то фантастическую историю для властей, заручившись пропуском во внутренние области страны.

Из Каира мы выехали по железной дороге в Хартум. Там профессор Вейлдан собирался встретиться со своим «источником информации» — туземным проводником, который, как теперь выяснилось, был шпионом, работавшим на археологов.

Это откровение смутило бы меня куда больше, если бы я услышал его в повседневной обстановке. Сам воздух пустыни, казалось, был насыщен интригами и заговорами, и я впервые начал понимать психологию странника и искателя приключений.

Я испытывал захватывающее чувство, когда мы вечером пробирались с Вейлданом по извилистым проулкам арабского квартала в лачугу шпиона. Мы вошли в темный зловонный двор; высокий бедуин с ястребиным носом впустил нас в свое тускло освещенное жилище. Он тепло приветствовал профессора. Деньги перешли из рук в руки. Затем араб и мой спутник уединились в соседней комнате. Я слышал их тихое перешептывание — взволнованные и вопрошающие фразы Вейлдана смешивались с гортанным английским туземца, говорившего с сильным акцентом. Я сидел в темноте и ждал. Голоса зазвучали громче, точно собеседники о чем-то препирались. Вейлдан, как мне пока-

залось, старался уговорить и успокоить араба, в то время как в голосе проводника ощущались нотки предостережения, робости и страха. Голос этот налился гневом, когда Вейлдан попытался перекричать своего компаньона.

Потом я услышал шаги. Дверь соседней комнаты распахнулась, и на пороге появился туземец. Он глядел на меня со страстной мольбой, а с его губ слетало невнятное бормотание — словно он, силясь предостеречь меня, перешел на родной арабский. В том, что он о чем-то предупреждал меня, не было никаких сомнений.

Он простоял так лишь мгновение; рука Вейлдана опустилась ему на плечо и втащила в комнату. Дверь захлопнулась и голос араба зазвучал еще громче, почти переходя в крик. Вейлдан прокричал что-то неразборчивое, послышался шум борьбы, приглушенный грохот, затем — тишина.

Прошло несколько минут, прежде чем дверь открылась и появился Вейлдан; он утирал лоб и прятал глаза.

— Парень решил повздорить насчет платежей, — объяснил он, глядя в пол. — Но информацию я получил. После он вышел к вам и стал просить денег. В конце концов пришлось вышвырнуть его через заднюю дверь. Я выстрелил, чтобы его испугать; эти туземцы такие впечатлительные.

Я не произнес ни слова, когда мы покидали дом, и ничего не сказал Вейлдану, когда по пути назад он начал торопливо красться по темным улицам.

Я сделал вид, что не заметил, как он вытер руки платком и поспешно запихнул его обратно в карман.

Профессора могла бы привести в замешательство просьба объяснить, откуда взялись эти красные пятна...

Я должен был что-то заподозрить уже тогда, должен был тотчас же отказаться от участия в предприятии. Но на следующее утро, когда Вейлдан предложил совершить верховую прогулку по пустыне, я никак не мог знать, что нашей целью окажется гробница.

Сборы ведь были такими недолгими... Две лошади, легкая закуска в седельных сумках, маленькая палатка «для защиты от полуденной жары», как сказал Вейлдан — и мы вдвоем поскакали в пустыню. Никаких приготовлений, ни-

какой шумихи, точно речь и впрямь шла о пикнике. Комнаты в гостинице оставались за нами, никому не было сказано ни слова.

Мы выехали за ворота и помчались по спокойным, ровным пескам, простиравшимся под буколически-синим небом. Около часа мы скакали под безмятежными, хотя и палящими лучами солнца. Вейлдан был чем-то озабочен и все время, словно в поисках какого-то ориентира, оглядывал монотонно тянувшийся горизонт; но ничто в поведении профессора не намекало мне на его планы.

Я увидел камни, лишь когда мы подъехали к ним совсем близко — большие грозди белых валунов проступали под песчаными склонами невысокого холма. По форме его можно было заключить, что видимые камни — не более чем бесконечно малая часть глыб, скрытых под напластованиями песка; однако в их размерах, очертаниях и расположении не было ничего необычного. Они были самым случайным образом разбросаны по склону холма и ничем не отличались от дюжины других небольших скоплений камней, которые мы миновали по пути.

Вейлдан ничего не сказал и лишь предложил спешиться, поставить нашу маленькую палатку и перекусить. Мы вбили колышки, втащили в палатку несколько плоских камней, назначив им роль стола и стульев, а вместо подушек положили на последние наши походные одеяла.

И только во время ланча Вейлдан поделился со мной сногшибательным известием. Камни перед входом в палатку, заявил он, скрывают вход в гробницу. Песок, ветер и пыль пустыни сделали свое дело, надежно защитив святилище от непрошенных гостей. Туземный сообщник Вейлдана, изучив всевозможные указания и слухи, сумел обнаружить это место, хотя так и не рассказал, каким образом ему удалось это сделать.

Как бы то ни было, усыпальница перед нами. Согласно некоторым манускриптам и обрывочным свидетельствам, она никак не охраняется. Нам нужно лишь откатить в сторону несколько валунов, закрывавших вход, и спуститься.

Вейлдан вновь искренне заверил меня, что ни малейшая опасность нам не грозит.

Мне надоело изображать простофилю. Я стал дотошно его расспрашивать. Почему жреца Себека похоронили в таком уединенном месте?

Вероятно, отвечал Вейлдан, он бежал со своей свитой на юг и умер в пустыне. Быть может, его изгнал из храма новый фараон; с другой стороны, в более поздние времена жрецы являлись магами и колдунами, которых часто преследовали и выгоняли из городов разгневанные жители. Наш жрец, спасаясь от преследований, умер и был похоронен здесь.

В этом и заключается причина того, что подобные мумии почти не встречаются, продолжал свои объяснения Вейлдан. Приверженцы извращенного культа Себека обычно хоронили своих жрецов в тайных городских усыпальницах, и эти усыпальницы давно были уничтожены. Поэтому лишь в редких случаях, когда изгнанного жреца погребали в каком-нибудь пустынном месте, удастся найти его мумию.

— Но сокровища? — настаивал я.

Жрецы были богаты. Беглый чародей уносил свои сокровища с собой. По смерти жреца их, естественно, хоронили вместе с ним. У некоторых жрецов-отступников, занимавшихся магией, был странный обычай: они требовали, чтобы их мумифицировали, сохраняя жизненно важные органы в неприкосновенности, что диктовалось их суевериями, связанными с земным воскрешением. Поэтому мумия может стать необычной находкой. Погребальная камера, надо полагать, представляет собой пустое помещение с каменными стенами, где находится саркофаг с мумией. Жреца похоронили в такой спешке, что едва ли кто-либо успел защитить усыпальницу проклятиями, заклетами и прочей потусторонней абракадаброй, которая, похоже, меня так страшит. Мы без труда войдем внутрь и завладеем добычей. В окружении таких жрецов наверняка были опытные храмовые мастера, умевшие правильно бальзамировать тело; требовалось немалое искусство, чтобы сделать это как полагается, не удаляя критические органы, и тем не ме-

нее, эта последняя процедура была необходима в силу своего религиозного значения. Следовательно, мы можем не беспокоиться о сохранности мумии.

Вейлдан был очень словоохотлив. Слишком словоохотлив. Он разъяснил, что мы пронесем футляр с мумией в гостиницу, завернув его в походную палатку, а после контрабандой вывезем мумию и драгоценности из страны с помощью местной экспортной фирмы.

Он презрительно отвергал все мои возражения; зная, что Вейлдан, каковы бы ни были свойства его характера, по-прежнему оставался известным археологом, я был вынужден уступить его авторитету.

Меня немного тревожил лишь один вопрос — его беглое упоминание о каком-то суеверии, связанном с земным воскрешением. Странно было слышать о мумии, у которой перед захоронением не извлекли органы. Деяния жрецов, связанные с черной магией и колдовскими ритуалами, мне были достаточно хорошо известны, и я опасался малейшей возможности провала.

Но в конце концов профессор все же меня убедил. После ланча мы вышли из палатки. С валунами мы легко справились. Они были искусно размещены на склоне холма, но в песок глубоко не уходили — все было предназначено лишь для отвода глаз. Убрав камни поменьше, мы откатали в сторону четыре больших валуна, преграждавших вход в черный туннель, наклонно уходивший в землю.

Мы нашли гробницу!

Когда я осознал это и увидел зияющую мрачную дыру, перед моим внутренним взором вновь глумливо оскалились прежние ужасы. Я вспомнил все, что знал о темной и извращенной вере приверженцев Себека, об этом смещении мифов, небылиц и искаженной, гримасничающей реальности, которое не имело права на существование.

Я думал о ритуалах в подземельях храмов, что ныне обратились в пыль, о благоговейном поклонении огромным золотым идолам — человеческим фигурам с головами крокодилов. Я припомнил рассказы о темных отражениях этих обрядов: оба течения существовали параллельно и были взаи-

мосвязаны, как много позднее сатанизм и христианство. Некоторые жрецы вызывали богов со звериными головами в качестве демонов, а не милостивых божеств. Себек был подобным двуликим богом, и жрецы поили его кровью. В отдельных храмах имелись катакомбы, где стояли идолы бога в виде Золотого Крокодила. В разверстые пасти таких крокодилов, усеянные острыми зубами, бросали девственниц. Челюсти смыкались, клыки из слоновой кости завершали жертвоприношение и кровь стекала в золотую глотку, радуя божество. Неведомым силам предназначались эти жертвы и нечестивыми дарами осыпал бог жрецов, удовлетворявших его звериную похоть. Неудивительно, что этих людей изгнали из храмов, а сами обители греха были разрушены.

Один из жрецов бежал в пустыню, где и умер. Теперь он покоился там, внизу, под надежной охраной своего мстительного древнего покровителя. Вот о чем я подумал напоследок, и от этой мысли мне стало не по себе.

Тлетворные испарения, поднимавшиеся из отверстия, также не воодушевляли меня. То было не зловоние разложения, но почти осязаемый запах непредставимой древности. Затхлый едкий смрад плыл в воздухе и удушливыми кольцами свивался вокруг горла. Вейлдан обвязал лицо носовым платком, закрыв нос и рот. Я последовал его примеру.

Профессор зажег карманный фонарь и двинулся вперед. Он спускался по наклонному каменному полу, ведущему к внутреннему коридору, и его обнадеживающая улыбка постепенно растворялась во тьме.

Я следовал за ним. Пускай идет первым — если там ждут ловушки с падающими камнями или другие средства защиты от незваных гостей, за дерзость расплатится он, а не я. Кроме того, идя сзади, я мог оглядываться на утешительное голубое пятно, обрамленное каменным проемом.

Но вскоре оно исчезло. Ход поворачивал, извивался и вел все ниже. Теперь мы шли во мраке теней, нависавших над нами, и только слабый луч фонаря рассеивал ночную темь гробницы.

Вейлдан не ошибся — усыпальница представляла собой всего лишь каменный туннель, ведущий в наспех соору-

женное внутреннее помещение. Там мы обнаружили плиты, закрывавшие футляр с мумией. Лицо профессора сияло торжеством, когда он обернулся ко мне и с волнением указал на саркофаг.

Да, все прошло легко, чересчур уж легко — теперь я это понимаю. Но мы ни о чем не подозревали. Даже мои изначальные сомнения начали понемногу отступать. Дело оказалось совершенно прозаическим, немного нервировала только темнота, но темно бывает и в самой обыкновенной шахте.

В конце концов я потерял всякий страх. Мы с Вейлданом сбросили каменные плиты на пол и стали рассматривать красиво отделанный футляр для мумии, затем вытащили его и приставили к стене. Профессор нетерпеливо склонился над выемкой в камне, где раньше покоился саркофаг. Там было пусто.

— Странно! — пробормотал он. — Драгоценностей нет! Должно быть, они в саркофаге.

Мы положили тяжелый деревянный футляр на камни. Профессор приступил к работе. Медленно и осторожно он сломал печати и удалил наружный слой воска. Футляр был украшен сложным орнаментом с золотыми и серебряными инкрустациями, подчеркивавшими бронзовую патину нарисованного лица. На саркофаге было множество крошечных надписей и иероглифов, которые археолог не стал расшифровывать.

— Это может подождать, — сказал он. — Надо посмотреть, что лежит внутри.

Прошло некоторое время, прежде чем ему удалось снять верхнюю крышку. Думаю, это заняло несколько часов — так осторожно и тщательно он работал. Фонарь светил теперь не так ярко; садилась батарейка.

Второй футляр был уменьшенной копией первого, однако лицо было изображено детальней. Похоже было на то, что здесь мы столкнулись с сознательной попыткой воспроизвести черты усопшего жреца.

— Футляр был сделан в храме, — объяснил Вейлдан. — Его захватили с собой во время бегства.

Мы склонились над саркофагом, изучая портрет в тусклом свете фонаря. Внезапно и буквально одновременно мы сделали странное открытие. У нарисованного лица не было глаз!

— Слепой, — произнес я.

Вейлдан кивнул и пригляделся внимательнее.

— Нет, — сказал он. — Жрец не был слепым, если этот портрет соответствует оригиналу. Ему выкололи глаза!

Я заглянул в пустые глазницы, подтвердившие ужасную истину. Вейлдан возбужденно указал на ряд иероглифических фигурок, украшавших стенку саркофага. Они изображали жреца в предсмертных судорогах. Рядом с его ложем стояли два раба с клещами.

Вторая сцена изображала рабов, вырывающих глаза из головы жреца. В третьей рабы вкладывали в опустевшие глазницы какие-то блестящие предметы. Остальные изображения представляли собой сцены погребальной церемонии; на заднем плане высилась злобная фигура с крокодильей головой — бог Себек.

— Поразительно, — произнес Вейлдан. — Вы понимаете значение этих рисунков? Они были сделаны еще до смерти жреца. Таким образом, он сам велел удалить себе глаза перед смертью и вставить вместо них эти предметы. Но зачем он добровольно подверг себя такой пытке? Что это за блестящие предметы?

— Ответ должен быть внутри, — отозвался я.

Не говоря ни слова, Вейлдан вернулся к работе. Была снята вторая крышка. Фонарь мерцал, умирая. Перед нами предстал третий футляр. Профессор работал почти в полной темноте; сжимая пальцами нож, он искусно взламывал последние печати. В желтом полумраке крышка поднялась, открылась.

Мы увидели мумию.

Из саркофага вырвалась волна испарений — ужасающий запах благовоний и газов проникал сквозь платки, закрывавшие нос и рот. Видимо, эти газообразные эманации обладали чрезвычайной защитной силой, так как мумия не была даже забинтована или прикрыта саваном. Голое, ис-

сохшее коричневое тело лежало перед нами. Оно сохранилось на удивление хорошо. Но мы удостоили его лишь мимолетным взглядом. Все наше внимание было приковано к глазам — или к тому месту, где они прежде находились.

В темноте зажглись больших желтых диска. То были не алмазы, сапфиры, опалы или любые другие известные камни; громадные размеры не позволяли и помыслить об их классификации. Они не были огранены и все же ослепляли своим блеском — яростное сияние выжигало нам глаза, словно огонь.

Так вот они, драгоценные камни, что мы искали — и наши поиски того стоили.

Я наклонился и хотел было их извлечь, но голос Вейлдана остановил меня.

— Не делайте этого, — предупредил он. — Мы достанем их позже, не повреждая мумию.

Его голос доносился до меня откуда-то издалека. Я даже не обернулся, но продолжал стоять, склонившись над этими пылающими камнями. И смотрел на них.

Они словно разрастались, превращаясь в две желтые луны. Они зачаровывали, пленяли, и все мои чувства растворялись в их красоте. Камни отвечали мне огнем, окутывая мозг умиротворяющим оцепенением жара, не причинявшего, однако, раскаленной и жгучей боли. Моя голова горела.

Я не мог отвернуться, да и не хотел. Камни заворачивали меня.

В каком-то тумане я расслышал голос Вейлдана. Я едва почувствовал, как он вцепился мне в плечо.

— Не смотрите, — его взволнованные слова показались мне бессмыслицей. — Это не... натуральные камни. Это дары богов — вот почему жрец перед смертью велел заменить ими свои глаза. Они гипнотизируют... эта теория воскрешения...

Почти бессознательно я оттолкнул его. Камни управляли моими чувствами, заставляли меня подчиниться. Гипноз? Ну конечно — я чувствовал, как теплый желтый свет пронизывает мою кровь, пульсирует в висках, подбирается к мозгу. Я знал, что фонарь давно погас, но все помещение

озаряло сияющее желтое сверкание этих ослепительных глаз. Желтое сверкание? Нет — раскаленно-красное, ярко-алое свечение, и в нем я читал послание.

Камни мыслили! Они обладали разумом или, точнее, волей — волей, что накатывала на меня, поглощая все чувства — волей, что заставила меня забыть о своем теле и разуме и жаждать лишь растворения в красном экстазе пылающей красоты камней. Я мечтал утонуть в огне — огонь манил меня вовне, из самого себя, и я словно рвался к камням — тонул в них — и погружался еще глубже...

И вдруг я освободился. Я был свободен и слеп в темноте. Я вздрогнул и понял, что какое-то время, видимо, пролежал без сознания. По крайней мере, я упал и теперь лежал на спине на каменном полу подземелья. На каменном? Нет — на деревянном.

Это было странно. Я чувствовал дерево. Мумия лежала в деревянном футляре. Я ничего не видел. Мумия была слепа.

Я ощутил свою сухую, чешуйчатую, шелушащуюся, как у прокаженного, кожу.

Мой рот открылся. Голос, заглушенный пылью в гортани, голос мой и не мой, голос из глубин смерти проскрежетал: «Господи! *Я в теле мумии!*»

Кто-то ахнул, что-то с шумом упало на каменный пол. Вейлдан.

Но что это за иной звук, что за шорох? *Кто принял мой облик?*

Проклятый жрец, вынесший пытку, дабы в его мертвых глазницах оказались дарованные богом гипнотические камни — надежда на вечное воскрешение. Жрец, похороненный в гробнице, куда так легко проникнуть! Драгоценные камни загипнотизировали меня, мы обменялись телесными покровами, и теперь *он ходил по земле*.

Меня спасло иступление неизбывного ужаса. Слепо опираясь на иссохшие руки, я приподнялся. Гниющие пальцы бешено вцепились в лицо, ища то, что было ему чуждо. Мои мертвые пальцы вырвали из глазниц камни.

И тогда я потерял сознание.

Пробуждение было ужасным, ведь я не знал, что меня ожидает. Я боялся почувствовать себя — свое тело. Но моя душа вновь очутилась в теплой плоти, и мои глаза смотрели сквозь желтоватую тьму. Мумия лежала в саркофаге; чудовищно было видеть ее пустые, глядящие вверх глазницы и ужасающее доказательство случившегося, каким стало изменившееся положение ее чешуйчатых конечностей.

Вейлдан лежал там же, где упал, с посиневшим мертвым лицом. Он не вынес потрясения — сомнений быть не могло.

Рядом с ним находился источник желтого свечения — зловещий мерцающий огонь камней-близнецов.

Я вырвал эти ужасные орудия трансмутации из глазниц, и это меня спасло. Лишенные мыслительной поддержки разума мумии, они, очевидно, утратили присущую им силу. Я задрожал, подумав о том, что перемещение могло произойти на открытом воздухе: тело мумии немедленно разложилось бы, и я не успел бы вырвать камни. Тогда душа жреца Себека ожила бы в моем теле, чтобы вновь бродить по земле, и воскрешение было бы завершено. Одна лишь мысль об этом была ужасна.

Я быстро поднял камни и завязал их в платок. Затем я покинул подземелье, оставив Вейлдана и мумию лежать во мраке, и начал выбираться наружу, освещая себе путь свечами.

К тому времени наступила ночь, но с какой радостью я увидел над собой ночное египетское небо!

Но эта *ясная* темнота вновь властно напомнила мне о кошмаре, только что пережитом в зловещей непроглядной черноте гробницы, и я с диким криком бросился по песку к стоявшей у входа в туннель палатке.

В седельной сумке было виски; я вытащил бутылку и вознес хвалу небесам за найденную там же масляную лампу. Кажется, какое-то время я бредил. Я прикрепил к брезентовой стенке палатки зеркальце и минуты три гляделся в него, стараясь удостовериться, что по-прежнему остаюсь собой. Затем я достал портативную пишущую машинку и

установил ее на служившей столом каменной плите.

Только тогда я осознал свое подсознательное желание поведать всю правду. Я даже поспорил немного сам с собой — но спать в ту ночь было невозможно, а возвращаться в темноте через пустыню я не собирался. В конце концов я с трудом взял себя в руки.

И напечатал этот пространный опус.

Теперь моя повесть рассказана. Я вернулся в палатку, чтобы напечатать эти строки. Завтра я навсегда оставлю Египет позади — оставлю и эту гробницу, но прежде снова запечатаю ее, дабы никто и никогда не нашел проклятый путь к подземным чертогам ужаса.

Я пишу и благодарю свет, уносящий память о зловонной тьме и приглушенных звуках, благодарю и зеркало, даровавшее мне ободряющее отражение, что стирает мысль о том ужасном миге, когда на меня взглянули сверкающие камни глаз жреца Себека и я *изменился*. Слава Богу, я вовремя их выцарапал!

У меня сложилась теория относительно этих камней. Безусловно, это была западня. Жутко думать о гипнотизме умершего три тысячи лет назад мозга; о гипнотизме, вбиравшем стремление к жизни, пока агонизирующему жрецу вырывали глаза и вставляли вместо них драгоценные камни. В его мозгу осталось лишь одно желание — жить и вновь обрести плоть. Предсмертная мысль, переданная камням и удерживаемая ими, сохранялась веками, и камни терпеливо ждали взгляда первооткрывателя. Тогда мысль мертвого сгнившего мозга должна была выскользнуть из живых камней — камней, которые загипнотизировали бы смотрящего и вызвали ужасный обмен личностями. Мертвый жрец проснулся бы в теле несчастного, чье сознание было бы насильно изгнано в тело мумии. Дьявольски умный план — только подумать, что этим человеком чуть не стал *я сам!*

Камни у меня. Необходимо их внимательно изучить. Возможно, сотрудники музея в Каире сумеют их классифицировать; в любом случае, ценность их неоспорима. Но Вейлдан мертв, а о гробнице я не имею права рассказывать —

как же мне все объяснить? Эти камни настолько любопытны, что наверняка вызовут расспросы. В них есть нечто необычное, хотя предположение бедняги Вейлдана о том, что это дар богов — откровенная нелепость. Однако смена цвета в них необычайна, и жизнь, гипнотическое сияние внутри!

Только что я совершил поразительное открытие. Я вынул камни из платка и взглянул на них. Кажется, они до сих пор живы!

Свечение не изменилось — здесь, при свете электрической лампы, они сверкают так же ярко, как в темноте, в изуродованных глазницах иссохшей мумии. Они светятся желтым и я, глядя на них, как и раньше интуитивно ощущаю присутствие иной, чужой жизни. Желтым? Нет — теперь они краснеют — все больше краснеют. Я не должен смотреть; слишком напоминает пережитое в склепе. Они ведь гипнотические, не иначе.

Теперь они темно-красные и яростно полыхают. Глядя на них, я чувствую тепло, купаюсь в огне, и он не обжигает, но ласкает. Я не против: это такое приятное ощущение. Зачем отворачиваться.

Незачем... *Не сохраняют ли эти камни свою силу, даже пребывая вне глазниц мумии?*

Я снова это чувствую — должно быть — не хочу возвращаться в тело мумии — теперь мне не вырвать камни, не вернуть свой облик — камни были удалены, но мысль запечатлелась в них.

Я должен отвернуться. Я могу печатать. Я способен думать — но эти глаза передо мной все расширяются, растут... отвернуться...

Не могу. Краснее — краснее — я должен бороться с ними, нельзя утонуть в них. Красная мысль, ничего не чувствую — я должен бороться...

Теперь я в силах отвернуться. Я победил камни. Я в полном порядке.

Я могу отвернуться — *но ничего не вижу*. Я ослеп! Ослеп — камни вырваны из глазниц — *мумия слепа*.

Что со мной случилось? Я сижу в темноте и печатаю вслепую. Слеп, как мумия! Такое чувство, будто что-то произошло; странно. Кажется, мое тело стало легче.

Теперь я все понял.

Я в теле мумии. Я знаю это. Камни — и заключенная в них мысль — *но что это возстало и выходит из отверстой гробницы?*

Оно идет в мир людей. На нем мое тело, оно будет искать кровь и добычу, и приносить жертвы, радуясь своему воскрешению.

А я слеп. Я слеп — и *разлагаюсь!*

Воздух — причина распада. Органы сохранены, говорил Вейлдан, но я не могу дышать. Ничего не вижу. Должен печатать — предупредить. Пусть тот, кто прочтет, узнает правду. Предупредить.

Тело быстро разрушается. Не могу приподняться. Проклятая египетская магия. Эти камни! Кто-то должен убить существо из гробницы.

Пальцы — так трудно стучать по клавишам. Не действуют. Воздух до них добрался. Стали ломкими. Вслепую по клавишам. Все медленнее. Должен предупредить. Тяжело передвигать каретку.

Не могу нажать верхний регистр, печатать прописные буквы, пальцы быстро разлагаются распадаются на кусочки пыль пальцы исчезают должен предупредить существо магии себека пальцы слепые обрубки почти распались тяжело печатать.

проклятый себек себек разум все прах себек себе себ себ себ се с sssssss sss...

ХРАМ ЧЕРНОГО ФАРАОНА

— Лжец! — сказал капитан Картарет.

Смуглый человек не двинулся с места — лишь под теньями бурнуса по искривленному лицу скользнула угрюмая гримаса. Но затем, шагнув вперед, в свет лампы, он улыбнулся.

— Это грубое слово, *эффенди*, — промурлыкал смуглый человек.

Капитан Картарет иронически оглядел своего полуночного гостя.

— И вполне заслуженное, я думаю, — заметил он. — Рассмотрим факты. Вы, незванный и неизвестный, являетесь ко мне в полночь. Долго несете какой-то вздор о тайных подземельях под Каиром и затем по собственной воле предлагаете показать мне дорогу к ним.

— Совершенно верно, — вежливо согласился араб. Он спокойно выдержал взгляд ученого капитана.

— Для чего вам это делать? — настаивал Картарет. — Если ваша история не ложь и вы действительно узнали такую откровенно абсурдную тайну, зачем вам приходить ко мне? Зачем делить с кем-то славу открытия?

— Я уже говорил вам, *эффенди*, — пояснил араб. — Это противоречит законам нашего братства. Нигде не сказано, что я могу завладеть найденным. Зная о вашем интересе к подобным предметам, я решил уступить привилегию вам.

— Вы решили выкачать из меня сведения, вот в чем я не сомневаюсь, — язвительно заметил капитан. — Вы, проходимцы, становитесь чертовски умны, когда дело доходит до секретов, не так ли? Как я понимаю, вы явились, чтобы узнать, далеко ли я продвинулся в своих исследованиях. И если я узнал лишнее, вы и ваши головоломы со мной расправитесь.

— Ага! — смуглый незнакомец вдруг наклонился вперед и всмотрелся в лицо белого. — В таком случае вы признае-

те, что мой рассказ не показался вам полнейшей выдумкой и вам уже кое-что известно о том месте?

— Предположим, что так, — твердо парировал капитан. — Это никак не доказывает, что вы пришли ко мне как некий проводник-филантроп. Вероятней всего, вы хотите выкачать из меня сведения, как я уже сказал, после избавиться от меня и самостоятельно завладеть всеми находками. Нет, в вашем рассказе что-то не сходится. Вы ведь даже не назвали свое имя.

— Мое имя? — улыбнулся араб. — Оно не имеет значения. Важно лишь то, что вы мне не доверяете. Но раз уж вы наконец признались, что вам известно о склепе Нефрен-Ка, позвольте показать вам вещь, которая докажет, возможно, что и я кое-что знаю.

Он сунул под бурнус сухощавую руку и вытащил любопытный предмет, изготовленный из тусклого черного металла. Затем он небрежно бросил предмет на стол, в круг света от лампы.

Капитан Картарет нагнулся над столом и взгляделся в странное металлическое изделие. Его худое и обычно бледное лицо запылало от неприкрытого волнения. Дрожащими пальцами он схватил черный предмет.

— Печать Нефрен-Ка! — прошептал капитан. Он снова поднял на непостижимого араба глаза, сиявшие теперь одновременно недоверием и верой.

— Так это правда — то, что вы рассказали, — выдохнул капитан. — Вы могли найти печать только в тайном храме; в Храме Слепых Обезьян, где...

— Где Нефрен-Ка свивает нити истины, — договорил за него улыбающийся араб.

— Вы читали «Некрономикон»? — ошеломленно спросил Картарет. — Но ведь сохранилось только шесть полных экземпляров, и мне казалось, что ближайший находится в Британском музее.

Араб улыбнулся еще шире.

— Мой соотечественник, Альхазред, оставил своему народу богатое наследие, — тихо сказал он. — Мудрость доступна каждому, кто знает, где искать.

На миг в комнате повисла тишина. Картарет пристально смотрел на черную печать; араб внимательно глядел на него. Мысли обоих блуждали где-то далеко. Наконец худой и пожилой капитан выпрямился с решительной миной.

— Я верю вам, — сказал он. — Покажите мне путь.

Араб удовлетворенно пожал плечами и без спроса уселся рядом с хозяином. С этой минуты он полностью завладел положением и диктовал капитану свою волю.

— Сперва поведайте мне все, что знаете, — приказал он. — Тогда я открою остальное.

Картарет, подпавший под власть собеседника, невольно подчинился. Он рассказывал свою повесть отчужденно, не сводя взгляда с загадочного черного амулета на столе. Могло показаться, что странный талисман загнипотизировал его. Араб не произносил ни слова, но его фанатичный взор сверкал злорадным торжеством.

2.

Картарет говорил о своей юности, о службе в Египте во время войны и последующем переводе в Месопотамию. Именно там капитан впервые заинтересовался археологией и окружавшими ее темными оккультными материями. Ветер бескрайних пустынь Аравии доносил поразительные, древние как мир истории: туманные предания о мистическом Иреме, городе древнего ужаса, забытые легенды об исчезнувших империях. Он беседовал с мечтательными дервишами, чьи навейные гашишем видения раскрывали секреты утраченного прошлого, исследовал некоторые — по общему мнению, кишасие гулями — гробницы и туннели старого Дамаска, неизвестного историческим летописям.

Позднее он вышел в отставку и перебрался в Египет. Здесь, в Каире, перед ним открылся мир еще более таинственных поверий. В извечных тенях Египта, земли грозных заклятий и затерявшихся во времени царей, всегда рож-

дались безумные мифы. Картарет многое узнал о жрецах и фараонах, древних оракулах, покоящихся в пустыне сфинксах, легендарных пирамидах и титанических усыпальницах. Цивилизация была лишь невесомой паутиной на спящем лице Вечной Тайны. Здесь, в непостижимой тени пирамид, по-прежнему властвовали старые боги. Призраки Сета, Ра, Озириса и Бубастис таились на тропах пустыни; Гор, Изиды и Себек все еще обитали среди руин Фив и Мемфиса или в полуразрушенных гробницах Долины царей.

Нигде прошлое не сохранилось так, как в вековечном Египте. Находя новые мумии, египтологи открывали все новые заветы; разгадка любого древнего секрета вела лишь к более глубоким, недоступным уму тайнам. Кто построил пилоны храмов? Для чего древние цари возводили пирамиды? Как удавалось им творить подобные чудеса? Сохраняли ли действенность их проклятия? Куда исчезли египетские жрецы?

Эти и тысячи других остававшихся без ответа вопросов занимали все мысли капитана Картарета. Свободного времени у него теперь было много, и он учился, читал, советовался со знатоками и учеными. Однако поиски древних, изначальных знаний постоянно заводили его в темные пределы; его душа могла утолить свою жажду лишь самыми странными тайнами, самыми опасными открытиями.

Многие из знакомых ему авторитетных ученых открыто считали, что посторонним не к чему копать слишком глубоко. Проклятия исполнялись с загадочной быстротой, предостережения и пророчества с удвоенной силой обрушивались на головы святотатцев. Не стоило осквернять святилища древних темных богов, все еще живших на этой земле.

Но ужасная притягательность забытого и запретного пульсировала, как вирус, в крови Картарета. Впервые услышав легенду о Нефрен-Ка, капитан, естественно, приступил к исследованиям.

Нефрен-Ка, по мнению известных египтологов, был не более чем мифической фигурой, фараоном неведомой династии — жрецом, узурпировавшим трон. Наиболее распространенные легенды относили его царствование едва ли не к

библейским временам. В них говорилось, что Нефрен-Ка был последним и величайшим представителем египетского культа магов-жрецов, который на какое-то время превратил господствующую религию в нечто темное и ужасающее. Приверженцы культа, возглавляемого архиерофантами Бубастис, Анубиса и Себека, считали своих богов воплощениями некогда существовавших Сокрытых Существ — чудовищных зверолодей, бродивших по земле в первобытные эпохи. Они поклонялись Старейшему, именуемому в мифах Ньярлатхотепом, «Божественным Посланцем». Это отвратительное божество, как утверждалось, наделяло мага волшебной силой в обмен на человеческие жертвы; поэтому-то в период владычества нечестивых жрецов египетская религия и превратилась в кровавое месиво. Предаваясь антропомантии и некрофилии, жрецы вымаливали у своих демонов жуткие дары.

Далее говорилось, что Нефрен-Ка, взойдя на трон, отказался от всех религиозных обрядов, за исключением культа Ньярлатхотепа. Он мечтал о пророческом даре и строил храмы в честь Слепой Обезьяны Истины. Воистину зверские жертвоприношения в конце концов привели к восстанию, и печально известный фараон был сброшен с вершин власти. Согласно преданию, новый правитель и его люди немедленно стерли все следы этой власти, уничтожили храмы и идолов Ньярлатхотепа и изгнали отвратных жрецов, предавших веру ради милостей пожирателей плоти — Бубастис, Анубиса и Себека. Тогда же «Книга мертвых» была переписана с тем, чтобы исключить из нее любые упоминания о фараоне Нефрен-Ка и его проклятых культах.

Так, говорит предание, скрытая вера была потеряна для исторических хроник. Что же касается самого Нефрен-Ка, то о кончине его приводится странный рассказ.

Свергнутый фараон бежал в местность, находившуюся поблизости от современного Каира. Отсюда он и его сторонники предполагали отплыть к «западному острову». Историки считают, что этим «островом» была Британия, где действительно поселились некоторые беглые жрецы Бубастис.

Однако напавшие враги окружили фараона, и путь к спасению был отрезан. Тогда Нефрен-Ка соорудил тайную подземную гробницу, где сам он вместе с последователями был похоронен заживо. Не желая ничего оставлять на поживу врагу, он унес в этот погребальный склеп живых все свои сокровища и магические секреты. Его приверженцы настолько тщательно замаскировали тайную усыпальницу, что их гонителям так и не удалось обнаружить склеп Черного Фараона.

На этом обрывается предание о Нефрен-Ка. Многие считали, что оно было сложено несколькими жрецами, оставшимися на поверхности, чтобы запечатать тайную гробницу; они и их потомки хранили память о фараоне и его древнюю нечестивую веру.

Столкнувшись с этой весьма необычной легендой, Картарет с головой ушел в старинные книги. Во время поездки в Лондон удача улыбнулась ему: капитану позволили ознакомиться с экземпляром богопротивного и архаичного «Некрономикона» Абдула Альхазреда. В этом сочинении содержались дополнительные сведения. Один из влиятельных друзей капитана в министерстве внутренних дел, узнав о его поисках, сумел раздобыть переписанные отрывки зловещей и богохульной книги Людвиг Принна «*De Vermis Mysteriis*», известной знатокам оккультных таинств под более фамильярным наименованием «Тайны червя». В ней, а точнее в крайне спорной главе «Сарацинские ритуалы», посвященной мифам Востока, Картарет нашел новые подробности, касавшиеся Нефрен-Ка.

Принн, который почерпнул свои знания в Египте у средневековых визионеров и пророков сарацинской эпохи, придавал большое значение передававшимся шепотом откровениям александрийских некромантов и адептов. Они были знакомы с историей Нефрен-Ка и называли его Черным Фараоном.

У Принна приводился намного более детальный рассказ о смерти фараона. Он утверждал, что тайная усыпальница расположена непосредственно под Каиром, и выражал убежденность в том, что в свое время она была распечатана. По

рассказу Принна, в гробницу проникли выжившие приверженцы культа, о которых повествовали народные легенды; далее он писал о группе потомков жрецов-отступников, чьи предки живьем похоронили остальных. Эти люди поддерживали огонь извращенной религии и охраняли Нефрен-Ка и его погребенных братьев, дабы незваные гости не проникли в склеп, место их последнего упокоения. Они верили, что по прошествии цикла в семь тысяч лет Черный Фараон и его соратники снова восстанут и возродят темную славу древней веры.

Собственно склеп, по словам Принна, представлял собой весьма необычное место. Слуги и рабы Нефрен-Ка построили под землей величественную гробницу; помещения ее были заполнены царскими сокровищами. Здесь же находились священные образы и украшенные драгоценными камнями книги тайной мудрости.

Наиболее поразительная часть повествования касалась поисков истины и дара пророчества, что всю жизнь вел Нефрен-Ка. Перед тем, как умереть во тьме, фараон — если верить Принну — совершил последнее чудовищное жертвоприношение, призывая Ньярлатхотепа; и бог, явившийся в земном облики, даровал фараону желаемое. Стоя перед Слепой Обезьяной Истины, над окровавленными телами сотни радостно ушедших из жизни приверженцев, Нефрен-Ка обрел пророческий дар. И Принн продолжает свой кошмарный рассказ — заточенный в усыпальнице, среди мертвых тел братьев, фараон раскрыл на каменных стенах гробницы все тайны будущего. Испытывая до последней минуты счастье всеведения, он изложил в рисунках и идеограммах историю грядущих дней. Он отобразил на стенах судьбы будущих царей, расцвет и падение еще не родившихся империй. Затем, когда чернота смерти затмила взор фараона и паралич заставил его выронить кисть, он спокойно лег в свой саркофаг, где и умер.

Так писал Людвиг Принн, тот, кто беседовал с провидцами древности. Нефрен-Ка лежал в подземной усыпальнице под защитой уцелевшего на земле жреческого культа; защищали его и заклятия, наложенные на гробницу. Его

желание исполнилось — он познал истину и записал предание о будущем на сумрачных стенах своей могилы.

Картарет прочитал этот рассказ с противоречивыми чувствами. Он был бы не прочь найти усыпальницу, если только она существовала! Какая находка — настоящий переворот в антропологии, этнологии!

Конечно, в легенде имелись и определенные абсурдные моменты. Несмотря на интерес к темным материям, Картарет не был суеверен. Он отметал бессмысленные выдумки, не верил в Ньярлатхотепа, Слепую Обезьяну Истины или жреческий культ. Да взять хоть историю о пророческом даре — полнейшая чепуха!

Во всем этом не было ничего нового. Многие знатоки пытались доказать, что пирамиды, с их геометрически выверенной конструкцией, являлись архитектурными предсказаниями грядущих событий. Опираясь на сложные вычисления, они убедительно рассуждали о том, что символическая интерпретация великих гробниц содержит ключ к истории человечества, находили в пирамидах аллегорические пророчества о Средневековье, Ренессансе, мировой войне.

Картарет считал их доводы чушью. Тем более абсурдной казалась ему мысль об умирающем фанатике, который был наделен пророческим даром и перед смертью нацарапал на стенах своей гробницы будущую историю мира. Да кто бы в такое поверил?

И тем не менее, оставаясь скептиком, капитан Картарет мечтал найти усыпальницу. С этим намерением он вернулся в Египет и немедленно взялся за дело. Ему посчастливилось найти некоторые подсказки и указания. Через несколько дней он надеялся обнаружить и сам вход в усыпальницу — если, конечно, весь путь исследований не окажется ложным. Капитан собирался обнародовать свое открытие и заручиться, как полагается, помощью правительства.

Вот что сообщил Картарет молчаливому арабу, вынырнувшему из глубин ночи со странным предложением и необычайным доказательством: печатью Черного Фараона, Нефрен-Ка.

Капитан закончил рассказ и вопросительно глянул на смуглого незнакомца.

— И что теперь? — спросил он.

— Следуйте за мной, — учтиво ответил тот. — Я проведу вас к месту, которое вы ищете.

— Прямо сейчас? — ахнул Картарет.

Незнакомец кивнул.

— Но... все это слишком внезапно! Я имею в виду, все походит на какой-то сон. Вы являетесь в ночи, непрощенный и неизвестный, показываете мне печать и любезно предлагаете удовлетворить мои пожелания. Почему? В этом нет никакого смысла.

— Смысл есть в этом, — араб торжественно указал на черную печать.

— Верно, — согласился Картарет. — Но могу ли я доверять вам? Почему я должен идти с вами прямо сейчас? Не разумнее ли подождать и обратиться за помощью к властям? Не понадобятся ли раскопки, следует ли захватить необходимое снаряжение?

— Нет, — незнакомец протянул руки ладонями вверх. — Просто следуйте за мной.

— Послушайте-ка, — подозрения Картарета сказались в резких тонах его голоса. — Откуда мне знать, что это не ловушка? Почему вы явились ко мне? Кто вы, черт возьми?

— Терпение, — улыбнулся смуглый человек. — Я все объясню. Я с большим интересом выслушал ваше изложение «легенды». Факты соответствуют действительности, но в оценке их вы ошибаетесь. Легенда, о которой вы узнали, истинна и правдива. Нефрен-Ка действительно отобразил перед смертью будущее на стенах своей гробницы, он и в самом деле обладал пророческим даром, а похоронившие его жрецы и *впрямь* создали культ, сохранившийся до наших дней.

— Неужели? — Картарет был поневоле впечатлен.

— Я — один из этих жрецов.

Слова незнакомца кинжалами вонзились в мозг белого.

— Вы кажетесь потрясенным? Но это полная правда. Я потомок первых жрецов изначального культа Нефрен-Ка, один из посвященных внутреннего круга, хранящих предание. Я поклоняюсь Власти, полученной Черным Фараоном, и богу Ньярлатхотепу, даровавшему ему эту Власть. Мы верим — и считаем иероглифы, что написал перед смертью наделенный божественным даром фараон, священной истиной. На протяжении веков жрецы-хранители следили за ходом истории, и события ее всегда совпадали с идеограммами на стенах подземелья. Да, мы верим.

Наша вера и привела меня к вам. Ибо стены будущего в тайном склепе Черного Фараона гласят, что вы спуститесь в подземелье.

Пораженное молчание.

— Вы хотите сказать, — выдохнул Картарет, — что там изображено, как я обнаруживаю усыпальницу?

— Именно так, — медленно подтвердил смуглый человек. — Поэтому я явился к вам без спроса. Вы должны пойти со мной этой ночью, дабы пророчество исполнилось.

— Допустим, что я откажусь? — внезапно вспыхнул капитан Картарет. — Что тогда станет с вашим пророчеством?

Араб улыбнулся.

— Вы пойдете, — сказал он. — Вы ведь это знаете.

Картарет понял, что незнакомец прав. Ничто не могло встать между ним и этим удивительным открытием. Но неожиданная мысль не давала ему покоя.

— Если на стенах, как вы говорите, отображено будущее, — быть может, вы поведаете, что случится со мной? Сделает ли меня знаменитым эта находка? Вернусь ли я еще раз в усыпальницу? Сказано ли там, что мне суждено открыть миру тайны Нефрен-Ка?

Смуглый человек помрачнел.

— Этого я не знаю, — сказал он. — Я забыл сообщить вам одну подробность о Стенах Истины. Мой предок — тот, кто первым спустился в тайную усыпальницу после того, как

она была запечатана, и первым узрел пророчество — принял должные меры. Он счел, что подобное откровение не предназначалось для ничтожных смертных, и благочестиво сокрыл стены завесами. Таким образом, никто не может слишком далеко заглянуть в будущее. Занавесы отодвигались в согласии с реальными историческими событиями, которые всегда совпадали с изображениями. На протяжении веков в усыпальницу ежедневно спускался один из жрецов и чуть сдвигал занавес, открывая картину следующего дня. Эти обязанности до самой смерти буду исполнять я. Мои собратья, скрываясь от любопытных глаз, посвящают свое время насущным обрядам нашей веры. Лишь я один ежедневно спускаюсь по секретному туннелю и приоткрываю завесу Стен Истины. Когда я умру, кто-то другой займет мое место. Поймите — на стенах нельзя увидеть все мельчайшие подробности будущего, но только события, непосредственно связанные с историей и судьбами Египта. Стены гласят, друг мой, что сегодня вы спуститесь в подземелье, куда так стремитесь попасть. Что ожидает вас завтра, я сказать не могу: прежде должна быть открыта завеса.

Картарет вздохнул.

— Полагаю, в таком случае мне больше ничего не остается, кроме как пойти с вами.

Капитан с трудом скрывал нетерпение. Смуглый человек не преминул это заметить и, поворачиваясь к двери, цинично улыбнулся.

— Следуйте за мной, — приказал он.

Путешествие по залитым лунным светом улицам Каира превратилось для капитана Картарета в хаотический сон. Проводник вел его сквозь лабиринты грозно нависших теней; они блуждали по запутанным туземным кварталам, переплетениям незнакомых улочек и переулков. Картарет механически шел по пятам смуглого человека, а мысли его были полны ожиданием великого триумфа.

Он едва заметил, как они пересекли темный и грязный двор; когда его спутник остановился перед старинным фонтаном и нажал на камень в нише, открыв проход в тун-

нель, капитан последовал за ним без колебаний. Араб достал откуда-то фонарик. Слабый луч еле рассеивал чернильную темноту туннеля.

Вместе они спустились по тысяче ступеней в бездонный и вечный мрак подземелья. Картарет спотыкался, как слепой, спускаясь вниз — нисходя в глубины трех тысяч исчезнувших лет.

4.

Они вошли в храм — в подземную усыпальницу-храм Нефрен-Ка. Священник миновал серебряные врата; изумленный спутник следовал за ним. Картарет обнаружил себя в громадном зале; ниши в стенах были уставлены саркофагами.

— Здесь покоятся мумии сошедших под землю жрецов и слуг, — объяснил проводник.

Странными были саркофаги последователей Нефрен-Ки; египтология не знала ничего подобного. Резные крышки были лишены известных и традиционных, общепринятых украшений; вместо этого они являли взгляду жутких ухмыляющихся демонов и мифических существ. Глаза из драгоценных камней издевательски глядели с черных ликов горгулий, порожденных кошмаром скульптора. Они сияли со всех сторон, пронизывая мрак этого маленького мирка мертвых — немигающие, неизменные, всеведущие.

Картарет тревожно озирался. Изумрудные глаза смерти, рубиновые глаза злобы, желтый зрак глумления: повсюду встречали они его взор. Он обрадовался, когда проводник наконец повел его прочь из зала и неяркие лучи фонаря упали на проем впереди. Минуту спустя облегчение уступило место новому ужасу: Картарет увидел, что ждало его там.

Охраняя проем, по обе стороны его высились две гигантские фигуры — две чудовищные, троглодитские фигуры. То были две гориллы; две громадные обезьяны; два

обезьяноподобных образа, вырезанных из черного камня. Они сидели на корточках мордами к проему, выставив могучие бедра, и угрожающе воздевали огромные волосатые руки. Блестящие морды казались до жестокости живыми; они усмехались в идиотическом ликовании, обнажая клыки. И они были слепы — безглазы и слепы.

Картарету было хорошо известно ужасное аллегорическое значение статуй. Слепые обезьяны воплощали Судьбу: неповоротливую, бездумную Судьбу, в чьей хватке менялись людские жизни и гибли мечты, раздавленные бесцельными взмахами бессмысленных лап. Так обезьяны управляли явью.

То были Слепые Обезьяны Истины, описанные в старинных легендах; символы древних богов, которым поклонялся Нефрен-Ка.

Картарет вновь вспомнил предания и задрожал. Если те истории правдивы, Нефрен-Ка совершил заключительное чудовищное жертвоприношение на непристойных коленах этих зловещих идолов; посвятил мертвых Ньярлатхотепу и похоронил тела в саркофагах, стоящих в нишах. Затем фараон удалился в свой внутренний склеп.

Проводник бесстрастно прошел мимо угрожающих статуй. Картарет, подавляя тревогу, последовал за ним. Был миг, когда его ноги отказались пересекать порог и он застыл рядом с отвратительными стражами. Он глядел вверх, на слепые, зверские морды, ухмылявшиеся с головокружительной высоты, и чувствовал, что оказался в мире абсолютно кошмара. Но огромные руки манили его вперед, слепые личины щерились улыбками насмешливого гостеприимства.

Легенды не обманывали. Усыпальница существовала. Не лучше ли повернуть сейчас назад, обратиться за помощью и только после этого снова возвратиться в гробницу? Кто знает, какие неведомые ужасы таятся впереди, какая жуть прячется в непроглядно-черных тенях внутреннего, тайного склепа Нефрен-Ка? Все доводы разума подсказывали капитану, что нужно окликнуть странного жреца и отступить в безопасное место.

Но здесь, в тягостных подземельях прошлого, глас разума превратился в еле слышный, искаженный страхом шепот. В этом мире векового мрака царило древнее зло. Здесь необычайное оборачивалось явью и в самом страхе жило непреодолимое очарование.

Картарет знал, что должен продолжить путь; любопытство, алчность, жажда скрытой мудрости — все влекло его вперед. Слепые Обезьяны скалились в усмешке — усмешке то ли вызова, то ли приказания.

Жрец вошел в третий зал. Картарет последовал его примеру и пересек порог, за которым лежала пропасть невероятного.

В помещении на тысяче подставок горели факелы; их жаркое свечение окутывало колоссальную пещеру огненным сиянием, позволяя разглядеть всю невообразимую протяженность подземного зала. Голова капитана Картарета закружилась от жара и ядовитых миазмов.

Просторная и казавшаяся бесконечной погребальная камера под уклоном уходила в землю — огромный зал, совершенно голый, не считая мигающих красных светильников вдоль стен. Плающие огни отбрасывали изломанные тени, мерцавшие противоестественной жизнью. Картарету почудилось, будто он стоит у входа в Карнетер — мифический подземный мир египетских преданий.

— Мы пришли, — тихо сказал проводник.

Неожиданный звук человеческого голоса потряс и даже испугал капитана. Его смятенное сознание воспринимало невероятные картины как часть какого-то фантастического сна; но четкие звуки произнесенных слов вернули его в призрачную явь.

Да, они пришли — пришли сюда, в средоточие легенд, в подземелье, известное Альхазреду, Принну и прочим чернокнижникам, изучавшим греховные тайны истории. Явью был миф о Нефрен-Ка; но если так, не означает ли это, что и в остальном жрец не обманывал? Что здесь, на Стенах Истины, Черный Фараон отобразил будущее, предсказал появление самого Картарета в тайной усыпальнице?

Словно в ответ на шепчущий в сознании голос, проводник улыбнулся.

— Пойдемте, капитан Картарет; разве вы не хотите поближе взглянуть на стены?

Капитан не хотел осматривать стены — никак не хотел. Существование изображений подтвердило бы породивший их безбожный ужас. Если роспись существует, истинна и вся зловещая легенда; это будет означать, что Нефрен-Ка, Черный Фараон Египта, действительно принес жестокую жертву ужасающим темным богам и те вняли его молитвам. Капитан Картарет не желал верить в такое богохульство, в такую скверну, как Ньярлатхотеп.

Картарет решил выиграть немного времени.

— Где же могила самого Нефрен-Ка? — спросил он. — Где сокровища, где древние книги?

Проводник вытянул сухощавый указательный палец.

— В конце зала, — воскликнул он.

Взгляд Картарета скользнул по бесконечности освещенных стен, и ему показалось, что там, вдалеке, в самом деле громоздятся темным расплывчатым пятном какие-то предметы.

— Пойдем туда, — предложил он.

Гид пожал плечами. Он повернулся, и его ноги взметнули бархатную пыль.

Картарет следовал за ним, как в наркотическом бреду.

«Стены, — размышлял он. — Я не должен смотреть на стены. Стены Истины. Черный Фараон продал свою душу Ньярлатхотепу и обрел пророческий дар. Прежде чем умереть, он отобразил на стенах историю Египта. Я не должен смотреть, иначе я поверю. Мне не следует знать».

По сторонам мерцал красный свет. Шаг за шагом, светильник за светильником. Вспышка света, мрак, свет, мрак, свет.

Огни манили, влекли, соблазняли. «Погляди на нас, — приказывали они. — Дерзни увидеть все».

Картарет следовал за молчаливым проводником.

«Посмотри!» — вспыхнули огни.

Глаза Картарета остекленели. В голове толчками билась кровь. Месмерический блеск огней источал гипнотическое очарование.

«Посмотри!»

Неужели этот громадный зал никогда не закончится? Нет, впереди еще тысячи шагов.

«Посмотри!» — взывали прыгающие огни.

Красные змеиные глаза во мраке подземелья; глаза искусителей, провозвестников черного знания.

«Гляди же! Познание! Мудрость!» — замигали огни.

Огни пылали в разуме Картарета. Почему бы не глянуть — это ведь так легко? Зачем бояться?

— К чему бояться? — повторил вопрос смятенный разум. С каждой новой вспышкой огней страх отступал.

И наконец Картарет посмотрел на стены.

5.

Текли безумные минуты. Он был не в силах произнести ни слова. Затем забормотал слабым голосом, слышимым лишь ему одному.

— Правда, — прошептал он. — Все это — правда.

Он глядел на высившуюся слева стену, утопавшую в красном сиянии. Бесконечный гобелен Байе*, высеченный в камне. Грубый рисунок был выполнен в черно-белых тонах и тем не менее выглядел *пугающим*. Он не напоминал ни привычные египетские фрески, ни фантастический и символический стиль обычных египетских иероглифов. Это и казалось самым ужасным: Нефрен-Ка был реалистом. Люди на его рисунках были людьми, здания — зданиями. Здесь была изображена неприкрытая явь, и видеть ее было жутко.

* Вышивка XI в. по льняному полотну длиной 68,38 м, изображающая сцены подготовки нормандского завоевания Англии и битвы при Гастингсе; хранится в специальном музее в г. Байе в Нормандии.

Ибо на том отрезке стены, куда Картарет, набравшись мужества, бросил взгляд, красовалось изображение битвы крестоносцев с сарацинами. Никакой ошибки быть не могло.

Крестоносцы тринадцатого века! Почти два тысячелетия миновали с тех пор, как Нефрен-Ка обратился в прах...

Рисунки были небольшими, однако живыми и яркими; они с необычайной легкостью змеились по стене, одна сцена перетекала в другую, словно художник работал непрерывно, не покладая рук. Казалось, он ни на миг не останавливался и в неустанном труде, в едином сверхъестественном порыве покрыл изображениями все стены гигантского зала.

Так оно и было. Единый *сверхъестественный* порыв!

Картарет больше не сомневался. Разум искал рациональное опровержение — но невозможно было поверить, что рисунки выполнили разные художники. То была работа одного человека. И эта неразрывная преемственность, безошибочная и жуткая последовательность, расчетливое отображение ключевых и важнейших этапов египетской истории, аккуратность и упорядоченность! Такое мог изобразить лишь гениальный историк — или пророк. Нефрен-Ка был наделен пророческим даром. А значит...

Ощущая растущий страх, Картарет брел вслед за проводником. Стена приковывала теперь его взгляд, как завораживающие глаза Медузы. Он шел, словно погружаясь в историю — историю и красный кошмар. Повсюду танцевали пылающие фигуры.

Он видел расцвет империи мамелюков, глядел на деспотов и тиранов Востока. Не все из увиденного было знакомо Картарету, ибо история хранила немало забытых страниц. Кроме того, почти на каждом шагу сцены менялись, и это сбивало его с толку. Один из рисунков, с вкраплениями александрийских придворных мотивов, изображал подземелье — очевидно, какие-то катакомбы под городом. Люди в длинных одеждах, странно походивших на одеяние проводника Картарета, беседовали с высоким белобородым че-

ловеком, чью грубо набросанную фигуру, казалось, окружала аура черной и мрачной силы.

— Людвиг Принн, — тихо сказал проводник, проследив за взглядом Картарета. — Он встречался с нашими жрецами, как вы знаете.

По непонятной причине изображение этого почти легендарного провидца взволновало Картарета сильнее, чем все встреченные до сих пор ужасы. Непринужденно включенный в процессию истории портрет печально известного чародея намекал на страшные вещи; Картарет словно прочитал в «Кто есть кто» сухую и прозаическую биографию Сатаны.

И тем не менее, пока они шли вперед, к все еще невидимой могиле Нефрен-Ка, капитан с неким болезненным любопытством не сводил глаз со стен. Проводник — жрец, теперь Картарет в этом не сомневался — молча шел впереди, но украдкой поглядывал на белого.

Капитан Картарет шел, как во сне. Только стены были явью — Стены Истины. Он видел восход и цветение Османской империи, глядел на неведомые сражения и забытых царей. Чердака рисунков часто перемежалась сценами, изображавшими жрецов тайного культа Нефрен-Ка; в тревожном окружении катакомб и гробниц они предавались сомнительным занятиям и омерзительным удовольствиям. Кинолента времени разматывалась; капитан Картарет и его спутник шли вперед.

Стены Истины продолжали свое повествование.

На небольшом участке стены были изображены жрецы, ведущие человека в елизаветинском костюме по коридорам какого-то строения — похоже, пирамиды. Странное зрелище представлял собой этот галантный кавалер в изысканных одеждах среди руин древнего Египта; ужасно было видеть, словно наблюдая из-за угла, как один из жрецов, незаметно подкравшись, всадил в спину англичанина нож, когда тот склонился над саркофагом с мумией.

Детализация рисунков произвела на Картарета большое впечатление. Черты лиц отличались почти фотографической точностью; рисунки, хотя и грубые, были жизненно-

добны и реалистичны. С такой же точностью были изображены предметы обстановки и прорисован фон каждой сцены. В исторической достоверности изображений и, следовательно, их правдивости сомневаться не приходилось. Но самое худшее состояло в том, что обыкновенный, даже самый образованный и знающий художник, никогда не сумел бы изобразить все это, не увидев.

Нефрен-Ка, принеся жертву Ньярлатхотепу, узрел ход истории в пророческих видениях.

Картарет видел истины, открытые демоном...

Они шли все вперед и вперед, к пылающему храму веры и смерти в конце зала. История шла за ними по пятам. Теперь Картарет видел рисунки, относящиеся к новейшей эпохе. Появилось изображение Наполеона.

Сражение при Абукире... резня у пирамид... разгром кавалерии мамелюков... вступление французских войск в Каир...

Снова подземелье и жрецы. Рядом трое белых в французской военной форме тех времен. Жрецы ведут их в красный зал. Французы захвачены врасплох, побеждены, убиты.

Что-то в рисунке показалось Картарету знакомым. Он припомнил страницы книг, рассказывавшие о египетском походе. Наполеон взял с собой ученых и исследователей для изучения пирамид и гробниц страны. Они нашли Розеттский камень и многое другое. Вероятно, эти трое натолкнулись на тайну, которую скрывали жрецы Нефрен-Ка — и потому их, согласно рисункам на стенах, заманили в смертельную западню. Да, знакомая история — но было в этом еще что-то неопределенно *знакомое*.

Они шли, и на стенах мелькала панорама лет и десятилетий. Турки, англичане, Гордон, разграбление пирамид, мировая война. И постоянно встречающиеся изображения жрецов Нефрен-Ка и того или иного белого незнакомца в катакомбах или склепах. Белый неизменно умирал. Все это было до боли *знакомо*.

Картарет отвел глаза от стены и увидел, что они со жрецом приблизились к пятну мрака в конце гигантского пла-

менеющего зала. Оставалось еще шагов сто. Жрец, пряча лицо в складках бурнуса, манил его рукой.

Картарет поглядел на стену. Рисунки обрывались. Но нет — прямо впереди свисал с карниза под потолком величественный занавес из темно-красного бархата; он уходил в темноту и вновь появлялся из мрака, скрывая противоположную стену зала.

— Будущее, — пояснил проводник.

Капитан Картарет вспомнил, как жрец рассказывал ему, что каждый день чуть отодвигает занесу и открывает изображение следующего дня. Он вспомнил и кое-что еще — и поспешно взглянул на последний видимый участок Стены Истины — там, рядом с занавесом.

Капитан ахнул.

Так и есть! Он словно гляделся в миниатюрное зеркало и видел *свое собственное лицо*.

Видел совершенное сходство всех линий, черт и фигур. На рисунке капитан и жрец Нефрен-Ка, совсем как сейчас, стояли в красном зале у Стены Истины.

Красный зал... что-то знакомое... Елизаветинский кавалер был убит в катакомбах жрецами Нефрен-Ка. Французские ученые погибли в красном зале. После и другие египтологи оказывались вместе со жрецами в красном зале, и все они были убиты. Красный зал! Что-то знакомое? Как бы не так — *сходное!* Все они побывали *в этом зале!* А теперь он сам стоял здесь, рядом со жрецом Нефрен-Ка. Другие умерли, потому что слишком много знали. Слишком много знали — о Нефрен-Ка?

Ужасное подозрение становилось отвратительной явью. Жрецы Нефрен-Ка защищали свою веру. Эта гробница мертвых предводителей культа была их святилищем, их храмом. И когда посторонние проникали в их тайну, жрецы заманивали их сюда и убивали, дабы другие не узнали слишком много.

Не случится ли с ним то же самое?

Жрец молчал и пристально глядел на Стену Истины.

— Полночь, — тихо произнес он. — Я должен отодвинуть занавес и открыть изображение грядущего дня... Капитан

Картарет, вы выразили желание увидеть, что уготовило вам будущее. Сейчас ваше желание исполнится.

Плавным движением он чуть отодвинул занавес. И молниеносно отпрянул.

Из складок бурнуса взлетела рука. Сверкающий кинжал прорезал воздух и вонзился в спину Картарета, мерцая красными отблесками огней. Кровь, что потекла из спины капитана, была еще краснее.

Издав короткий стон, белый упал. В его глазах застыло выражение неизбежного ужаса, порожденного не одной только смертью. Ибо, падая, капитан Картарет успел прочитать свое будущее на Стене Истины — доказательство безумия, что не могло существовать.

Умирая, капитан Картарет *увидел, как его зарезал жрец Нефрен-Ка*. Увидел, как истекли часы его бытия.

Жрец исчез из безмолвной усыпальницы в тот миг, когда последний взор умирающих глаз явил Картарету изображение неподвижного белого тела — *его тела* — лежащего в объятиях смерти у подножия Стены Истины.

ЖУКИ

Друзья говорили, что по возвращении из Египта Хартли изменился. О причинах этой перемены можно было только гадать, так как Хартли не встречался ни с кем из знакомых. Однажды вечером он посетил клуб, а затем скрылся от мира, уединившись в своей квартире. Держался он с недвусмысленной враждебностью и вел себя крайне невежливо; лишь немногие из друзей решились на визит, но и этих случайных посетителей он не принял.

Его странности вызвали немало пересудов — откровеннее говоря, сплетен. Многие помнили, каким был Артур Хартли до экспедиции и, естественно, терялись в догадках по поводу столь резкой метаморфозы. В избранной им сфере науки — археологии — Хартли обладал репутацией одаренного ученого и чрезвычайно эрудированного полевого исследователя; в то же время, он был совершенно очаровательным малым. Он был наделен светским шармом, какой обычно приписывается героям сочинений Э. Филлипса Оппенгейма*, и не иначе как дьявольским чувством юмора, причем объектом шуток нередко становился он сам. Хартли был способен отпустить идеально подходящую к случаю ремарку и при этом улыбнуться так, словно сам был поражен этим не меньше собеседника. Большинство друзей находили его утонченность, лишенную малейшего намека на позерство, крайне располагающей. Изысканное чувство смешного он переносил и на свои исследования; будучи известным и увлеченным работой археологом, Хартли неизменно отзывался о ней как о «возне с древними черепками и нашедшими их допотопными окаменелостями». Понятно, что произошедшая с ним перемена стала для всех полной неожиданностью.

Известно было только то, что он провел около восьми месяцев в экспедиции по египетскому Судану. По возвраще-

* Эдвард Филлипс Оппенгейм (1846-1946) — плодовитый английский прозаик, автор более сотни романов, многочисленных сборников рассказов и т.д., в основном известный своими триллерами, романами о международных дипломатических интригах и т.д. Многие его произведения были экранизированы (*Прим. перев.*).

нии он немедленно разорвал все связи с институтом, где работал. Бывшие друзья и знакомые живо обсуждали самые разные предположения о том, что могло случиться в экспедиции. Что-то точно произошло, уж в этом никто не сомневался.

Тот вечер, когда Хартли появился в клубе, стал решающим доказательством. Он вошел незаметно, слишком незаметно. А ведь Хартли был из тех, кто в полном смысле слова возвещает о своем появлении. Высокая и изящная фигура, облаченная в безупречный смокинг, так редко встречающийся вне страниц мелодраматических романов, поистине львиная голова с взъерошенными а-ля Стоковский* седыми волосами — все это приковывало к себе внимание. Его где угодно приняли бы за бонтонного джентльмена или модного фокусника, ожидающего своей очереди выйти на сцену.

Но в тот вечер, как сказано, он вошел тихо и незаметно. Он был одет к обеду, но казался скованным: плечи опущены, исчезла пружинистость походки. Волосы поседели еще больше и свисали на лоб бледными вихрами. Его черты покрывала бронза египетского солнца, но лицо выглядело болезненным. Помутневшие глаза тонули в неприглядных складках кожи. Лицо словно утратило свою лепку, губы безвольно расслабились.

Он ни с кем не поздоровался и в одиночестве уселся за столик. Конечно, друзья подходили к нему поболтать, но он никого не пригласил присоединиться. Как ни странно, никто из них не настаивал, хотя в обычное время они с радостью навязали бы ему свое общество и рассеяли бы дурное настроение ученого — что, как они знали, в его случае сделать было нетрудно. Но в тот вечер, обменявшись с Хартли несколькими словами, все спешили отойти.

Как видно, уже тогда они что-то почувствовали. Некоторые высказались в том смысле, что Хартли, должно быть, все еще страдал от какой-то подхваченной в Египте лихо-

* Имеется в виду знаменитый британско-американский дирижер Л. Стоковский (1882-1977).

радки; но мне не думается, что сами они этому верили. Потрясенные видом Хартли, все в один голос твердили, что будто ощутили в нем некую *чужеродность*. Да, таким они никогда Артура Хартли не видели: перед ними сидел пожилой незнакомец, настороженно повышавший ворчливый голос, когда его спрашивали, как прошло путешествие. Он и впрямь казался незнакомцем, так как, судя по всему, даже не узнавал некоторых из тех, кто его тепло приветствовал, другим же отчужденно кивал; не самая лучшая формулировка, но что можно сказать, когда старый друг после долгой разлуки молча глядит в пространство, а в его глазах отражаются какие-то злоеющие, далекие ужасы?

В этом-то и заключалась странность, которую все подметили в Хартли. Он боялся. Страх оседлал его сутулые плечи. Страх окрасил бледностью его мертвенное лицо. Страх светился в его пустых, устремленных вдаль глазах. Страх заставлял его голос дрожать от подозрительности.

Мне обо всем рассказали, и я решил навестить Артура Хартли. Другие говорили, что предприняли к этому немало усилий и целую неделю после вечера в клубе пытались прорваться в квартиру Хартли. На звонки в дверь, жаловались они, Хартли не отзывался, телефон был отключен. Но виной тому, рассудил я, был страх.

Я не готов был бросить Хартли на произвол судьбы. Мы были довольно хорошими друзьями; должен также признаться, что я чувствовал в этой истории привкус тайны. Сочетание оказалось неотразимым, и как-то в послеполуденный час я отправился к Хартли и позвонил в дверь.

Никакого ответа. Я стоял в полутемном холле и прислушивался, надеясь услышать звук шагов, уловить какие-то признаки жизни в квартире. Ничего. Полное, глухое молчание. На миг у меня мелькнула дикая мысль о самоубийстве, но я тут же со смехом ее отбросил. Нелепо и думать о таком — и однако, во всех рассказах о душевном состоянии Хартли отмечалось тревожное одинодушие. А когда самые флегматичные и недалекие из скучных завсегдатаев клуба

сходятся в оценке чьего-либо состояния, возникают причины для беспокойства. Но самоубийство...

Я снова позвонил, больше для проформы, чем в ожидании ощутимых результатов, затем повернулся и стал спускаться по лестнице. Помню, перед уходом я даже почувствовал мимолетное и необъяснимое облегчение. Размышления о самоубийстве в этом полутемном холле я не назвал бы приятным времяпрепровождением.

Я дошел до двери внизу, открыл ее — и знакомая фигура быстро проскользнула мимо меня на площадку. Я обернулся. Это был Хартли.

С тех пор, как Хартли вернулся из Египта, я впервые увидел его — и вид археолога меня ужаснул. Каким бы ни было его состояние в клубе, за минувшую неделю оно лишь невероятно ухудшилось. Его голова была опущена; когда я поздоровался с ним, он поднял взгляд, и я испытал страшное потрясение. В глубине его глаз скрывался кто-то незнакомый, запуганный и преследуемый. Могу поклясться, что он задрожал, когда я к нему обратился.

На нем было потрепанное пальто, висевшее на исхудалом теле, как на вешалке. Я заметил, что он держал в руке большой пакет, завернутый в коричневую бумагу.

Я что-то произнес. Не помню, что именно; в любом случае, мне было нелегко скрыть свое замешательство. Думаю, я был до назойливости сердечен — ведь было заметно, что он с удовольствием взбежал бы по лестнице, не заговорив со мной. Мое удивление вылилось в задушевные слова. Довольно-таки неохотно он предложил мне подняться.

Мы вошли в квартиру, и я заметил, что Хартли запер дверь на два оборота ключа. Для меня это стало явным доказательством происшедшей с ним метаморфозы. В былые времена Хартли всегда в буквальном смысле слова держал открытый дом. Его могла задержать работа в институте, но случайный гость всегда находил его дверь открытой. А теперь Хартли запер ее на два оборота ключа...

Я обернулся и оглядел квартиру. Не могу сказать, что я ожидал увидеть, но взглядом искал, безусловно, признаки каких-то радикальных перемен. Ничего подобного. Мебель

не передвигали, картины висели на своих местах, темными громадами высились книжные шкафы.

Хартли извинился, удалился в спальню и вскоре вернулся, избавившись от пальто. Прежде чем сесть, он подошел к каминной полке и чиркнул спичкой перед маленькой бронзовой фигуркой Гора. Миг спустя в воздух, в лучших традициях экзотической романистики, поднялись густые серые кольца дыма, и я ощутил пикантный и жгучий аромат крепких благовоний.

Вот и первая загадка. Подсознательно я вел себя как детектив в поисках улики — или, возможно, психиатр, выискивающий психоневротические отклонения. Тот Артур Хартли, которого я знал, терпеть не мог благовония.

— Отгоняет запах, — объяснил он.

Я не спросил, какой запах. Не стал я и расспрашивать Хартли о путешествии, о его необъяснимом поведении после отъезда из Хартума, когда он перестал отвечать на мои письма, или о том, почему он по возвращении целую неделю избегал моего общества. Вместо этого я позволил говорить ему.

Сперва он ничего особенного не сказал. Говорил он бесвязно и перескакивал с предмета на предмет, и за всем этим я чувствовал отчужденность, о которой меня предупреждали. Он сказал, что забросил работу, и намекнул, что собирается уехать из города и поселиться в семейном имении. Он долго болел. Он разочаровался в египтологии и ее ограниченности. Он ненавидит темноту. В Канзасе все чаще случаются нашествия саранчи.

Это был бред сумасшедшего.

Я все понял — и с извращенной радостью, рожденной ужасом, вцепился в эту мысль. Хартли сошел с ума. «Ограниченность» египтологии. «Я ненавижу темноту». «Саранча в Канзасе».

Но я продолжал молча сидеть, а он тем временем принялся зажигать в комнате большие свечи; я молчал и смотрел сквозь облака дыма на его подергивающееся лицо, освещенное пламенем свечей. И тогда он не выдержал.

— Ты друг мне? — выпалил он. В его голосе звучал вопрос и недоуменное подозрение; внезапно мне стало жаль его. Ужасно было видеть его помешательство. И все же я с самым серьезным видом кивнул.

— Ты мой друг, — продолжал он. На сей раз его слова прозвучали утвердительно. Последовавший за ними глубокий вздох подсказал мне, что Хартли на что-то решился.

— Знаешь, что было в том пакете? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— Так я тебе скажу. Средство от насекомых. Вот что там было. Инсектицид!

Его глаза загорелись поразившим меня торжеством.

— Я неделю просидел дома. Боялся распространить заразу. Они, понимаешь ли, повсюду следуют за мной. Но сегодня я придумал способ — и до абсурда простой. Я вышел и купил средство от насекомых. Много фунтов порошка. И жидкость для опрыскивания. Особая формула, смертельней мышьяка. Самое элементарное изобретение, если вдуматься — но именно его прозаичность может одолеть Силы Зла.

Я глупо закивал. Можно ли устроить так, что его заберут этим же вечером? Если мой приятель, доктор Шерман, диагностирует...

— Теперь пусть приходят! Это мой последний шанс — благоволия не работают, и даже при свете они ползают по углам. Странно, что панели еще держатся; они наверняка источены.

О чем это он?

— Прости, я забыл, — сказал Хартли. — Ты ведь ничего не знаешь о них. Я хотел сказать, о заразе.

Он наклонился вперед; тени его белых рук извивались на стене, как щупальца осьминога.

— Поверь, я сам над всем этим смеялся, — произнес он. — Археология — занятие не для суеверных. Мы постоянно копаемся в развалинах. Заклятия, наложенные на старые вазы и разбитые статуи, никогда не казались мне чем-то важным. Но египтология — нечто совсем иное. Там мы имеем дело с человеческими телами. Мумифицированными, но

все же человеческими. К тому же египтяне были великим народом — мы даже не подозреваем, какими научными секретами они владели, и даже не начали приближаться к их мистическим концепциям.

Ага! Так вот он, ключ! Я внимательно слушал.

— Я многое узнал во время последнего путешествия. Мы вели раскопки новых гробниц в верховьях реки. Мне довелось освежить в памяти династические эпохи; разумеется, всплыла и религиозная составляющая. О, мне известны все мифы — легенда о Бубастис, история воскрешения Изиды, истинные имена Ра, аллегория Сета...

Мы нашли там, в гробницах, разные вещи — чудесные вещи. Мы увезли с собой керамику, предметы мебели, барельефы. Но экспедиционные отчеты скоро будут опубликованы; там ты все прочитаешь. Мы нашли и мумии. Проклятые мумии.

Теперь я, кажется, начал понимать.

— Я повел себя как последний глупец. Я кое-что совершил, на что никогда не должен был пойти — как по этическим, так и по более важным причинам. Причинам, которые могут стоять мне жизни.

Я с трудом держался, твердя себе, что он безумен, что его убедительный тон основывается на бредовых представлениях душевнобольного. Иначе — там, в этой темной комнате — я поверил бы, что некая потусторонняя сила довела моего друга до крайности.

— Да, я совершил это, говорю тебе! Я читал о Проклятии Скарабея, священного жука, как ты помнишь. И все же я это сделал! Не мог же я знать, что все это правда. Я был скептиком; все мы достаточно скептичны, пока с нами что-то не происходит. Это похоже на феномен смерти: ты читаешь о нем, ты знаешь, что смерть случается с другими, но не способен представить, что она случится с тобой. Однако рано или поздно ты умираешь. Таково и Проклятие Скарабея.

Я подумал о египетском Священном Жуке, вспомнил семь казней... Я уже знал, что он мне сейчас расскажет...

— Мы отплыли домой. На корабле я впервые их заметил. Каждую ночь они выползали из углов. Когда я зажигал свет, они исчезали, но всегда возвращались, как только я пытался заснуть. Я жег благовония, чтобы их отогнать, после перебрался в другую каюту. Но и там они продолжали преследовать меня.

Я не осмеливался кому-либо рассказать. Практиканты подняли бы меня на смех, да и египтологи из нашей экспедиции не смогли бы помочь. Кроме того, я не мог признаться в своем преступлении. Пришлось полагаться на собственные силы.

Его голос перешел в хриплый шепот.

— Это был суций ад. Как-то ночью на пароходе я увидел черных тварей в своей тарелке. После этого я ел в своей каюте, в полном одиночестве. Я начал всех сторониться, боясь, как бы они не заметили преследующих меня тварей. А те от меня не отставали: если я оказывался на палубе в тени, они ползли за мной. Только солнце или пламя отгоняли их. Я едва не сошел с ума, пытаясь найти логическое объяснение; я не понимал, как могли они пробраться на корабль. Но все это время в глубине души я знал правду. Их послали за мной — то было Проклятие!

Мы прибыли в порт, и я сейчас же уволился из института. Мне в любом случае грозил скандал, поскольку мой проступок открылся; я предпочел уволиться. Продолжать работу я не мог — везде, где бы я ни оказался, ползали эти твари. Я боялся встречаться с людьми. Естественно, я пробоовал. Тот единственный вечер в клубе был ужасен — я видел, как они ползли по ковру и карабкались по ножкам кресла, и только страшным усилием воли удержался от крика и поспешного бегства.

Теперь я провожу свои дни здесь, взаперти. Мне нужно решить, как быть дальше, но прежде я должен сразиться с Проклятием и победить. Больше ничто не поможет.

Я хотел было что-то вставить, но он отмахнулся и с отчаянием в голосе продолжал:

— Нет, бежать бессмысленно. Они последовали за мной через океан; они преследуют меня на улицах. Я могу за-

колотить все двери и окна и они все равно появятся. Они приходят каждую ночь и ползают по кровати, и стараются заползти мне на лицо, а мне нужно хоть немного поспать, иначе я сойду с ума, они ползают ночью по моему лицу, ползают...

Ужасно было видеть, как он цедил слова сквозь стиснутые зубы; он яростно боролся, пытаясь удержать себя в руках.

— Может, их убьет инсектицид. Нужно было сразу об этом подумать, но в панике я, конечно, обо всем позабыл. Да, я верю в средство от насекомых. Изумительно, правда? Сражаться с древним проклятием с помощью средства от насекомых, надо же...

Я наконец заговорил.

— Это жуки, не так ли?

— Да. Жуки-скараabei. Ты ведь знаешь, что это за проклятие. Нельзя безнаказанно осквернить мумию, находящуюся под защитой Скарабея.

Я знал. Одно из древнейших проклятий, известных истории. Как и все легенды, эта возвращалась снова и снова. Быть может, мне удастся переубедить Хартли.

— Но почему ты навлек на себя проклятие? — спросил я.

Да, пожалуй, я попробую переубедить Хартли. Египетская лихорадка повредила его рассудок, которым овладела живописная легенда о проклятии. Если я буду рассуждать логически, то сумею, быть может, доказать ему, что все это — только галлюцинации.

— Почему ты навлек на себя проклятие? — повторил я.

Он немного помолчал и с трудом заговорил, точно слова тянули из него клещами.

— Я украл мумию. Я похитил мумию храмовой девственницы. Думаю, я просто обезумел — под этим солнцем с человеком что-то происходит. В саркофаге было золото, драгоценности и украшения. И надпись с Проклятием. Я заполучил и то, и другое.

Я глянул на него и понял, что он говорит правду.

— Потому-то я и не могу продолжать работу. Я похитил мумию, и я проклят. Я не верил, но появились эти ползу-

чие твари, как и предупреждала надпись.

Вначале мне думалось, что в этом и состоит Проклятие, что жуки будут всюду следовать за мной, и там, где окажусь я, окажутся и они — что они будут вечно преследовать меня и обрекут меня на вечное одиночество. Но в последнее время я изменил свое мнение. Мне кажется, жуки станут орудием мести. Думаю, они собираются меня убить.

Откровенный бред.

— С тех пор я не открывал саркофаг. Боялся снова прочитать надпись. Футляр здесь, в доме — я запер его на замок и тебе не покажу. Я хочу его сжечь, но пока он мне еще нужен. Это ведь, в своем роде, единственное доказательство того, что я в своем уме. И если твари меня прикончат...

— Ну хватит! — твердо произнес я и начал свою речь. Не помню в точности, что я говорил, но из меня так и лились утешающие, сердечные, трезвые слова. Выслушав, он улыбнулся измученной улыбкой одержимого.

— Галлюцинации? Жуки настоящие, не сомневайся. Но откуда они появляются? В панелях нет никаких трещин. Стены прочны. И все же каждую ночь приходят жуки, карабкаются на кровать и стараются добраться до моего лица. Они не кусаются, только ползают. Их тысячи — черные легионы безмолвно ползущих тварей. Ползучие существа длиной в несколько дюймов. Я смахиваю их на пол, но стоит мне заснуть, и они появляются снова; они умны, а я не умею притворяться. Мне ни одного не удалось поймать — они очень быстро двигаются. Кажется, они читают мои мысли; они или Сила, которая их послала.

Ночь за ночью они выползают из Преисподней. Долго я не выдержу. Однажды я беспробудно засну, они заползут мне на лицо и тогда...

Он вскочил на ноги и закричал.

— В углу — там, в углу — из стен...

Темные тени двигались, приближались.

Я увидел что-то размытое, и мне показалось, что я разглядел шелестящие формы, наступающие, ползущие, огибающие пятна света.

Хартли зарыдал.

Я включил электрическую лампу. Конечно же, там ничего не было. Хартли съежился в кресле, закрывая лицо руками. Я ничего не сказал и поспешил уйти.

Я отправился прямо к своему приятелю, доктору Шерману.

Шерман поставил диагноз, какого я и ожидал: фобия, осложненная галлюцинациями. Хартли преследовало чувство вины, связанное с похищением мумии. Результатом стали видения жуков.

Шерман изложил это в сопровождении технической тарбарщины профессионального психиатра, но понять его оказалось несложно. Мы позвонили в институт, где работал Хартли. Там частично подтвердили рассказ археолога. Да, все верно, Хартли украл мумию.

Вечером Шерман был занят, но пообещал встретиться со мной в десять: мы договорились вместе посетить Хартли. Я решительно на этом настаивал, так как считал, что время терять нельзя. Видимо, я воспринял все слишком болезненно, но этот странный разговор с Хартли глубоко меня встревожил.

Я провел остаток дня в нервных размышлениях. Надо полагать, думал я, что таким образом действуют все так называемые «египетские проклятия». Нечистая совесть заставляет грабителя могил проецировать на себя тень воображаемого наказания. В своих галлюцинациях он видит сцены возмездия. Это может объяснить таинственные смерти, вызванные «проклятием Тут-Анхх-Амена»; бесспорно, таково же объяснение самоубийств.

Именно поэтому я настоял на визите Шермана к Хартли. Я обоснованно опасался самоубийства — Артур Хартли находился на грани полной психической катастрофы.

Мы добрались к нему, однако, только около одиннадцати. На звонок никто не ответил. Мы стояли в темном холле; я постучал, затем забарабанил в дверь, но все было

напрасно. Молчание за дверью лишь усиливало мою тревогу. Я и вправду боялся за Хартли, иначе не осмелился бы воспользоваться отмычкой.

Но цель, подумал я, оправдывает средства. Мы вошли.

В гостиной никого не было. Со времени моего посещения ничего не изменилось — я это ясно видел; горели все лампы, еще дымились оплывшие свечные огарки.

Мы с Шерманом одновременно почувствовали сильный запах инсектицида; пол был почти равномерно покрыт толстым белым слоем средства от насекомых.

Мы позвали Хартли, конечно, прежде чем я решился войти в спальню. Было темно, и комната показалась мне пустой. Я зажег свет и увидел на кровати скорчившуюся под одеялом фигуру. Это был Артур Хартли, и с первого же взгляда я понял, что его побелевшее лицо искажено смертью.

В спальне стояло густое зловоние инсектицида, горела курильница, но ко всему примешивался еще один, едкий и кислый запах, напоминавший запах дикого зверя.

Шерман подошел и встал рядом.

— Что будем делать? — спросил я.

— Я спущусь вниз и позвоню в полицию, — сказал он.
— Ни к чему не прикасайтесь.

Он выбежал из комнаты. Я последовал за ним, чувствуя тошноту. Я не мог заставить себя приблизиться к телу друга — так испугало меня ужасное выражение его мертвого лица. Самоубийство, убийство, сердечный приступ — мне не хотелось гадать, как именно он умер. Довольно и горьких мыслей о том, что мы пришли слишком поздно.

У двери спальни меня с новой силой настиг отвратительный запах, и я все понял.

— Жуки!

Но откуда было взяться жукам? Жуки являлись иллюзией и жили лишь в сознании бедного Хартли. Даже его искаженный разум осознавал, что в стенах не было никаких отверстий и что другие жуков не видели.

И все же в воздухе по-прежнему стоял запах — запах смерти, разложения, древней порчи, царившей в Египте. Я проследовал за запахом во вторую спальню, выбил дверь.

На кровати лежал саркофаг. Все правильно, Хартли говорил, что запер его здесь. Крышка была опущена, но приоткрыта.

Я поднял крышку. На боковых стенках были надписи, и одна из них, вероятно, имела касательство к Проклятию Скарабея. Не знаю — я смотрел только на отталкивающее, лишенное покровов тело, лежащее внутри. Это была мумия, и она была высосана насухо. От нее осталась только оболочка. В животе зиял громадный провал и, заглянув туда, я увидел несколько существ, медленно переползавших с места на место — черные пятна длиной около дюйма с длинными шевелящимися ножками. Они забегали быстрее, прячась от света, но я успел разглядеть на твердых внешних панцирях хитиновые узоры скарабеев.

Так вот в чем заключалась тайна Проклятия — жуки обитали в теле мумии! Жуки питались ее тканями и гнездились внутри, а по ночам выползали. Все это было правдой!

Мысли кружились в голове. Я вскрикнул и бросился в спальню Хартли. Снаружи, на лестнице, слышались шаги; полицейские уже прибыли, но ждать я не мог. Я вбежал в спальню, чувствуя, как сердце замирает от ужаса.

Соответствовал ли истине рассказ Хартли? Являлись ли жуки орудием божественного мщения?

В спальне я склонился над скорчившимся на кровати телом и стал осматривать и ощупывать труп в поисках раны. Мне нужно было знать, как умер Артур Хартли.

Не было ни крови, ни ран или царапин, рядом с телом я не нашел никакого оружия. Значит, все-таки шок или сердечный приступ. Я подумал об этом со странным облегчением.

Я выпрямился и вновь опустил тело на подушки. Да, я был почти счастлив — ведь во время осмотра, пока я ощупывал тело Хартли, мои глаза бегали по комнате. Взглядом я искал жуков.

Хартли страшился жуков, выползавших из мумии. Если верить его рассказу, они выползали каждую ночь, осаждали спальню, карабкались по ножкам кровати, по подушкам.

Но куда же они подевались? В теле мумии их нет, из саркофага они скрылись, Хартли мертв. Где же они?

Внезапно я снова пристально поглядел на Хартли. С лежащим на кровати телом определенно было что-то не так. Когда я приподнимал труп, он показался мне необычно легким для человека с телосложением Хартли. И сейчас его тело выглядело опустошенным, словно из него исчезла не только жизнь. Я вновь заглянул в измученное лицо и содрогнулся. Жилы на шее Хартли конвульсивно дергались, грудь вздымалась и опадала, голова на подушке склонилась набок. Он жил — или нечто внутри него жило!

И когда ожили его искаженные черты, я громко вскрикнул. Я понял, как умер Хартли — понял, что убило его. Я проник в тайну Проклятия Скарабея. Я понял, почему жуки выползали из мумии и карабкались на кровать. Я осознал, что они намеревались сделать — и что сотворили этим вечером. Когда лицо Хартли зашевелилось, я закричал еще громче, надеясь, что мой вопль заглушит чудовищный шелест, заполнявший комнату и доносившийся *из тела Хартли*.

Теперь я знал, что его убило Проклятие Скарабея — и испустил безумный крик, когда его рот медленно открылся. Падая в обморок, я увидел, как мертвые губы Артура Хартли раздвинулись и шелестящий рой *черных скарабеев* выплеснулся на подушку.

ЕГИПЕТСКИЕ РАССКАЗЫ РОБЕРТА БЛОХА*

Древний Египет, его культура и мифология давно завораживают людей современного Запада. Можно даже сказать, что Египет, окутанный легендами современности и древности, представляет собой квинтэссенцию экзотического ориентализма. Неудивительно, что египетские мотивы так часто встречаются в фантастике странного.

Спичкой, что подожгла фитиль современной литературы ужасов, посвященной древним тайнам Египта, стали раскопки гробницы Тутанхамона, проводившиеся Говардом Картером в 1922 году. В течение краткого периода времени умерли несколько участников экспедиции (правда, всего восемь из более чем пятидесяти). Самого Картера среди них не было — он дожил до старости и скончался в возрасте 64 лет. Однако популярное воображение вскоре приписало эти смерти проклятию, которое якобы было написано над дверью усыпальницы и грозило гибелью неразумным святошам. Археологи действительно обнаружили некоторое количество подобных надписей с проклятиями, однако в гробнице Тутанхамона их не было. Тем не менее, эта городская легенда воспламенила воображение литераторов, включая Джона Л. Балдерсона, написавшего сценарий великолепного кинофильма «Мумия» (1932), главную роль в котором сыграл Борис Карлофф. Изначально фильм должен был стать экранизацией рассказа Ричарда Шейера и Нины Уилкокс Путнэм о нестареющем Калиостро (запланированная роль Карлоффа), но под пером Балдерсона превратился в историю о воскресающей мумии. По сути, фильм был иероглифическим парафразом «Дракулы», предыдущей киноленты «Universal Pictures» — двое из актеров даже высту-

* Впервые в сетевом журн. *The Lovecraft E-Zine*, окт. 2014.

пили с повторением своих прежних ролей, хотя имена героев были иными.

Мне кажется, что именно кинофильм «Мумия» вдохновил замечательный канон египетских рассказов Роберта Блоха, опубликованных в журнале «Weird Tales» в 1936-38 годах. Конечно, для доказательства недостаточно одного использования египетских преданий, но мне хотелось бы обратить внимание на «Тайну Себека», где Блох бегло упоминает «любимую мелодию» рассказчика — «превосходную, звучно-похоронную первую сцену из “Лебединого озера” Чайковского». «Мумия» открывается музыкой из «Лебединого озера», и это куда менее случайное совпадение, чем смерти, последовавшие за открытием гробницы Тутанхамона.

Прототипом рассказчика «Тайны Себека» явно послужил сам Блох. Повествователь сочиняет рассказы ужасов и мистическую фантастику и даже упоминает о своем новом проекте — серии рассказов на египетские темы. В некоторых рассказах появляются мумии, что кажется и неизбежным, и подобающим; но нельзя сказать, что Блох просто использует сюжет кинофильма. Устойчивое влияние темы мумификации проявляется у Блоха и гораздо позднее: Норман Бейтс из «Психоза» сохраняет мертвое тело своей матери с помощью таксидермических ухищрений (не подразумевалась ли здесь игра слов *tut tu* и *tot tu*)?

Насколько точно отражают египетские рассказы Блоха те мифы, что легли в их основу? Он создает зловещую триаду богов — Себека, Анубиса и Бубастис («Храм Черного Фараона»). Кем были они? В версии Блоха эти боги наслаждаются многочисленными человеческими жертвами; история, похоже, ничего подобного не знала. Нелепо было бы считать такую свободу обращения с материалом авторской «ошибкой». Читатели «Weird Tales» вовсе не приравнивали журнал к исторической монографии (пусть самые легковверные из них и были убеждены, что «Некрономикон» являлся реально существующей книгой).

Блох изображает Себека, божество в образе крокодила или с крокодилейей головой, как бога жизни и возрожде-

ния. Эта ассоциативная связь вполне правдоподобна: Себек, нильский крокодил, мог естественным образом восприниматься как символ ежегодного разлива Нила и обновления растительного мира Египта. В принципе эта задача больше относилась к сфере компетенции воскресшего Осириса; но по прошествии времени Себек стал связываться и с этим мифом — именно Себек нашел тело Осириса, позднее воскрешенного Исидой. На самом деле, Себек был божеством-покровителем не воскрешения, а похорон; однако Блох был недалек от истины, указывая, что Себек гарантировал сохранность мумий жрецов вплоть до дня Воскресения (надо заметить, что Блох трактует эту тему скорее в понятиях еврейской и христианской эсхатологии, нежели египетской религии: у египтян мумии и пожитки умерших служили земными залогами продолжения жизни в загробном мире).

Блох выставляет Себека любителем девственниц, которых раздирали на части или раздавливали ужасные челюсти металлических статуй крокодилов. Подобные кровавые жертвоприношения нам неизвестны. С другой стороны, Себек, как считалось, обладал невероятной сексуальной потенцией. В истоке этих представлений, очевидно — пропаганда мужественности и жизненной силы фараона в духе Владимира Путина, ибо фараон воспринимался как земное воплощение Себека. Блох упоминает эти земные воплощения: божество могло принять облик одного из жрецов, что и происходит в финале «Тайны Себека». Сперва рассказчик думает, что загадочный незнакомец пришел на бал-маскарад в маске крокодила, но после нащупывает живую плоть (неизбежно вспоминается еще один, более поздний фильм о монстрах — «Люди-крокодилы», 1959). У Блоха крокодилы аватары появляются время от времени в храме Себека; как мы знаем, в египетских храмах держали живых крокодилов, которые и в самом деле считались воплощениями Себека.

Бубастис — эту версию имени приводит Геродот, в целом так именовали только посвященный богине город — также называли Баст (позднее Бастет) и Убастис, как в «Детях

Убастис» (1929), одном из рассказов Сибири Квинна о Жюле де Грандене. Вначале она была богиней-воительницей с головой разъяренной львицы. Но в параллельном пантеоне существовала аналогичная богиня — Сехмет. При слиянии пантеонов столь похожие божества, как правило, сливались воедино, но в данном случае они по какой-то причине продолжали существовать раздельно. В конце концов Бубастис стала богиней с кошачьей головой, покровительницей земных домашних кошек, весьма почитавшихся в Египте — наподобие коров в Индии. Бубастис, как и Себеку, не приносились человеческие жертвы.

Блох мало что говорит об Анубисе, и сказанное им не выходит за рамки древнеегипетской теологии. Бог с головой шакала являлся «Открывающим Пути» в Карнелер, мир мертвых. Он был также привратником и охранником этого мира и напоминал собакоголового Цербера греческой мифологии.

Блох не объясняет, почему в общепризнанных исторических источниках нет никаких намеков на кровожадность этих богов. Однако он дает читателю две существенные подсказки. Во-первых, Блох связывает большую часть своих откровений с такими неизвестными или несуществующими источниками, как «Книга Эйбона», «Некрономикон» и особенно глава под названием «Сарацинские ритуалы» из сочинения Людвиг Принна «*De Vermis Mysteriis*». Напрашивается вывод, что классические описания древнеегипетских мифов и обрядов, встречающиеся уже у Плутарха, Геродота и т. д., основывались на цензурированных версиях, распространявшихся жрецами указанных богов.

Во-вторых, согласно Блоху, жрецы Себека, Бубастис и Ньярлатхотепа обладали большой оккультной и политической силой и правили, скрываясь в тени трона. Их жестокое обращение с населением (жрецы требовали слишком много жертв) в конечном итоге вызвало народное недовольство и революцию. Выжившие жрецы укрылись в далеких землях, где тайно возродили свои культы смерти; их дело вплоть до наших времен — или, по крайней мере, до времен Блоха — продолжали потомки. Блох использует идею Лавкрафта

та из «Haunter of the Dark»: противники не только свергли Черного Фараона, Нефрен-Ка, но также полностью уничтожили любые упоминания его имени, деяний и злодеяний. (Описание этой попытки стереть все следы побежденной ереси несомненно основано на реакции, последовавшей за правлением отца Тутанхамона, Эхнатона, который запретил поклонение всем египетским богам, за исключением собственного божественного покровителя — солнечного диска Атона.) Альхазреду и Принну поведали правду не люди, а хохочущие демоны пустыни.

В случае Бубастис и Себека культы и мифы хотя бы сохранились, пусть в очищенном и выхолощенном виде. Культ Ньярлатхотепа, Черного Посланца Карнетера, Безликого Бога, был полностью стерт с лица земли. Почему это не произошло с культами Себека и Бубастис? В «Храме Черного Фараона» сказано, что извращенные элементы не были изначально свойственны культам известных нам египетских божеств — виноваты нечестивые жрецы, которые на какое-то время превратили господствующую религию в нечто темное и ужасающее... кровавое месиво». В «Открывающем пути» сэр Рональд Бартон (чье имя напоминает о путешественнике и искателе приключений сэре Ричарде Бартоне) говорит о богах «много древнее» тех, каким поклонялись жрецы, и особенно одним из них, «Посланце Демонов». В «Безликом боге» он назван Ньярлатхотепом, «древнейшим богом Египта». В «Открывающем пути» этот бог изображен в виде аморфного сгустка с ветвящимися отростками и головами Осириса, Исиды, Ра, Баст, Тота, Сета и Анубиса. Изображение его символизирует «тайный ужас, что правит миром за спинами человеческих богов». Это центральное божество «тайных мифов и циклов легенд доадамовых дней». Здесь мы видим явную параллель с Лавкрафтом, у которого хорошо знакомые нам мифы и легенды хранят обрывочную память о зловещих первобытных сущностях — Древних, а также Робертом Говардом, противопоставляющим таинственную Стигию (гиборейский Египет) еще более древнему и зловещему Ахерону («Час дракона», 1935). Во всех случаях наличествуют безумные культы искателей

темных знаний, которые пытаются возродить в современности ужасы далекого прошлого и вызвать «новый расцвет первичных богов» («Открывающий пути»).

В нескольких рассказах Блох использует общую структуру. В «Открывающем пути» («Weird Tales», октябрь 1936), «Выводке Бубастис» (WT, март 1937), «Тайне Себека» (WT, ноябрь 1937), «Храме Черного Фараона» (WT, декабрь 1937) и «Глазах мумии» (WT, апрель 1938), прямом продолжении «Тайны Себека», у протагониста — иногда самого рассказчика — имеется проводник, некая таинственная фигура, которая заманивает героя обещанием эзотерических знаний. В первом из этих рассказов, сэр Рональд Бартон ведет своего сына Питера в новооткрытый склеп Анубиса, где их ждут откровения бога. Во втором, старый университетский приятель, Малькольм Кент, приглашает рассказчика исследовать шахту, ведущую в тайный храм Бубастис — где обитает сама богиня в облике гигантской кошки (похожей на кошачье воплощение инопланетной колдуньи из блоховского эпизода «Star Trek» — «Кошачья лапа», 27 октября 1967). «Открывающий пути» заставляет читателя подозревать, что сэр Рональд решил принести своего сына в жертву, как библейский Авраам хотел поступить с Исааком, но этого не случается. В «Выводке Бубастис» Малькольм все же собирается скормить героя Бубастис, которой давно поклоняется. Конечно же, герой, будучи одновременно рассказчиком, выходит из переделки невредимым, а кошачьим кормом становится сам Малькольм. В «Тайне Себека» повествователь бродит в дни Марди Гра по улицам Нового Орлеана и встречает своего поклонника, богатого оккультиста-дилетанта по имени Хенрикус Ваннинг. Тот приглашает повествователя на вечеринку в своем особняке, затем на встречу внутреннего круга посвященных, которые просят у рассказчика помощи в ритуале, связанном с мумией жреца Себека. Похоронное божество жестоко мстит, но рассказчик спасается от его гнева. В рассказе-продолжении другой выживший участник событий подбивает рассказчика на осквернение новой гробницы — с катастрофическими последствиями. В «Храме Черного Фараона» современный приверженец

Нефрен-Ка предлагает провести некоего капитана Картера (напоминающего археолога Говарда Картера, известного открытием гробницы Тутанхамона) в усыпальницу Черного Фараона с иероглифическими изображениями на стенах, которые излагают всю будущую историю Египта. Чудовищная ошибка — капитан видит на стене изображение собственной смерти и немедленно погибает. Арчи Гудвин воспользовался этой идеей в своем рассказе «Коллекционное издание» («Срееру» № 10, с илл. Стива Дитко).

Чем объяснить эти повторы? Отсутствием у Блоха воображения? Едва ли. Нет, повторение нарративной структуры символизирует центральную тему *мистагогии*, процесса посвящения новообращенного в тайны древних мистических культов Митры, Исида и Осириса, Элевсиса. Подобно тому, как искатель истины проходил последовательные этапы ритуального катехизиса и откровения, герои Блоха играют роли посвящаемого и посвященного. Похожие мотивы, связанные с проникновением в древнее и опасное знание, имеются и в рассказах Лавкрафта. Но подход Лавкрафта — более фаустианский: обреченный протагонист не понимает, когда следует остановиться, и летит бездумной ночной бабочкой на гибельный огонь свечи. Повествователей и протагонистов Блоха заманивают другие, а это гностическая тема; так в «Матрице» Морфеус соблазняет Нео красной таблеткой.

«Безликий бог» не следует общей схеме, хотя в нем есть нечто аналогичное. Преступного мерзавца доктора Карноти (он напоминает читателю о соратнике Картера лорде Карнарвоне, умершем от заражения крови вскоре после открытия гробницы Тутанхамона) никто не приглашает пройти инициацию. Карноти сам пытками вынуждает старого египтянина сообщить ему местонахождение сфинкса Ньярлатхотепа. Хотя этот мотив у Блоха не подчеркивается, в кровавом убийстве можно усмотреть непреднамеренную жертву богу, чью статую разыскивает Карноти; такие же жертвы приносили древние фанатики, искавшие милостей Ньярлатхотепа. Здесь не инициация, а иной ритуал.

«Жуки» (WT, декабрь 1938) ближе к общей схеме, с той небольшой разницей, что в этом рассказе сам повествователь обращается к фигуре инициатора, археолога Артура Хартли. Рассказчик узнает от общих друзей о возвращении Хартли с раскопок в египетском Судане и его добровольном уединении. Встревоженные поведением Хартли друзья не предлагают рассказчику выяснить, что происходит с археологом, хотя их озабоченность и заставляет его нанести ученому визит. Таким образом, рассказчик и Хартли разделяют актантную роль, воплощенную в других египетских рассказах единственным персонажем. Стоит повествователю попасть в квартиру Хартли, как начинается сцена, взятая прямо из «Шепчущего во тьме» Лавкрафта. Потрясенный и параноидальный Хартли выступает в роли (псевдо-) Экли, который прячется в темной комнате своего деревенского дома и посвящает друга по переписке Альберта Уилмарта в тайны, что мечтал бы никогда не узнать. Этот эпизод рассказа Блоха кажется непосредственной данью почтения Лавкрафту: «О, мне известны все мифы — легенда о Бубастис, история воскрешения Изиды [богиня воскресила из мертвых Осириса], истинные имена Ра, аллегория Сета...» Последнее определенно соотносится с упоминаемой Экли «аллегорией Йига», еще одного мистического змееподобного бога.

В жутком финале «Жуков» обезумевший от страха повествователь обнаруживает пустую оболочку труп Хартли, что напоминает о последнем откровении в рассказе Лавкрафта: спасаясь бегством, Уилмарт видит в кресле, где сидел хозяин, только «лицо и руки Генри Уэнтворта Экли». Но Блох заходит еще дальше — внутренности Хартли выедены скарабеями, поток жуков, закончивших свою работу, извергается из открытого рта археолога. Все прочие мрачные образы такого рода основывались с тех пор на рассказе Блоха. Рассказ Стивена Кинга «Они подкрадываются к вам» (киноантология «Creepshow», 1982) — буквальная кинематографическая адаптация «Жуков», и тот же отвратительный прием использован в «Brand X», одном из эпизодов телесериала «X-Files» (16 апреля 2000; сценаристы Стивен Маэда и Грег Уолкер).

Все египетские рассказы Роберта Блоха — это рассказы-предупреждения: подобно Лавкрафту в «Хребтах безумия», автор предупреждает читателя об опасностях, связанных с попытками проникнуть в тайны давно похороненного прошлого. Но это всего-навсего троп, уловка, повествовательная мотивация, с помощью которой в рассказах открываются ужасы, вызванные к жизни неумным любопытством. Если бы эти рассказы действительно были призваны служить предупреждением, в них проводилась бы мысль о нежелательности археологических экспедиций; разумеется, Лавкрафт и Блох ни о чем-либо подобном не помышляли. Можно было бы показать, однако, что портреты профессиональных психиатров и психологов у Блоха и в самом деле кое о чем предупреждают, поскольку писатель считал, что эти люди зачастую ничем не отличаются от шаманов и шарлатанов (самые язвительные нападки, вероятно, содержатся в романе «Психоз II»). Однако в египетских рассказах подобные мотивы не встречаются.

И последнее замечание. Те или иные критики часто называют опубликованные в «Weird Tales» вещи Блоха, в том числе «лавкрафтовские» и египетские рассказы, «ранними произведениями». С технической точки зрения это верно, но подразумевается, что мы имеем дело с некими «многообещающими пробами пера». Словом, ложка меда в бочке дегтя. Я решительно не могу согласиться с такого рода покровительственной оценкой. Безусловно, автор «Психоза» позднее достиг новых высот, но я считаю, что уже в этих рассказах в духе «странного чтения» перед нами предстает писатель, работающий в полную силу.

Оглавление

Безликий бог	6
Открывающий пути	26
Выводок Бубастис	45
Тайна Себека	64
Глаза мумии	86
Храм Черного Фараона	104
Жуки	127
<i>Роберт М. Прайс. Египетские рассказы Роберта Блоха</i>	142

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.